

ЮЛИЯ ШОЛОХ

ДВА УГЛА

ФАНТАСТИКА, ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Когда жизнь загоняет в угол, каждый ищет выход. Кто-то находит, кому-то не обойтись без помощи. Но бывают и те, кто не понимают, что попали в тупик. И вот вопрос — что же с ними делать?

Часть 1

Глава 1

Мутный красный свет проникал даже сквозь закрытые веки. Когда раздался сигнал побудки, Латиса поднялась чуть ли не с облегчением. Спать все равно не получалось. Да и у кого бы получилось, когда корабль вот-вот прибудет к цели — планетарной системе Старшей расы, тайтов. Командный центр наверху наверняка похож сейчас на стихийный припланетный рынок: тысячи копошащихся катеров, в суетливой спешке обменивающихся товаром. Быстро-быстро, потому что скоро прилетят охранники и всех разгонят. И хорошо, если без жертв. Так и здесь, бегают, наверное, в панике проверяя уже тысячекратно проверенные инструкции. Судорожно напоминая друг другу, что вот она их цель, так близко. Да, их цель теперь всего в нескольких часах лета... А вот ее?

Латиса заставила себя не думать, просто поднялась и пошла умываться. Младшему персоналу настоятельно рекомендовали не покидать нижнюю палубу, потому Латиса, одевшись, отправилась в нижнюю кают-компанию, где завтрак подают с шести.

Хорошо освещенное помещение было заполнено людьми, в основном сильно возбужденными. Непривычно много лиц вокруг: веселых, горящих предвкушением чего-то необычного, может и плохого, но ведь может и хорошего? О тайтах известно так мало, что они подходят на любую роль: от агрессоров, способных запросто уничтожить человечество до спасителей этого самого человечества от самых страшных катастроф.

За одним из столиков напарница Ланиты, Филиция, на редкость оживлено болтала с рыжим Патриком. Латиса терпеть его не могла из-за глаз, словно покрытых масляной пленкой. И это масло пачкает, расплзается по телу, стоит ему только взглянуть. Мерзость... В другое время Филиция и сама бы к нему без приказа начальства не подошла, но сегодня все были не в себе: полет окончен, месяц ожидания позади, а впереди теперь только все самое интересное — контакт с недавно найденной Старшей расой. Каким он получится? Тайты сами, конечно, предложили переговоры и дружественный обмен информацией, но кто их, демонов, знает.

Латиса взяла коробку с завтраком и, вздохнув, решительно направилась к подруге. Патрик тут же подвинулся, освобождая место рядом, но Латиса села напротив.

— Ну ты дрыхнешь, — с восторгом зашебетала Филиция, тонкая, крошечная, вся коричневая, будто шоколадка. — Нас дергать до прилета не будут, но ведь все равно, пропустила торможение, чем перед потомками хвастаться будешь? Такой великий момент и... проспала?

— Как пропустила? Торможение было? — Латиса ушам не верила. Такую тряску не пропустишь даже во сне, а она почти не спала. — Оно же по плану только через два часа.

— Так демоны нас тормознули своей сеткой, так мягко, что просто чудо. А я уже думала, опять буду час в уборной валяться, путая стены с потолком. А вот повезло. Стив сказал, на командном все в шоке, Редкий стонет и клянется, что не улетит без секрета создания сетки такого радиуса. В общем, аншлаг.

Филиция любила болтать. Наблюдая за быстрыми движениями пухлых губ, бархатных, словно покрытых сахарной пудрой, Латиса подумала, как удачно все-таки, что сама она больше любит слушать.

— Так что ты все новости проспала, моя пастушка! Мало, что торможение, уже

несколько тайтов прибыли и с советниками в штабе заперлась. Объявили, что идем к третьей планете, в центр с кислородной атмосферой, куда прошлую экспедицию селили. Отвели и обустроили нам один из лепестков города, заботливые наши хозяева, — не смолкала Филиция. — Даром, что демоны.

— Тайты, — автоматически поправила Латиса, косясь на Патрика. Чего это он такой молчаливый сегодня? Обычно они с Филицией друг друга стоили.

— Демоны, — беззлобно настояла напарница. — На, глянь, если не видела еще. Официальная грамота, созданная тайтами для нас, людишек, с учетом нашей слабой мозговой деятельности.

Латиса приняла планшет с зеленым текстом на экране. Буквы были такими изящными, что не сразу удалось переключиться на чтение.

"Уважаемые гости! Просим ознакомиться с простыми правилами поведения, которых следует придерживаться при общении с представителями Старшей расы.

1. Не прикасайтесь к ним, если хотите жить.
2. Не задавайте личных вопросов.
3. Не покидайте пределов человеческого сектора.
4. Не пейте спиртного. Если выпили, независимо от количества, три часа после этого не подходите к ним, если хотите жить.
5. Не заходите в область пещер, если хотите жить.
6. Не пробуйте местных трав, грибов и ягод, если хотите жить.
7. Если хоть немного сомневаетесь, что ваше поведение правильное, уточните у проверяющих.

Рады вас приветствовать в Серебряном мире".

Перелистнув страницу, Латиса уставилась в лица троих тайтов. Первое действительно четкое и качественное изображение из всех, которые ей удалось увидеть. Неудивительно, что демоны... Очень смуглые лица, суженные к краям темные глаза, благодаря слегка наклоненной голове — вызывающий и угрюмый взгляд. Подходящее прозвище... Но не за внешность. Вот она, главная причина — окружающее тела пламя, бледно-синее, легкой дымкой скользящее по фигурам снизу вверх. Латиса знала, при общении они это пламя контролируют и совершенно неопасны для человека. И что это вовсе и не пламя, не в том понятии, которое вкладывают люди. Это нечто вроде энергии, для неорганической ткани она совершенно безопасна, но органическую белковую сжигает, как настоящий огонь. Причем только живую, с этим им еще тоже предстоит разобраться. Латиса вообще много чего знала о тайтах, именно по этой причине удалось попасть в состав экспедиции. Но афишировать знания не спешила даже перед напарницей. И Патрик этот еще сидит, уставился как обычно, хорошо хоть молча.

— Как тебе пункт шесть? — ядовито поинтересовалась Филиция. — Люди настолько тупы и несообразительны, что будут тащить в рот все, что ни попадя!

Патрик хмыкнул.

Латиса вновь перелистнула страницу. Город... Огромная гора, упирающаяся скошенной вершиной в серое туманное небо. Гору окружает линия построек, светящаяся в сумерках голубыми и зелеными огнями. Снимок примерно с высоты птичьего полета... ну, или кто тут у них летает. Красиво... Линии резковаты, углов чересчур, но зато цвета... Синевато-

серый, темно-изумрудный... непередаваемо.

Латиса оторвалась от города, только когда Филиция по руке похлопала.

— Слышишь? — и тут же повторила. — Нас здесь и поселят. Беспокоятся очень о слабых человеческих телах. Плохо для здоровья оставаться долго в замкнутой системе корабля. Наши сопротивлялись, как могли, но они настояли. Так что вечером уже посмотрим на этот город... живьем.

Филиция улыбнулась и Латиса вздрогнула, увидав в ее глазах блеск. Сине-зеленый, как огни города.

Большой кабинет освещался единственным источником света на потолке — круглой пластиной, в которую были вживлены белые кристаллы. Прямо под ней стоял пустой стол в форме полумесяца и рядом с ним, на кресле с длинным сидением, удобно расположилась массивная фигура пожилого тайта. Перед ним парила проекция планетной системы, где прибывший корабль медленно плыл в окружении почти невидимой сетки, как пойманная в паутину муха. На это зрелище можно было смотреть часами: лениво вращающиеся шарики планет, мерцающее солнце, россыпи космической пыли, все в гармоничном едином движении. Корабль казался чужеродным предметом, вторгшимся в совершенный живой организм.

В одной из ровных стен кабинета раскрылась дверь и почти бесшумно вошел второй тайт, высокий и легкий. У стола остановился, не обращая внимания на проекцию и смотря только на профиль сидящего.

— Карасан... — прохрипел уставший голос.

— Старший Аелла, — пришедший склонил голову в приветствии. — Все приготовления завершены. Сложностей никаких не предвидится, безопасностью людей занимается Мазгун, значит, с нашей стороны все будет безупречно. Других проблем тоже не ожидается.

Аелла неожиданно резко обернулся.

— Никаких? И совсем никто не пытался отказаться от общественной работы?

— Никто, — ровно ответил пришедший. В его голосе проскользнуло хорошо скрытое недовольство.

— Совсем никто? И никто не требовал встречи со мной? — откровенно удивленным голосом переспросил Аелла.

— Нет.

Старший тайт вздохнул почти обиженно.

— Ах, Карасан... Доложи остальным Старшим. Свободен.

— Тихого пути, — стоящий отступал спиной назад, пока не пропал из освещенного кристаллами пятна.

Корабль на проекции уверенно приближался.

День был долгий. Латисе пришлось идти на склад и следить за погрузчиком, ставя метки на архивные ящики. Если хоть что-то потеряется или попадет в чужую рабочую зону, влепят выговор, а в экспедициях такого уровня все выговоры сразу заносят в трудовую историю, так что всего одна ошибка может сильно подпортить твое будущее.

На планету людей забирали катера тайтов. Каждому человеку разрешили взять личные вещи и в обязательном порядке — штатный планшет. Латису удивило, что тайты не потребовали людей пройти карантин и никак не проверяли состояние здоровья. Всего лишь

на переходе в катер сделали снимок и попросили назвать имя.

Латиса летела еще с пятнадцатью женщинами, катер останавливался прямо над домами и мягкий бесполой голос называл фамилии тех, кого в нем поселили. Латису высадили у второго вместе с еще тремя девушками.

Посмотреть на город не удалось. Была поздняя ночь и все уже еле передвигались от усталости. Латиса открыла выданной карточкой входную дверь и попала в простой тамбур с лестницей на второй этаж. На каждом этаже площадка заканчивалась двумя дверями. Присвоенный Латисе номер красовался на одной из нижних. Зайдя, она даже свет не стала включать, почти на ощупь добралась до кровати, упала и уснула.

Проснувшись утром, первым делом осмотрелась. По сравнению с коморкой на корабле, постоянно давящей маленькими, как будто сжимающимися стенами, эта комната была просто шикарной. Обустроивали ее наверняка по картинкам из лучших отелей курортной Эридны. Огромная низкая кровать. Зона отдыха с мягкой мебелью из пружинистого пуха гигантского паука. Проекционный экран на всю стену, транслирующий многокрасочный, постоянно меняющийся лес Эридны. Еле слышимый звук ветра, петляющего между шарообразными деревьями и иглами тонких, черных гор.

Как только Латиса поднялась, над пристенным столиком с мягким звоном моргнула синяя лампочка.

— Завтрак. — Сказал ласковый женский голос.

Хлебные булочки, эриданское кофе, ветчина. Латиса тупо рассматривала поднос, пытаюсь понять, не мерещится ли ей все это. Они так кормят... простых служащих? Или для них даже она — почетный гость?

Бессмысленно гадать. Для того люди и прилетели — узнать тайтов, научиться друг друга понимать, найти что-то общее. Похоже, у тайтов пока получается лучше. Старшая раса, как они себя представили. "Что же вы, Старшие, Таиси то не уберегли", — горько подумала Латиса. И тут же начала себя настраивать, Таиси не вернешь, думать надо теперь не о потере, а как узнать, отчего же она погибла. И Латиса намеревалась узнать, искусственно нагнетая внутри себя злость, не давая ей стихнуть и уняться.

Обычным предметом этим утром оказался только пакет форменного костюма, чему стоило порадоваться — не хватало еще, чтобы тайты принялись вырывать людей в соответствии со своими вкусами.

Выйдя из здания, Латиса огляделась, никого не увидела и уткнулась в планшет, пытаюсь разобраться в схеме сектора. Вот эти трехмерные кубики — жилые дома, кружок посередине — база, туда нужно прибыть как можно скорее, судя по заданию, высветившемуся на экране. Вроде все просто и понятно, только дома соединены сплошными заборами, чего на схеме не указано. Не лезть же прямо через забор? Она кружила между домами, обходила все дальше и дальше, пока совсем не запуталась. Случайно вышла на круглую площадь, покрытую плоскими каменными пластинками, и невольно остановилась. Впереди кольцом стояли тайты, трое в темно-зеленой одежде, один — в серой. Живьем тайтов Латиса видела впервые, вчерашние темные тени не в счет — они общались с людьми только через экран и не присутствовали ни в корабле, ни в катере.

Двое из тайтов разошлись в стороны, быстро исчезнув среди узких улиц. Один из оставшихся сделал движение в ее сторону, но четвертый, в сером, его остановил. Потом медленно пошел к Ланите и в голову сразу полезла одна из страшилок — демоны читают человеческие мысли, просто и быстро, как будто написанное в книге. "Неправда,

неправда", — судорожно убеждала себя Латиса.

Тайт остановился в метре напротив, мягким движением сложив руки на груди. Жест, одновременно демонстрирующий и миролюбие, и приветствие, и прощание, как указывал краткий ознакомительный ролик, показанный им перед вылетом. Тайт был высок, немного сутул и лицо как у тех, с фотографии — хмурое и спокойное. Похожее на приталенный халат одеяние достигало самой земли. Глаза закрывал непрозрачный информационный экран. И никакого огня вокруг.

— Приветствую, — голос оказался неожиданно глубоким и, замерев на миг, добавил, — Латиса Маеринская. И хотя она знала, что ее имя прочитано на экране, сказано было так, словно они давно друг друга знали. А может, даже и дружили. А может и...

Латиса поморщилась. Если тайты читают мысли, их ждет много неприятных сюрпризов. Люди чистотой мыслей не отличались и контролировать их никогда не умели.

— У вас вопрос? — добавил после минутного молчания тайт. — Латиса Маеринская, — после паузы.

"Какие у них глаза? — думала Латиса. — Какой спектр они видят? Какой он видит меня? Цветным пятном или черно-белую?"

— Если вам так интересна моя внешность, я могу сделать для вас снимок, — ровно продолжил тайт и Латиса пару секунд давилась ужасом. Подтверждение, что мысли читают — вот же оно! Но тут же одернулась. Какое там подтверждение, она так уставилась на этого тайта, что даже слепой разглядит любопытство.

— Хотите? Латиса Маер...

— Достаточно просто Латиса, — вдруг прервала она.

— Как угодно. Хотите получить мое изображение? Латиса, — так же ровно продолжил он. И до нее вдруг дошло, что тайт говорит совершенно серьезно и даст ей эту самую фотографию, если она скажет да.

— Нет, спасибо, — быстро ответила.

— У вас вопрос? — безо всякого промедления продолжил тайт.

— Как... как вас зовут? — немного нервировала вся ситуация, как-то слишком пусто вокруг, где же остальные люди?

— Зовите меня Проверяющий, — на невозмутимом лице напротив ничего не отразилось.

— А... — Латиса тут же себя остановила. Наверное, спрашивать в такой ситуации настоящее имя все же не стоит. Может, это как раз личный вопрос, пункт два.

Надо же, думала, знает о тайтах так много, но вот один из них стоит напротив и неизвестно, как и о чем с ним говорить.

— У вас вопрос? — повторил тайт.

— Я заблудилась. Мне нужна линия шесть, пятое здание, не могу найти.

— У вас нет схемы сектора?

— Есть, но на ней не указано, что дома соединены сплошными стенами, — Латиса протянула планшет, пальцем показывая на здания вокруг площади. Проверяющий молча следил.

— Хорошо, схема будет изменена на более вам понятную, — сказал вскоре. Потом быстрым кивком подозвал второго.

— Ланте вас проводит, — и, повернувшись к тому, — линия шесть, пятое.

Тайт в зеленом, с таким же темным экраном на глазах, молча повернул налево и как

будто поплыл. Только по хрустящим под ногами плиткам можно было понять, что он все-таки идет по земле.

— Следуйте за ним, Латиса Мае... Латиса. — Проверяющий сделал шаг назад и замер.

— Спасибо, — проходя мимо, она в последний раз попыталась заглянуть под экран, но глаз так и не разглядела. Какие же они у них?

Прямо на входе ее перехватил Павел Кириенович.

— Латиса за мной, быстро, быстро. Данные начнут поступать уже к вечеру, а у нас систему собирать и собирать! Почти все в коробках. Давай, давай!

И чуть ли не бегом по коридору припустил.

Филицию в комнате удалось найти не сразу. Она ковырялась в одной из коробок черного пластика, такой огромной, что наружу одни только ноги торчали.

— Все, девочки, постарайтесь разложить быстрее. Давайте, давайте! — подстегнул напоследок Павел Кириенович и побежал дальше решать другие жизненно важные вопросы.

— Опять опаздываешь! — пробурчала из глубины коробки Филиция.

— Заблудилась.

— И как дошла?

— Проверяющие довели...

— Вот как, — многозначительно произнесла Филиция, шурша упаковочной массой.

— Слушай... а они нас что... контролируют?

— А ты думала! После первой экспедиции каждый шаг под присмотром. Мы все у них, как жучки в банке, на виду. Для нашей же безопасности, утром говорили.

Говорили... Вот за что Латиса и любила напарницу. Все новости и сделанные в процессе сплетен выводы в окончательной редакции, не надо никуда идти и никого на откровенный разговор разводить.

— А что с первой экспедицией не так? — постаралась не сбить голоса Латиса.

— Знаешь наверняка, иначе бы сюда не попала, — спокойно ответила напарница и, наконец, вылезла наружу, таща за собой длинную упаковку прозрачных файловых пластин.

— Все, что знаю — там несколько человек погибло, после чего тайты остальных быстро собрали и назад отправили. И вот только черед пять лет снова стали пошши на контакт, весьма неожиданно предложили обмен... и все.

— Ну да, заявили, теперь, мол, приняли все возможные меры и жертв по их вине больше не будет. Ну, а за нашу глупость они не отвечают.

— Так отчего там погибли-то точно?

— Говорят, вроде взрыв какой-то был, сразу полтора десятка жертв. Не знаю, в общем.

Коробки, коробки... ящики... Несколько часов они обустроивали архив в привычную для них систему. Стеллажи с хранителями, сканеры, экраны. К обеду почти все было готово.

После сигнала на перерыв Латиса и вправду почувствовала голод. А уж когда увидела, чем их собираются кормить! В изумлении были все члены команды — прибывший из кухни тайтов обед включал настоящее мясо и овощи, никаких питательных концентратов.

"Лучше бы деньгами выдавали", — с досадой подумала Латиса, разглядывая остатки порции, слишком большой, чтобы съесть за раз. Пропадет ведь!

После такого потрясающего обеда грех сразу бросаться работать, поэтому, вернувшись в комнату, Латиса уселась на диван у стены, а Филиция улеглась, положив ей на колени голову. И стала читать общий форум по планшету, без которого даже на свидания не ходила.

— Что-нить новенькое? — по привычке спросила Латиса.

— Да так, сплетни всякие да слухи. Обед обсуждают. Тайты, как всегда настояли, что сами проследят за питанием, наши теперь довольны, что согласились. Вот еще... ты знаешь, что в каждой жилой комнате есть бар с фруктами и напитками, в том числе психостимуляторными?

— Ничего себе... Не знала!

— Надо поискать... — пальцы Филиции листали страницы, мелькавшие на экране так быстро, что удивительно, как она вообще умудрялась там что-то разглядеть.

Когда дверь распахнулась и вошла Советница Адина, а за ней — тайт в синей одежде, они застали сотрудниц в совсем нерабочей обстановке: те валялись на диване и с придушенными смешками разглядывали что-то на экране планшета.

Через секунду обе стояли, вытянувшись и делали вид, будто только что вовсе и не нарушали должностную инструкцию самым злостным образом.

— Сотрудницы архивного отдела, — представила их Советница. Филиция Аутери, Латиса Маеринская. А это — один из сотрудников группы по обмену информацией, Карасан.

Они поклонились друг другу. Экрана на тайте не было. Латиса не удержалась и разглядела его глаза — темная карая радужка, шире, чем у людей и как будто растянутая в стороны, зрачок обычный. А потом поняла, что еще в этом лице неожиданного — тайт улыбался.

— Карасан присоединит к архивной системе проверочный накопитель, чтобы контролировать поступление данных. Будут вопросы — обращайтесь. — Советница сложила руки на груди в знак прощания и вышла, оставив тайта с ними наедине.

Он все так же улыбался. И было в его лице что-то неожиданно привычное, что-то настолько человеческое, что даже страшно становилось от такого невозможного сходства.

— Сегодня я просто познакомиться. Завтра утром привезут накопитель, тогда я задержусь подольше и покажу, как его использовать. До завтра. Тихого пути.

— Тихого пути, — еле слышно повторила Латиса.

Когда дверь за тайтом съехала с тихим хлопком, Филиция вдруг спросила:

— Может... помиришься все-таки с Леви?

— Нет, — отрезала Латиса.

— Тогда найти другого! — вдруг рявкнула напарница, сверкая глазами. — Найди мужика, в конце концов, ты теперь даже на тайтов пялишься! Это же... неприлично!

И, отвернувшись, отправилась ворошить следующую на очереди коробку.

К ужину они закончили сборку архивного комплекса и еще полчаса дурачились, зазывая в свою комнату удачу, которая никогда не помешает, когда нужно чтобы все заработало быстро, четко и слажено.

Филиция тут же унеслась на свидание со Стивом, у которого последний свободный вечер перед сменой. Младшие пилоты почти все время будут проводить на корабле, так что неизвестно, когда в следующий раз его отпустят. Рассуждая о счастье в целом и о себе в частности, Филиция быстро повертелась перед зеркалом, стряхивая с майки что-то невидимое. Потом вылетела, забыв даже попрощаться. Дверь плавно закрылась, отрезая падающий из коридора, больно бьющий по глазам, резкий свет.

Пора и домой... по делам. Выждав еще минут пятнадцать, Латиса поднялась и уже от

входа оглянулась, быстро посмотрев на свое отражение, словно что-то незнакомое ожидала увидеть. Эти широкие скулы и узкий лоб... сколько раз она злилась, разглядывая их в зеркале, будто они и не часть ее лица, а так, сами по себе.

Все такие же... Оставив безучастное к человеческим желаниям зеркало за спиной, Латиса отправилась на улицу, и сегодня ей нужно было получше изучить выделенный людям сектор.

Легко добралась по обновленной карте до круглой площади, где утром встретила с тайтами. Было пусто. Сектор ничем не отличался от подобных на других планетах: стандартные дома, загораживающие обзор, по одну сторону над которыми — однообразное серое небо, по другую — темная громадина горы. Выбрав лавку напротив, Латиса уселась и стала эту гору изучать, с таким пристальным вниманием, будто ожидала найти на ее поверхности нечто шокирующее. Громадина загораживала весь горизонт, и солнце бы загородила. Вот только здесь не бывает солнца, погода всегда одинакова — пасмурно, как перед дождем и прохладно.

Но как по-своему красиво...

Потом у подножия горы загорались огоньки, разрастались, становясь все больше и ярче. Темнело. Неожиданно вокруг площади вспыхнули парящие в воздухе бледные голубые шары, окружая Ланиту дырявым кольцом света.

"Пора", — отстраненно подумала Латиса. За последние полчаса мимо не прошел ни один человек. Ну а тайтов она вообще вечером не видела. Хорошо бы их наблюдение ограничивалось дневным временем, ведь ночью люди предположительно должны находиться или по комнатам, или в гостях друг у друга, то есть все равно в зданиях.

Латиса быстро переключила планшет, замутив изображение на экране, словно он сломан. Теперь она смотрела на карту только для вида и целенаправленно шла в сторону горы. Тайные пещеры, они там. Таиси... Тайты принесли ее в жертву своим дремлющим богам, там, в самой толще горы. Так она говорила, приходя во сне, и не слушать ее голос Латиса не могла. Где-то в глубине — пещера с неровными стенами, усыпанными блестящими цветными кристаллами и в ней живут чужие древние боги.

Это было совсем непонятно. "Как у народа на такой ступени развития могла сохраниться вера в богов? Какая-то религия? Ведь они сами для нас — почти боги", — тоскливо думала Латиса, разглядывая нависающую над ней гряду камня.

Но Таиси непреклонна.

Гора изрыта проходами насквозь. По-прямой около десяти километров... Но сколько искать, если учитывать все ходы, норы, тупики? Как... искать?

Неважно, не искать Латиса просто не могла. Это все равно, что сесть напротив зеркала и позволить себе сойти с ума, находя в чертах своего лица черты мертвецов, которых показывает Таиси. Все чаще и чаще... Потом, этот вопрос потом. Сейчас нужно просто постараться найти вход в пещеры поближе от своего дома.

Вскоре она его нашла. Черную нору между двумя невысокими зданиями, вдавленными в толщу камня. И еще успела нанести пометку на карту.

А потом из-за домов вышел Проверяющий. Неспешно приближался, и она была благодарна кому-то, не знала кому, за его медлительность, позволившую немного успокоиться.

— Латиса, — голос как утром, слишком... интимный.

Боясь вопроса, она судорожно придумывала, как его отвлечь. Нужно было что-нибудь

сказать и губы заговорили, словно сами собой:

— Спросить имя для вас — это личное?

Тайт напротив молчал.

Ветер. Вот чего жутко не хватало на этой планете. Хотя бы крошечный, легкий ветерок.

— Тут не бывает ветра? — тут же добавила Латиса, пытаясь сгладить бестактность предыдущего вопроса, если она была.

— Бывает. Иногда, даже слишком много. Воздух чернеет и ничего не видно. Нельзя дышать.

Оглянувшись на ближайший дом, она, наконец, поняла предназначение этих сплошных герметических ставень и дверей. Поежилась. Жутко, когда по улице гуляет смерть.

— Это случится нескоро, — мягко добавил Проверяющий, чем вызвал, как и утром, несколько секунд страха — неужели мысли читает?

Он подошел ближе. Если бы не сдерживал огонь, на таком расстоянии уже бы обожгло.

— Латиса. Вы... снова заблудились? — спросил.

— Мой планшет сломался, — слишком быстро ответила она.

Темный силуэт прошел мимо, тихо шурша одеждой.

— Идите за мной.

Несколько минут Латиса послушно брела за тайтом и не знала, удалось ли отвлечь его внимание от появления возле пещер. Надо как-то попробовать выяснить, когда и как они ведут наблюдение. Иначе план попросту провалиться, потому что времени до отлета домой итак совсем мало. Второго шанса попасть сюда больше может и не быть. Да и доживет ли она до него, до второго шанса? Даст ли дожить... Таиси?

Тайт остановился у дома, куда ее поселили и Латиса ждала, что будет дальше.

— Ваш дом, — в конце концов, пояснил голос.

Но она все так же стояла и рассматривала почти неразличимое в темноте лицо. Днем удалось узнать, что цвет радужки у тайтов зависит от возраста и положения. Очень сложная катая-то система со множеством оттенков, почти неразличимых человеческому зрению. Да и в темноте цвет глаз все равно не разглядеть, даже сними он этот свой дурацкий экран. А главное — как бы узнать, попала ли она под подозрение, пойманная почти у входа в пещеры? Никакой подходящей информации по тайтам в голову не шло. Спрашивать глупо, да и не ответит. Мимика у всех гуманоидов одинаковая, но в такой темноте не разглядишь. Изменение ударов сердца и температуры тела возможно уловить только при помощи специальной аппаратуры. У Латисы такой не было. Как же узнать...

— Латиса... может, вы все же хотите получить мое изображение? — голос был настолько спокоен, что Латиса совершенно неожиданно полностью расслабилась.

— Хочу, — вдруг ответила.

Вернувшись домой, Шалье, не раздеваясь, направился в синюю комнату. Охранный замок, определяющий владельца по пяти разным признакам, включая ДНК, пищал всего несколько секунд, но ему казалось, прошло непереносимо много времени. Наконец, замок открылся.

Рабочий стол окружали связки тонких тройных панелей в два ряда. Не раздеваясь, Шалье плюхнулся в кресло и стал быстро просматривать экраны. Через несколько минут решил, что на первый взгляд все нормально.

Слева от стола в воздухе висела проекция материка, вдоль и поперек испещренного

водяными пятнами и полосками. Местами поверхность земли была покрыта шевелящимися красными точками. Шалье увеличил одно из самых больших скоплений. Еще ближе, еще. Россыпь двигалась, мельтешила, как летающие над тарелкой сгнивших фруктов мошки. Шалье перевел изображение на центральную панель.

Деревня жила обычной жизнью. Женские особи яриц возились у хижин, слепленных из грязи и сухих водорослей. Чистили рыбу и, завернув в листья водяной травы, складывали томится на горячие камни. Некоторые чинили одежду или шили новую, соединяя клеем шкуры водяных зверей. Тут же украшали особо удавшиеся вещи красными сухими рыбками и перламутровыми раковинами.

Детеныши носились по территории, с визгом подскакивая при развороте, или сидели кружками, оперевшись на хвосты. День был солнечный и чешуя на их спинках горела разноцветным пламенем.

Особь постарше собирали в водяных колодцах мягкие пузырьчатые губки и раскладывали их сохнуть на солнце.

Шалье переместил следящее око спутника в сторону водяных просторов. Несколько лодок с мужскими особями занимались охотой. Главарь Хаахе в первой стоял, подняв копьё, и громким клекотом вдохновлял соплеменников на победу. Его темно-бежевая кожа была раскрашена кругами и квадратами грязи.

Немного последив за ярицами, ныряющими в поисках добычи глубоко под воду, Шалье нехотя переключил изображение на площадку Говорящих духов. Там было пусто, чисто вымытые камни достигали края земли, резко прерываясь у самого обрыва. Здесь было самое высокое место поселения — глубоко внизу из воды торчали, как клыки, острые камни, окружая воду Рождения, сейчас спокойно плескавшуюся в чаше дна.

Шалье медленно перевел глаза на статую, возвышающуюся посреди площадки. У ее подножия лежало несколько полуразложившихся голов и сморщенные остатки внутренностей.

Кровавая богиня равнодушно наступала на подношения кончиками пальцев босой ноги. Но сверкающую в ее глазах ярость не утолить жизнями нескольких слабых врагов. Богиня хотела большего.

Палец Шалье дрогнул, когда он максимально приблизил изображение статуи и жадно уставился в экран.

Выбитое в камне лицо великолепно передавало черты Мальтики. Острый подбородок и раскосый разрез глаз. Прямая спина, гибкое движение ноги, нашедшей опору, рассыпанные по спине волосы, за которыми больше нет смысла ухаживать. И обезумевшее от жажды мести лицо... Богиня, несущая смерть.

В руках Мальтика держала лазерную пушку.

Шалье наполнялся этим выражением, и все, что он видел помимо него — только спины яриц, лучисто поблескивающие вдалеке, как стекляшки на солнце.

Утром, рядом с подносом завтрака Латиса нашла полупрозрачный конверт со снимком. Лицо без экрана. Глаза темной зелени и распущенные волосы. И запах горячего шоколада, настоящего, земного, того, что почти на вес золота. Снимок сделан после службы, на работе волосы правилами тайтов положено собирать.

И зачем ей эта фотография? Хотя подсознание, похоже, работает за двоих, подобное поведение, скорее всего, охарактеризовало ее вчера как пустоголовую, немного глуповатую особу.

Когда Латиса вышла на улицу, от стены отделилась зеленая тень.

— Приветствую.

— Приветствую, Ланте. Вы кого-то ждете?

— Вас. Пойдемте, я провожу вас до базы и объясню, как ориентироваться в секторе. Все очень просто...

Латиса шла за тайтом и веселилась. Похоже, сильно перестаралась вчера, вон даже личного проводника выделили. Или... соглядатая?

Впрочем, вряд ли. Она еще ничего не сделала, а за намерения не судят и не наказывают. У базы она поблагодарила Ланте вежливым поклоном, он ответил, но остался стоять на месте, пока дверь за ее спиной не закрылась.

Сегодня Филиция пришла последней. Растрепала рукой короткие волосы.

— Ну и денек начинается. Ты как думаешь, правда? — заговорила прямо с порога.

— О чем?

— Как о чем? Не знаешь, что ли? — и тут же расхохоталась, сверкая белоснежными зубами. — Вся база гудит, как взлетающий танкер, а ты... не знаешь?

— О чем? — невозмутимо повторила Латиса.

— Да о первой сенсации от тайтов! Они сообщили, что человечество ими создано. Мол, просто взяли несколько клонов себе подобных, убрали некоторые особенности, включили механизм раннего старения да отправили в подходящие условия. И стали за становлением наблюдать.

— И что?

— А мало, что ли? Все на ушах стоят, спорят, правда или нет. Обидно как-то знать, что ты просто эксперимент, про который забыли.

— Забыли?

— Да, у них тут какой-то масштабный религиозный переворот случился, сами чуть не погибли, почти все население вырезало друг друга. Ну, а когда мир восстановился, появились какие-то новые мудрецы, человечество уже было крепким, самодостаточным видом. Уже негуманно было уничтожить, вот и оставили. Представляешь? Редкий рвет и мечет, криком кричит, что вранье. Неприятно знать... такое.

— Лучше знать, что от обезьян? — улыбнулась Латиса, усаживаясь на свое место перед монитором.

— Не-е-е, Редкий сыпет фактами, давно доказано, что мы из семейства гомонид, в Колыбель человечества на экскурсию в школе каждый год таскали. Все промежуточные ветки давно установлены, между прочим.

— Ну, а кто мешал тайтам и раньше пробовать... неудачно, — рассеяно ответила

Латиса. Через несколько секунд поняла, что странная тишина вокруг — из-за ее слов.

— Тебе все равно? — тихо спросила Филиция.

— Все равно. — Как ни странно, это было чистойшей правдой. Латису больше бы взволновала новость, что тайты предоставили схемы подгорных пещер. Только она сомневалась, что они это сделают.

После обеда принесли накопитель — глухую коробку в сплошном пластиковом кожухе с разъемами с одной стороны. С другой — несколько узких индикаторов и кнопок. Поставили у стены и присоединили к архивной системе.

Потом в комнату вошел Карасан. И сразу заулыбался. Пока он проверял, правильно ли накопитель подключили, Латиса ловила злые взгляды Филиции. И было все равно — ночью ей снилось что-то изматывающее, душное, липкое, правда она не помнила, что именно, но взгляды Филиции все равно пугали куда меньше.

— Простая предосторожность, — заговорил, наконец, тайт. — Он никоим образом не будет влиять на вашу систему создания архива, а просто будет копировать ваши действия на используемые нами накопители. Их практически невозможно испортить, даже если специально стараться.

В коробке рассматривать было совершенно нечего, но Латиса настойчиво рассматривала.

— Мне объяснили вашу систему архивации данных. Вы копируете их три раза, на разного рода носители. — Тайт развернулся и вдруг уставился Латисе прямо в лицо. Ей пришлось оглянуться и замереть под неожиданно строгим взглядом. Как же похож на человека, даже глаза ничего не меняют, можно принять за обычную мутацию, мало ли их бывает. Те же шахты взять, два поколения — и не узнать исходный материал.

— Каждый раз, когда заканчиваете обрабатывать очередной пласт данных, просто нажимайте на эту кнопку, — медленно, без улыбки продолжил тайт, — и следите за индикатором. Накопитель проверит и отметит, что данные вам переданы. Тогда подтверждаете второй кнопкой, рядом. Все понятно?

— Да, — резко и немного испугано сказала Филиция за спиной тайта. Тот быстро развернулся и посмотрел теперь на нее. При этом широко и дружелюбно улыбаясь.

— Я буду заходить каждый день и проверять, все ли у вас получается.

Почти неслышно тайт распрощался и сразу ушел. Тишину комнаты нарушал только писк экрана внутренней связи.

— Почему ты на меня злишься? — спросила Латиса.

— Нет, я просто... Я ошиблась, прости. Ты вообще на него и не пялишься.

Даже сквозь шоколадную кожу был виден румянец и столько вины в глазах... Латиса с облегчением рассмеялась.

Вечером она два раза пыталась выйти из дома, но через окошко входной двери видела прохаживающихся вдалеке тайтов. Ну что же, по ее вине они тут разгуливают, или нет, лучше пересидеть дома. Тем более в планшете куча новой информации, скопированной из архива.

Латиса вернулась в комнату и вспомнила про бар. Он обнаружился прямо рядом с кроватью, всего лишь руку протянуть. С бутылкой сока из местных фруктов и планшетом Латиса уселась в кресло.

Полчаса листала страницы, но ничего подходящего не нашла. Ни географии третьей

планеты, куда могла затесаться карта пещер. Ни религии. Вернее, о религии был целый пласт, но только исторический. Ни слова о том, что творится у тайтов в настоящее время...

Тогда она просто нажала на полосу прокрутки и страниц замелькали, полетели, постепенно превращаясь из текста в картинки. А когда убрала палец, на экране замерла цветовая схема глаз тайтов. Зеленые шли по диагонали снизу доверху. И почти ничем друг от друга не отличались.

Латиса поднялась и взяла со столика, на котором завтракала, фотографию. И допоздна сидела, пытаясь найти в схеме цвет глаз Проверяющего.

И не нашла.

Утром она быстро дошла до базы, не встретив по дороге ни одного тайта. Зато Леви встретила. И даже смогла вежливо улыбнуться в ответ на приветствие.

И началась карусель: тексты поступали на двух языках — тайтов и общей лингве, копировались в три разных базы, картинки сканировались и повторяли путь текстов. Только схемы и формулы оставляли на вечер, ими Латиса занималась в тишине, когда вся основная работа была сделана.

Не обошлось без засекреченной информации, о ней приходили только сноски с номерами. Гриф СС/ОП, под ответственность Редкого Г.П.

Среди всей этой котовасии Филиция почти не выпускала из рук планшета, чтобы, ни дай Бог, ничего важного не пропустить и не узнать обо всем в числе последних. Листая новости в пятый раз, она задержала внимание на одной из страниц. А через минуту комната наполнилась серебристым хохотом, который даже сейчас звучал очень нежно.

— Не зря ждала, ну и Редкий! Намекнул утром, что новости сегодня интересные будут — и правда! Фу... ты только подумай...

— Что? — Латиса в очередной раз перенастраивала сканер, который все никак не хотел обрабатывать тонкие листы и ответ ее не особо интересовал. Столько всего случается, столько нового сразу, они как-никак совсем в чужом мире находятся. За раз не переваришь.

— О, моя пастушка! — кокетливо протянула Филиция.

— Не называй меня так, — мимоходом попросила Латиса, хотя знала, что бесполезно.

— Ладно тебе! Так вот, не желаешь ли принять участие в очередном эксперименте? — и Филиция замолчала в предвкушении вопроса.

— Каком?

— Сейчас, погоди, прочитаю дословно. Та-а-ак. Принимаются заявки от желающих участвовать в контактах ээээ близкого рода!

— Не поняла, — Латиса просматривала настройки сканера и готова была паниковать, настолько незнакомыми и замороченными они ей показались. Явно зря, этот архивный комплекс просто не мог ничем отличаться от того, на котором они тренировались перед вылетом.

— Ты что, совсем дура? — прямо спросила Филиция, — Контакты. Близкого. Рода!

Латиса, наконец, отвлеклась от экрана.

— Чего?!

— Наконец-то! Не желаешь поучаствовать?

— А ты?

— О, ну в этом деле мы Катрин не конкурентки, — захихикала Филиция, изучая комментарии к объявлению. Латиса промолчала.

Запустила сканер на очередную проверку.

— Слушай... А как они себе это представляют? Это тайты предложили?

— Не, это наш гений. В исследовательский пришел пласт по физиологии, ну Редкий и схватился, как обычно. Предложил эксперимент, тайты согласились, хотя заявили, что итак уверены в успехе, мы же их копии, просто ослабленные. Но если мы настаиваем...

— А... огонь?

— Тайты убеждают, что могут контролировать даже в таких щепетильных случаях. Редкий предлагал какие-то костюмы, но в таком деле, сама понимаешь... чистота эксперимента нужна.

— Да уж...

— Ну, что? Записываемся?

Латиса только поморщилась.

За обедом новость обсуждали все. В столовой было не протолкнуться, единственные свободные места оказались рядом с девчонками из финансового. Самый таинственный отдел экспедиции, причины его создания еще можно было объяснить, но зачем его брать с собой к тайтам... Финансисты лишь плечами пожимали, так как подписывали договор о неразглашении, а Редкий вообще имел привычку отвечать только на вопросы, которые непосредственно касались захватившего его в данную минуту дела.

Сам он восседал в углу, окруженный плотным кольцом помощников из лингвистического и физиологического и являл собой пример королевского величия. То есть сидел прямо и был очень собой горд.

Странно, как сильно это зрелище подняло Латисе настроение. Особенно те благосклонные взгляды, которыми Редкий награждал всех молодых девушек и людей, словно оценивал их способность удостоиться чести участвовать в его сумасбродных исследованиях.

Взгляды Редкого понимала не только Латиса. Сириль, плотная, слегка полноватая и оттого медленная, зябко поежилась и тут же рассказала новую сплетню.

— Говорят, Редкий хотел сам назначить исполнителей, но тайты заявили, будут проводить только по личному согласию. Повезло, а то когда он так смотрит... Я бы иначе спряталась...

— Ничего, — сочувственно произнесла Филиция, — главное, день простоять и ночь продержаться, а потом Редкого еще какая, глядишь, идея дикая захватит и можно будет вздохнуть спокойно. А то с него и правда станется... заставить.

Латиса смотрела на настороженные лица девчонок и ей вдруг захотелось что-нибудь вытворить, доказать самой себе, что все еще можно жить обычной жизнью, как остальные. Смеяться над шутками, болтать ни о чем с подругами и обсуждать очередную безумную выходку их увлеченного и рассеянного, как все гении, начальника экспедиции.

— Ну, Редкий может сделать по-своему, тайты и не узнают, — таинственным шепотом заявила она. И остаток дня любовалась Филицией, которая при каждом шорохе из коридора умудрялась втискиваться в узкую щель между стеллажом и стенкой.

Вечером выйти из дома опять не удалось. Латиса ждала под дверью три раза по полчаса, и каждый раз видела тайта. Издалека не разглядеть, кто именно, но это неважно — в любом случае кто-то из проверяющих.

Что делать, она не знала. Времени не хватало катастрофически, разузнать все необходимое и выстроить план поиска нужной пещеры в одиночку итак очень сложно, а если еще и не иметь никакой возможности попросить у кого-нибудь помощи или совета...

Не пойдешь же с таким делом к кому-то еще?

Латиса представила лицо Редкого, заговори она о своем намерении залезть в запретные пещеры тайтов и разузнать об их мерзком тайном культе человеческого жертвоприношения. Вот это сенсация, даже на фоне не обезьяньего происхождения!

Полувымученная улыбка не смогла ее ни поддержать, ни успокоить. Не отвлечешься ничем, когда тебя гонит не азарт и восторг увлеченного исследователя, как Редкого, а страх перед приходом женщины, которая уже несколько лет, как мертва. Перед ее необъяснимой властью, превращающей жизнь в отражение жизни, вроде все тоже самое, но прошедшее через бесцветную призму безнадежности и оттого ненастоящее...

Наконец, она сдалась и вернулась в комнату. Планшет мигал, сообщая о пришедшем письме, Филиция звала в гости, но Латиса отвечать не стала. Завтра отоврется, что заснула раньше и приглашения не видела.

Настенная панель показывала полет над водами Лазурного мира — вода, вопреки всем физическим законам, сталкивалась волнами сама с собой, билась об ажурные остатки каменных сооружений, созданных неизвестными существами, когда-то населявшими планету. Словно через терку, просачивалась сквозь пористые стены, оставляя за собой желтоватые дорожки пены.

Неизвестно отчего эта картина вызывала у Латисы отвращение, но она все равно заставляла себя смотреть. Если бы любование прекрасным спасало от замогильного шепота в голове, вечер можно было бы считать удавшимся.

В синей комнате Шалье, наконец, поймал Гууара и вывел на экран его изображение. Тот возвращался в компании мужчин с охоты и крепко сжимал в руке хвост добытого им водяного крота. Бледный окрас Гууара выдавал его совсем юный возраст, но по росту и размаху рук он уже мог переплюнуть многих.

Лодки уткнулись в пологий берег, где радостно галдящая малышня тут же приняла веревки и стала прикручивать к воткнутым в землю толстым рыбьим костям.

Гууар выволок добычу на берег и потащил к хижине своей матери, предварительно проволока вокруг сложенных в центре деревни горячих камней. Женские молодые особи должны видеть, что подрост еще один охотник, и скоро будет выбирать себе подругу. И они увидели. Несколько пар блестящих темных глаз навывкате старательно проследили путь Гууара и снова вернулись к работе.

Шалье не знал, что думать. Вроде удачно все идет, но немного рановато. Еще как минимум несколько дней он будет занят, а смена Говорящего с духами дело непростое, если снова сорвется, времени начинать заново уже не останется.

Он смотрел на деревню и боролся с настойчивым желанием видеть статую богини. Неизвестно, чем бы это закончилось, но его привлек писк напоминания. Наступило время, когда люди обычно ложатся спать. Справа от стола висела проекция людского сектора. Такие же красные точки, что и слева, правда, в гораздо меньшем количестве.

Машинально выделив область, Шалье приблизил одну из линий домов. Шесть зданий, в каждом — по четыре точки. Он даже не стал проверять по отдельности, сегодня все на месте.

С Гууаром все-таки нужно что-то решать. Шалье поморщился, но видел только один выход. Настроил таймер на утро, тогда сработает вживленный в голову Гууара датчик и понизит температуру его тела на два градуса. Ближайшие несколько дней ему придется

провести в хижине, валяясь в болезненном ознобе.

Утро никаких новостей не принесло. Два раза в архив заглядывала Советница Адина, но ничего не говорила.

Филиция перестала прятаться и щелкала планшетом прямо сидя за монитором.

— Слушай... тут пишут, никто не видел женщин тайтов. В составе тех, кто с нами общается, нет ни одной. И изображений нет, кроме схематических в физиологическом пласте. Любопытно?

— Они их специально скрывают? — удивилась Латиса.

— Ну, вообще-то изображений вообще почти нет, они к концу обмена пойдут, пока только информация. Но ты же знаешь наших — уже истории ходят... Говорят, тайты держат их под замком и про женское равноправие и слыхом не слыхивали.

— Вряд ли... Непохоже не правду.

— Кто их знает... — Филиция открыла рот, собираясь прочесть один из комментариев, но остановилась при виде вошедшей Советницы.

В этот раз подозрительно оглядываться и делать строгое лицо она не стала, а с облегченным вздохом уселась на диван.

— Какие идиоты... — задумчиво сообщила Адина сотрудницам архива. — Моя б воля, одних баб на дело набирала.

Вопросов ей никто задавать не рискнул, но Филиция тут же устроилась рядом, не замечая, что Советница, не отрываясь, смотрит на Латису. И ей рассказывает:

— Два дурака в лазарете. Пили всю ночь, а потом на работу поплелись к утренней смене. Первый же тайт зарядил так, что пылали, как факелы. У тайтов же произвольный выброс энергии на кровь, в которой содержится спирт. 70 % кожного покрова ожоги, еле спасли. Вот как работать?

Замолчала, следя за Латисой, садящейся рядом. Когда та кивнула, продолжила:

— И это даже не все... Трех ремонтников поймали в лаборатории. Решили, что грибы местные содержат что-то наркотическое, раз запрещено есть. Пытались выделить методом тыка. Варили, настаивали на спирте, а напоследок в аппарат разложения на компоненты засунули. Отравились парами и тоже в лазарете!

Стало смешно и одновременно неприятно. Вспомнилось, как все вокруг возмущались ерундовыми правилами, выданными тайтами. Латиса многозначительно посмотрела на Филицию и та смущено улыбнулась, отводя взгляд.

Советница говорила с таким изумлением, как будто сама впервые все это услышала:

— И это люди, проверенные всеми существующими способами! Все с опытом и образованием! Нет... надо было лучших брать, а не ориентироваться на землян. Теперь вот что имеем.

Она хотела еще что-то добавить, но не стала. Филиция тут же вернулась к монитору и, пытаясь загородить спиной лежащий на коленях планшет, уже строчила новости в общий форум. Волновали ее не столько сами события, сколько возможность сообщить о них миру.

Наконец, Латиса аккуратно протянула руку и дотронулась до руки Советницы. Апина знала ее много лет и помогла попасть в эту экспедицию, скрыв некоторую известную ей информацию. Однако никакой дружбы между ними так и не зародилось — Советница делала добро, только когда ей взбрело в голову, а Латиса старалась держаться от таких непостоянных людей подальше. Но в моменты, когда Апиной нужно было выговориться, она

приходила именно к ней. Жаловалась, ответов не слушала, советов не ждала. Только иногда судорожно хваталась за руку, словно не знала, что еще делать.

Так и этот раз — несколько минут тишины, вцепившиеся в ладонь холодные пальцы, и Советница молча ушла.

Не очень приятное начало дня, но продолжение было еще хуже. Когда в обеденный перерыв Латиса с Филицией уселись за столик в столовой, у входа показался Стив. Филиция радостно вскрикнула и тут же замахала рукой, предлагая к ним присоединиться. Только тогда из-за его спины вышел Леви, так что они присоединились вдвоем.

— Простила бы его уже давно. С Катрин спали все, это почти традиция, — успела прошептать Филиция, пока пилоты обходили столики, пробираясь к ним. Латиса не ответила.

Леви уселся напротив и спокойно стал ее разглядывать. Как всегда, очень уверенный и решительный. Он любил одеваться в светлые тона и чтоб рубашка расходилась на груди. Когда они оставались наедине, Леви становился кротким и податливым, как тряпичная кукла. Очень обманчиво податливым...

Мягкие белые чипсы на тарелке вдруг потеряли свой неуловимо нежный вкус.

— Латиса... где ты живешь? — поинтересовался Леви, улыбаясь ясно и доброжелательно.

Она задумалась. В каждом штатном планшете имелся список всех участников экспедиции и адреса, по которым их расселили. То есть ему нужен совсем не адрес. Ему нужно... согласие на посещение. Что же, давно известно, что в пилоты набирают только очень упорных и целеустремленных людей. Посещение, значит? Нет, этого Латиса не хотела. Где живет? Там, где фотография тайта на прикроватной тумбочке и ночью ей приходится эту фотографию рассматривать. Очень настойчиво рассматривать, потому что иначе приходит Таиси... Вот где она живет, и места Леви там не найдется. Впрочем, как и на любой другой замкнутой территории рядом с ней.

Под напором ожидающего взгляда Латиса неторопливо допила кофе и вернулась в архив.

Карасан пришел почти под конец рабочего дня. Проверил накопитель и остался доволен. Настолько доволен, что сразу возникло подозрение, что он ждал чего-то другого. Неужели просто нажимать кнопку, по его мнению, настолько сложная задача, что обычный человек без присмотра не справится?

— Могу я остаться и понаблюдать за вашей работой? — преувеличено вежливо спросил тайт.

Латиса кивнула. Карасан не мешал, прохаживался за спинами, иногда заглядывая через плечо, и ни одного вопроса не задал. Филиция сидела напряженная и дергалась все больше.

— Принесешь кофе? Перерыв сделаем, — попросила ее Латиса и неуверенно оглянулась на тайта. — Вы...

— Да, пью кофе. С удовольствием, — скалился тот.

Через несколько минут Филиция принесла два стаканчика и быстро проговорила, что встретила подругу и посидит с ней в столовой. Попросту сбежала. Латисе стало даже как-то спокойнее, никому бы не призналась, но общество тайта ей было сейчас приятнее, чем общество любого из окружающих ее в последнее время людей.

— Я вас не... — Карасан нахмурился, подбирая слово — стесняю?

— Нет.

— А вы, я так понимаю, совсем меня не... опасаетесь?

— Нет, — повторила Латиса уже менее уверено.

— И очень настойчивы к тому же... И лишены... здорового страха. Про таких, как вы, у нас говорят — их дух в тупике. Вам нужна помощь, Латиса. Так?

Она осторожно сжала в руке горячий стаканчик.

— А разве это не из личного? — вызывающе посмотрела. — Пункт два. Ваши правила с неприкосновенности частного в чем-то похожи... на наши.

— Верно, — согласился тайт. — Мы вообще гораздо больше похожи, чем вы думаете.

Латиса разглядывала его одежду, смотрела, зная, что это выглядит, по меньшей мере, невежливо, но не могла остановиться. Странная одежда называлась кафит, она нашла в базе. Длинной до пола, застегивается сверху до пояса. Когда тайт сел, полы кафита разошлись и было видно, что на нем такого же цвета штаны.

— Можете задать мне один личный вопрос, раз уж я вам задал, — с каким-то странным удовольствием в голосе предложил тайт.

— Хорошо. — Она ни секунды не сомневалась, вопрос словно уже существовал сам по себе, оставалось только произнести его вслух. — Какие у вас женщины? Какой канон женской красоты? В смысле, по-вашему, красивая женщина — это какая?

— Лично для меня или для тайтов?

— Для тайтов.

Глаза Карасана медленно застыли. Латиса не могла понять, видит ли он ее сейчас, а вскоре еще и задумалась, что это за спячка такая и как его будить, если он вдруг вообще не начнет шевелиться.

Тайт очнулся так же неожиданно, как и замер.

— Нет ответа. Описать невозможно. Но... Латиса, вы — красивы.

Тут же молча поднялся, сложил руки в прощальном жесте и ушел.

Наверное, такое заявление должно льстить, но подумать над этим не удалось. В голове вдруг необычно ярко и звонко появилась Таиси и, набрав воздуха, закричала с такой силой, просто заорала на одной ноте, завизжала, будто ее в это время жгли на огне заживо и до возвращения напарницы Латиса ничего, кроме острого ужаса, не испытывала.

А потом притворилась больной и сидела, вся мокрая от пережитого и выгоняла из себя чужое, как пытаются выгнать из комнаты назойливую муху. Только вот мух было... слишком много.

К вечеру душное соседство в голове немного приглушилось.

Решив, что из базы выйти незаметной проще, чем из дому, до темноты Латиса сидела в архиве, добывая настройки сканера. Когда ей все-таки удалось подобрать подходящую комбинацию, как раз темнело.

На улице было пусто. Хотя бы некое подобие ветра... Нет, ничего. Латиса сразу повернула к краю сектора, быстро проходя мимо домов по дороге, которую заранее нашла по карте и запомнила. Она искала другой вход в пещеры, в более пустынном месте, без кучкующихся вокруг домов. И без труда нашла — сразу за низкой кирпичной стеной, окружающей людской сектор. Нора чернела прямо за границей и хотелось броситься туда и начать поиск немедленно. Но еще не время. Скоро обстоятельства сложатся так, что у нее будет целая ночь на поиски, как заявила Таиси. Даже невозможно представить, откуда возьмется столько времени, но с Таиси не поспоришь. Не поболтаешь, не поссоришься, не уговоришь оставить в покое.

Латиса с трудом сдержала желание зайти в пещеры и сделать так, чтоб все, наконец, закончилось и быстро повернула назад, к дому. Она дошла только до первой линии зданий, когда в воздухе прямо запахло чьим-то присутствием. Останавливаться бессмысленно, сегодня она узнала, что у проверяющих встроенный в экран датчик тепла, который фиксирует живое на расстоянии двух километров даже сквозь камень. Это одна из причин, по которой Латиса сомневалась, что ее план вообще возможно выполнить. Но Таиси говорит...

Проверяющий стоял на переходе во вторую линию домов.

— Латиса... — произнес голос и вдруг очень сильно захотелось попросить ТАК ее имя не произносить. Потому что просто передергивает от чего-то невыносимо жгучего внутри. Может, демоны и без огня умеют обжигать?

— Решились назвать свое имя? — лихо спросила сходу.

— Меня зовут Шалье, — спокойно сказал Проверяющий. — У нас принято, чтобы представляли общие знакомые. Обмениваются именами самостоятельно, только когда связывает общее дело.

— А у нас теперь общие дела? Ну, раз вы назвались.

Вопрос он проигнорировал.

— Что вы тут делаете?

— Я заблудилась, — ответила Латиса с вызывающим упрямством избалованного ребенка.

В возникшем после молчания было что-то ненормальное, неправильное, но она не стала ничего добавлять.

— Я не могу понять, — тайт наклонился так, чтобы его лицо стало вровень с ее. — Вы единственная, кто заблудился... три раза подряд. Причем, имея карту и после подробного объяснения.

— Наверное, я просто глупее остальных, — ответила беззаботно, смотря на непроницаемое стекло экрана.

Неожиданно захотелось стукнуть по нему и разбить. Она даже представила сеть трещин на поверхности экрана и как красиво он осыплется на кусочки.

Несколько секунд молчания. Тайт так и стоял, нагнувшись.

— Коэффициент СИРМа 315, скорость МПТ — около 35 тыс. У вас далеко не самые плохие показатели. Что заставляет вас считать себя глупой?

Латиса кусала губы, тщетно придумывая ответ. Там у него на экране, скорее всего, вся ее родословная до пятого колена. Все физические показатели, особенности и привычки. В том числе и про врожденное чувство ориентации упоминание. Не наврешь ни про любовь к чужому небу, ни про привычку ходить во сне.

— Я просто хотела взглянуть на пещеры, — нехотя произнесла. Полуправда, но это единственное объяснение, которое звучит честно. Пусть только начало правды, но если заподозрят хоть малейший обман, не отстанут, пока не выяснят все. И что тогда с ней случится, даже представлять бессмысленно — все равно не угадаешь.

— Не стоит подходить к пещерам. Вы можете там погибнуть, — ровно ответил тайт. — Следуйте за мной.

Они шли очень быстро и у дома в этот никто не задерживался, Латиса сразу вошла внутрь, тайт тут же куда-то направился. Впрочем, в двери овальное окошко, сквозь которое просто нельзя было не посмотреть ему вслед. Фигура плыла по улице и вдруг... вспыхнула

светлым огнем.

— Черт бы тебя побрал! — выругалась Латиса, от неожиданности опираясь на стену. Хорошо, хоть объяснение его устроило.

Шалье одно за другим просматривал поселения яриц и в каждом находил следы сборов и подготовки к военным походам. Перед приходом ночного тумана мужские особи скапливались в стороне от деревни и под воинственные покрикивания самых бесстрашных строили планы нападения на соседей. Некоторые хватали заточенные костяные ножи и показывали заученными жестами, как именно нужно убивать врага, как отрезать голову, как вспарывать брюхо быстро и точно, чтобы не повредить внутренности и не доставить побежденному лишней боли.

Гууар лежал в хижине своей матери и в сборах не участвовал. Его деревня была самой крупной и количество яриц в ней постоянно увеличивалось. Их мужчины приносили самое большое количество трофеев, а нападать на поселение никто из соседей давно уже не осмеливался. Причина была совсем не в том, что у них имелось большое количество сильных мужских особей, нет. Причина каменным изваянием возвышалась посреди площадки духов и неотрывно следила за мирской суетой живущих у ее ног яриц. И те точно знали — если однажды Богиня не получить причитающихся ей жертв, она опять воплотится и тогда уже спасения не будет никому.

Сделать ничего было нельзя. Шалье опять не успел.

Так неожиданно навалилась усталость, захотелось забыть сразу обо всем и отключить все эти панели, будто бы ничего из происходящего на экранах в реальности не существует. Тайт схватился рукой за виски, упрямо стискивая зубы.

Нет. Не первый раз такое происходит и это состояние пройдет. Шалье, можно сказать, даже к нему привык. Да и вообще, он все успеет. В этом не может быть никаких, даже самых слабых сомнений. Слишком... многое на кону.

Оторванная от лица ладонь ткнулась вправо, в проекцию людского сектора. Шалье увеличил вторую линию, шесть домов. А потом, секунду помедлив, выделил второе здание. Четыре точки. Увеличил до схемы комнат. Номер, который его интересовал, нашелся сидящим в кресле.

Не спит.

Шалье с облегчением вспомнил, что камер в комнатах не устанавливали, иначе бы он не остановился и полез дальше. И все равно вряд ли бы нашел ответ, что не так с номером 22-АРЗ. Кстати, о подобном необъяснимом поведении сразу же положено ставить в известность ответственного по безопасности.

В памяти всплыл Мазгун и его глаза, способные одним только взглядом выжать из обвиняемого целый поток правды. А уж если доходило до вопросов... Шалье многозначительно поднял брови и... закрыл окно наблюдения за человеческим сектором.

И переключился на Гууара. Слишком слабого, чтобы сейчас его поднимать. И слабого только по его вине.

Глава 3

Утром началось что-то невыносимое. Исследовательский отдел сдался и передавал информацию, толком не изучив. Павел Кириенович, их непосредственный начальник, залетал в архив, как торнадо, неожиданный и беспощадный. Помощи никакой, зато нервы после этого вытрепаны не у него одного.

Несмотря ни на что, Филиция нашла время просмотреть общий форум и сообщила имена выбранных на новую "телесную миссию", как ее прозвали среди сотрудников.

— Катрин, — сообщила, выпятив губы. — И... Патрик.

Латиса молча кивнула.

— Кстати, Леви тоже заявку подавал, но его не утвердили, — добавила напарница, но никак свои слова не прокомментировала, а неожиданно бросила планшет и вернулась к работе.

Обед наступил совсем неожиданно, что, в общем-то, среди такой суеты неудивительно. В столовой сразу же скопился весь состав, но Стив и Леви заняли им места.

— Почему они опять не на корабле? — успела спросить Латиса.

— Им график изменили, все отдыхают перед обратным полетом, на корабле только дежурные, — шепотом пояснила Филиция. — Так что готовься к осаде.

Готовиться Латиса ни к чему не собиралась, а собиралась быстро и молча поесть, как вчера, и уйти в архив работать. Первая часть удалась, а когда пришло время выполнить вторую, выход уже перегораживал Редкий, за спиной которого маячил Советник первого звена Куладин. Начальник экспедиции ясно улыбнулся и поднял вверх руки, привлекая всеобщее внимание.

— Уважаемые сотрудники! Внимание! Объявление! Слушать всем!

Народ с удовольствием притих, если уж Редкий собирался что-то сказать, то наверняка это стоило послушать и разочарованных его новостями обычно не бывало. В тишине раздался уже нормальный, слегка кокетливый голос.

— Так получилось, что у тайтов завтра очень важный день. Точнее, ночь. Все проверяющие будут заняты и не смогут обеспечивать нашу с вами безопасность. Поэтому совместно был найден выход, устроивший и их сторону, и нашу. Завтра вечером к каждому из нас придет гость и принесет некий напиток. Вы все обязаны этот напиток выпить. В нем будет содержаться, в том числе снотворное, поэтому не бойтесь, пейте и сразу ложитесь спать. Выхода все равно нет. Кто будет сопротивляться — попадет под замок, а по возвращению на землю — под суд. Это понятно?

Недовольный ропот вяло прокатился по столам и почти сразу смолк. А Латиса с оступляющим равнодушием поняла, что вот оно — время, которое обещала Таиси. Целая ночь без присмотра проверяющих... И ничто не помешает, никто не... остановит. Отчего-то накатила такая безысходность, Редкий отвечал на чьи-то вопросы, соседи перешептывались, но ничего из происходящего вокруг уже не могло пробиться сквозь сдавливающий Латису липкий страх. Она встала и пошла в архив, Леви вроде перегораживал дорогу и что-то говорил, но она не обратила внимания.

В комнате, безотчетно подойдя к столу, Латиса облокотилась на столешницу руками и уставилась в монитор, по которому ровной бесконечной рекой текли слова. Синяя рамка перескакивала со строки на строку, проверяя правильность текста.

В голове бились, не находя выхода, страх перед Таиси и человеческое упрямство; сталкивались, как волны Лазурного мира, но не могли друг друга победить. Никогда раньше Латиса не была так близка к тому, чтобы рассказать о своем двойном существовании другому живому человеку, первому, кто бы попался.

Дверь начала открываться и, казалось, открывалась целую вечность. В комнату залетел веселый голосок Филиции, еле слышно прощающейся с кем-то в коридоре. Латиса набрала побольше воздуха, чтобы немедленно выложить все, что так ее мучило...

Вместе с напарницей в открытую дверь проник яркий свет коридорных ламп, быстро проскользнув по монитору. И в этот момент Латиса увидела в мониторе... себя. Темные глаза, четко очерченные скулы и серую кожу. Увидела... лицо мертвеца.

Волны столкнулись в последнем ударе и голос Таиси насмешливым шипением легко перекрыл все остальное. Латиса медленно выдохнула и неловко опустилась на стул. Отражение пропало, но губы уже сомкнулись, оставляя все невысказанное внутри. За спиной что-то весело щебетала Филиция.

Карасан пришел в обществе Советницы, быстро оглядел накопитель и, попросившись, сразу вышел.

Работать в этот раз закончили гораздо позднее графика. Филиция предложила идти домой вместе и Латиса согласилась. Впрочем, до завтрашнего вечера все равно в пещеры не попасть. Пока есть время, нужно просмотреть новую информацию, вдруг что-то полезное попадется.

Просидев два часа с планшетом, Латиса из всего, что могло пригодиться, нашла только упоминание о пещерных летунах. Кровососущие, но не это главное. Они горят, как почти половина животных этой планеты. Хотя активны только в дневное время, так что проблем возникнуть не должно. Семь видов пещерных насекомых были совершенно для нее безопасны, хотя один из них внешне выглядел очень неприятным: усатая, длиной с ладонь, шерстистая мокрица.

Ночью она, наконец, поняла, что не так с фотографией. Таиси замолкала, стоило уставиться в лицо, которое Латиса почти до единой черты выучила, но как только отводила глаза, голос звучал гораздо сильнее, будто отыгрывался за пропущенное время.

Так, должно быть, сходят с ума. Все было просто, пока длился полет. Немного страшных снов и слабое ощущение чего-то чужеродного за плечом. Невнятные звуки и моргающие тени в каждом неосвещенном углу. Это было раньше. А сейчас жизнь превратилась в почти постоянную напряженную войну за собственный рассудок.

Почему? Потому что сейчас она близко к месту, где умерла Таиси? Или Таиси больше не хочет ждать?

Ответов не было...

Шалье понадобилось почти два часа, чтобы добраться до горы Воплощения. Человеческая экспедиция спутала все его планы, правда, чем именно, он пока не смог определить.

Оставив катер на площадке, не оттягивая, направился к широкому входу в жилище Воплощенного.

Вошел в первый зал, больше похожий на какой-то искусственно выращенный природный оазис. Густые заросли длинных, прилипающих к стенам растений, огромные

кусты сириса, лишайники, заполонившие все свободное место на стенах до самого потолка. Жуки с матовыми спинками, беззвучно летающие над растениями и даже несколько мелких камнеедов, между зубов которых пылает жар раскаленной пасти.

Тем виднее был контраст со вторым залом. Полная пустота гранита и как попало расположенные колонны, причем все, как одна, кривые. С непривычки можно было даже заблудиться, но Шалье приходил сюда и раньше. Через несколько минут прогулки по скрипящей каменной крошке Шалье уже стоял напротив огромной фигуры склоненного в позе раскаяния тайта.

Воплощенный не всегда выходит из своего забытья. Шалье уселся, скрестив ноги, напротив, прямо на землю и стал ждать.

Ожидание никак на нем не отражалось. Давно привыкший к одиночеству, Шалье никогда не тратил времени в пустую. И сейчас, изредка поглядывая на Воплощенного, прокручивал в голове возможные способы обойти закон Старших, который вскоре вступит в силу. Не то чтобы закон мог его остановить, но придется прятаться и тратить на прятки время, которое Шалье желал тратить только на одну вещь. И не отвлекаться.

Шалье ждал и уходить не собирался. Когда спустя долгое время каменные складки век Воплощенного раздвинулись, выпуская алый туман, его встретил напряженный и уверенный взгляд сидящего напротив тайта.

— Чего ты хочешь на этот раз? — спросили каменные губы.

День прошел, полный смутным бурчанием в голове. Не отвлекала ни работа, ни новости, даже пикантные. Каждый раз, когда упрямство нарастало, желая стряхнуть власть Таиси, в животе словно пузырь с кислотой взрывался, окатывая внутренности едкой тянущей изжогой. И снова рождалась покорность.

Ужинать Ланита себя заставила, потому что нужны были силы исполнить то, чего требует мертвая и так, как она этого хочет.

Подождав после ужина час, Латиса достала из бара бутылку психостимулятора. Прозрачная розоватая жидкость была неожиданно густой и ее пришлось чуть ли не жевать. Опустошив бутылку, Латиса надолго задумалась, а потом достала еще одну. Допивая вторую, обратила внимание, как медленно и неспешно меняется изображение на панели, в этот раз показывающей какой-то мистический фильм. Ангел с раскрытыми на всю ширину пушистыми крыльями медленно поднимался ввысь и сквозь пальцы сжатого кулака вниз сыпались то ли хлопья, то ли пепел.

Вскоре пришел тайт. Багряный кафит загородил выход, не пытаясь пройти дальше в комнату. Латисе пришлось подняться и подойти к пришедшему самой. "Багряный — цвет культа", — подумала, молча принимая из его рук пузырек с ее именем на крышке, полный жидкости, четко дозированной по весу. Покорно выпила до дна и отправилась в кровать.

И как-то сразу растворилась во сне, потерялась, несмотря на две бутылки ранее выпитого стимулятора.

Ей снился зал, вырубленный в толще камня, с таким высоким потолком, что он просто терялся в темной гулкой вышине. С неровными колоннами, стоящими безо всякой системы, где ни попадя. К одной из стен прислонилась огромная статуя мужчины с понуренными плечами и опущенной головой, и Латисе до смерти захотелось подойти и заглянуть в лицо этого в чем-то бесконечно виновного человека. Она даже сделала несколько неуверенных шагов, вслушиваясь в хруст, раздающийся под ногами...

А потом по спине ударили жгучим толстым хлыстом.

Латиса подскочила в кровати, судорожно хватая ртом воздух. И еще ударом — крик Таиси, приказывающий встать и действовать.

Все, казалось, происходит так медленно. Достать из вещей пакет с легким сарафаном и простыми сандалиями, привезенный с Земли специально для дела. На форменную одежду клеят множество разнообразных меток, в том числе следящих, а в данном походе ей нужно быть по всем статьям незаметной.

Непозволительно много времени Латиса потратила, натягивая сарафан, застегивая босоножки и нетвердо ступая к двери. Планшет не взяла, ее чувству ориентации достаточно было увидеть путь всего один раз, так что, повернувшись к горе, Латиса просто пошла ко входу по дороге, накрепко засевшей в памяти.

Прохладный воздух немного разогнал кашу в голове. На улице было совершенно пусто и очень тихо. Тишина давила на уши и сильно бы нервировала, не будь голоса Таиси, по сравнению с которым все остальное было глупым и неважным.

Добравшись до ближнего входа в пещеры, того, что между двумя зданиями, Латиса в последний раз остановилась. Хоть кто-нибудь... Пусть покажется хоть кто-нибудь, хоть одна живая душа — и она не сделает шаг в пещеры.

Никого не было.

Что не так? Неужели неправильно узнать о тайтах правду и предупредить людей? Показать, с кем на самом деле они связались и надеются, если и не дружить, так хотя бы не воевать? Постараться сделать так, чтобы жертв больше никогда не было? Все это правильно, но... не таким путем. Не под кнутом обезумевшей от ярости Таиси. Не по велению человека, когда-то поломавшего ей жизнь.

Латиса сжала зубы и шагнула в темнеющую нору.

Пол коридора оказался очень гладким, словно искусственно выровненным. Скорее всего, так и было, потому что стены, наоборот, походили на сморщенные складки сваленной в кучу ткани. Таиси неожиданно замолчала и это был самое лучшее происшествие за день. Рассеяно улыбаясь, Латиса бродила по пологим коридорам, освещенным белыми кристаллами, торчащими из стен, и искала. Бродила и искала...

Через два часа поняла, что заблудилась. Еще через два — что выйти сама, скорее всего не сможет, а утром проснутся пещерные кровососы. Хотя... Таиси и не говорила о выходе. Она требовала одного — найти.

Голова потяжелела и воздух стал густым и упругим, как, бывало, становился во сне. Навалилась странная усталость. Стало страшно, но очень мутным, плохо объяснимым страхом.

Пульсирующее сердце горы было все ближе.

Потом коридор раздвоился. Таиси предупреждающе напомнила о себе и хотела, чтобы Латиса повернула в левый. Но на этот раз голос был таким слабым, что у Латисы хватило сил и упрямства повернуть в правый. Конечно, понимала, что все равно сделает так, как хочется Таиси, но не могла сдаться окончательно. Не могла не сопротивляться. Не сейчас.

Вскоре коридор привел ко входу в какую-то огромную пещеру и темень там была такая, что можно было разглядеть только несколько камней у входа.

Здесь?

Латиса прислушалась. Вокруг тишина, а Таиси... испугано молчит. Это открытие было таким неожиданным, что Латиса больше не раздумывая, шагнула к пещере. Только там...

слишком темно.

Нужен был свет. Она попыталась вытащить из стены один из кристаллов, но те сидели слишком глубоко и крепко. Опустив глаза вниз, Латиса разглядела под стеной длинные прозрачные стебли с хрустальными цветами на конце и цветы горели невыносимо ярким синим светом. Один из них легко сорвался, хотя на ощупь напоминал стекло.

Потом Латиса глубоко вздохнула и... вошла.

Пол в пещере был неровный, местами заваленный камнями и оцетинившийся острыми срезами. Низкий сморщенный потолок, складки которого во множестве опускались до самого пола, образуя массу сплошных стен-перегородок. Откуда-то сверху гулкими маленькими шариками падала вода. Латиса осторожно нащупывала ногами дорогу и вскоре сквозь щели в перегородках получилось разглядеть вдали свет. Тогда она пошла уверенней.

Прошло не так уж много времени, когда Латиса повернула за одну из стен и тут же остановилась.

Впереди были светло. Такие же кристаллы, как в проходах, но разноцветные. Столько потрясающих оттенков, сверкающих на гранях блестящих камней, столько рассеянного света. Лежащие на темной поверхности стен пестрые неровные пятна...

Но не это ее остановило, не это...

Тайты. Много тайтов, все мужчины. Они сидели, стояли или облокачивались на стены. И горели... Когда ее глаза встречались с глазами тайтов, те отвечали угрюмым блеском и это так пугало, что Латиса пробиралась дальше вперед спиной и вскоре даже не могла вспомнить, с какой стороны пришла. Неужели, она все-таки нашла эту пещеру? Теперь что, и ее принесут в жертву? Как можно было так вляпаться? Хотя кто знал, что тайты проведут эту ночь именно в пещерах. И Латиса шарахалась от них в стороны, но тайты стояли каждый на своем месте и совсем не шевелились.

Страшные чужие лица... горящие. Раскрашенные светом кристаллов, они становились еще ужаснее.

На одном из лиц взгляд Латисы застрял и тут она его узнала. Как на фотографии: ровное, застывшее, с четкими, почти резкими чертами. Латиса была готова поклясться, что его глаза улыбались, словно что-то забавное происходило. На лице, впрочем, ни одной эмоции не отразилось. Но глаза... теперь уже всю хохотали. Тогда Латиса пошла прямо к нему, потому что это был единственный тайт из всех вокруг, которого она совсем не испугалась. Экрана на Шалье не было и впервые удалось близко рассмотреть глаза — матово-зеленые, ожидающие. Она бы подошла ближе, но огонь... рассеяно проследив за движениями пламени, Латиса горько вздохнула.

Потом огонь угас. А стимуляторы окончательно прекратили действовать. Слишком долго она тут бродила. Уже не думая, Латиса сделала шаг вперед и попала ногой в какую-то глубокую выемку в полу, подошва босоножки съехала и ступню пропороло острым краем камня. Непонимающе посмотрев на ногу, Латиса медленно ее подняла и тут же пошатнулась. Вокруг быстро сгущался сонный туман и разогнать его никак не получалось. Сейчас она просто заснет и жизнь теперь зависит только от того, захотят ли тайты вынести ее тело наружу.

— Помоги мне, — попросила Латиса, поднимая глаза на Шалье и тогда он протянул руку ладонью вверх. Цветок мешал, жег кожу, но выбрасывать было жалко. С трудом удерживаясь, чтобы не закрыть глаз, Латиса схватилась за протянутую ладонь, так и не отпустив цветок, и успела подумать, что смотрится очень красиво — светлое на темном,

окруженное синим огнем. Это было последнее, что она помнила. Глаза закрылись и стало совсем темно.

В синей комнате было пусто, однако экраны по-прежнему показывали деревню.

На рассвете, когда густой туман почти разошелся, Гууар почти выполз из хижины и на короточках полез через мясистые кусты шиповицы, за которой прятался маленький источник горячей минеральной воды. Он плюхнулся в него и, подняв голову, уставился в серое, клочками проглядывающее сквозь туман небо.

Даже не услышал, как подошла Лини. Она осторожно присела у самого края воронки и молча протянула руку. Из сжатого кулака торчали иглы водяного ежа. Зрение расплывалось и Гууар не сразу смог посчитать, сколько игл она сжимала. А когда посчитал, голова безвольно свесилась.

Пять. Богиня отдаст ее за пять голов побежденных врагов. Обычно хватало две-три. Не Лини... Эта гладкая, слегка розоватая кожа, и безупречный рисунок тонкой чешуи на спинке. Острые ушки и почти прозрачный радужный гребешок. Она стояла все десять...

Лини давно уже не было, когда Гууар, наконец, смог вылезти из воды и направился в хижину матери. Там он потребовал живительного сока с ядом квашек. Мать долго издавала пронзительные протестующие стоны, но принесла то, чего он хотел.

Яд квашек делал кровь густой, горячей и давал пьющему очень много сил. Вот только мог убить. Гууар пил напиток и ни о чем не думал. Ночью мужчины пойдут на охоту и принесут трофеи. И тогда Лини достанется кому-то другому.

Лучше уж смерть.

Просыпалась Латиса очень медленно, словно по частям. Сжала руку в кулак. Получилось. Повернула голову, почувствовав щекой плоскую подушку. Пошевелила ногой, ступня не болела, но была чем-то туго стянута. Наконец, поняла, что лежит на своей кровати, как обычно обняв скомканное одеяло.

Вместе с воспоминаниями в закрытых веках расцветали синие огни. Что это было вчера, странный сон? Если бы... Она и правда попала в пещерах целой толпе тайтов, да еще и во время какого-то из их ритуалов. Теперь нужно придумывать оправдания своему поведению. Хорошо придумывать, чтобы человеческая экспедиция оказалась тут ни при чем. Дома, скорее всего, отдадут под суд, но это будет потом, до этого еще нужно дожить. Ведь могут быть последствия и пострашнее — она могла стать причиной военного конфликта. Какая все-таки дурость — так рисковать судьбой человечества и только из-за дурных снов. Ничем не лучше поедания неизвестных грибов.

Таиси... Таиси, чего же ты хочешь? Почему не оставишь в покое?

Было тихо. Впервые за последние дни удалось проснуться в покое, без чужого присутствия в голове.

Наконец, Латиса собралась и резко поднялась, сев на кровати. У стены почти сразу сверкнула лампа.

— Завтрак, — сказал голос. Но... не женский.

В кресле напротив кровати, прямой и уставший, сидел Шалье. Без экрана, с распущенными волосами и во вчерашней одежде бордового цвета. Он задумчиво изучал Латису, нервно хватаящуюся за одеяло в попытке в него завернуться. Потом она поняла, что в сарафане. И босиком. На порезанной ноге — повязка.

— Что вы тут делаете? — с трудом выговорила.

— Доброе утро, — невозмутимо ответил тайт.

— Д... доброе, — неуверенно согласилась она.

Теперь Шалье рассеяно оглядывал комнату, задерживаясь на разбросанных по столу и полу вещах. Встроенные уборщики не были настроены на уборку вещей, не входящих в комплект комнаты, а она сама не нашла на это времени.

— Я не знал, какие из своих вещей вы захотите забрать. Так что завтракайте и собирайтесь сами.

— Не поняла, — Латиса на секунду закрыла глаза. В них сразу поплыли решетки... решетки и почему-то огромные ржавые цепи. И капающая с потолка ледяная вода — картина подземелья, где держат рабов. Ну, или когда-то держали.

— Теперь вы будете жить у меня, — неторопливо сказал Шалье, неотрывно следя за ее лицом.

— Где? — беззвучно переспросила.

— У меня. Со мной. В доме, где живу я. — Подумав, объяснил тайт.

Услышанное было настолько непонятным, что Латисе пришлось себя незаметно ущипнуть. Кожа в месте щипка заныла, но больше ничего не изменилось.

— Почему я буду жить у вас?

— Потому что вчера вы пришли в пещеры, прошли ритуал нашей Темной богини и, прогулявшись среди моих соплеменников, остановили свой выбор на мне. — В голосе Шалье

впервые появились какие-то эмоции. Совсем неуловимые — недовольство, злость, насмешка? Разбираясь, Латиса даже не сразу поняла, что именно он сказал.

— Повторите, пожалуйста, — облизала сухие губы.

— Вы не расслышали? — скептически поинтересовался тайт.

— Я... не поняла.

— Вы. Прошли вчера ритуал. И остановили свой выбор на мне. Теперь завтракайте и собирайтесь, я отвезу вас домой.

— Погодите... Я никакого ритуала не проходила! Никого не выбирала! О чем вы говорите? — впервые появился страх и тем он был необычнее, что его причиной стала не Таиси... Что-то неуправляемое, животное заворочалось внутри, приподнимая голову и скалясь.

На этот раз тайт молчал долго. И заговорил не очень уверенно.

— Может, мне плохо удастся находить точные слова, но я не знаю, как еще объяснить. Дайте время изучить привезенные вами словари и, возможно, я смогу общаться с вами более понятным языком.

— Я понимаю ваши слова! Я не понимаю, о чем вы говорите! Что за выбор? Когда я его сделала и как? — напряжено повторила Латиса.

Тайт длинно вздохнул.

— Вы сорвали вчера цветок сириса и принесли его мне, выбрав из всех окружающих. Теперь вы моя.

— В смысле, ваша?

— Во всех, — спокойно ответил тайт.

И с интересом продолжил рассматривать застывшую в изумлении Ланиту.

— Я — ничья, — зло сверкнули глаза вопреки разуму, советующему не спорить в чужом доме со Старшей расой.

Шалье молчал.

— Мне... мне на работу нужно, — как-то удивлено продолжила. — Меня Филиция ждет... вечеринка дня рождения... игра в танки... архив.

Тайт быстро поднялся.

— Хорошо... Латиса. Я решил — оставайтесь пока здесь, в своей жизни, свыкайтесь с новой мысленно. Переедите, когда экспедиция улетит, два дня полностью ваши, наслаждайтесь.

— Как... Экспедиция... улетит? Я улетаю с ней! — вдруг закричала, отбрасывая одеяло. Дрожа, выпрямилась, не отводя взгляда от спины Шалье.

Он молча оглянулся на ее крик. Коротко и безучастно мазнул глазами. И вышел.

Завтракать Латиса не стала. Она быстро оделась и почти бегом понеслась на базу. Безумие какое-то. Что за бред? Наверняка, просто глупая шутка, от которой не будет никаких последствий. Старшая раса должна терпеливо относиться к ошибкам младшей, разве не так? Значит, просто попугают, посмеются да и отпустят спокойно домой.

Заскочив в архив, Латиса столкнулась с Филицией, хмуро разглядывающей застывшие на экране строчки.

— Чертов сканер, — прошипела та вместо приветствия. — Опять кочевряжится. Дырчатые пластинки не берет, а тайты на дырчатых язык передала. Посмотришь?

Было не до того. Но ведь работать тоже нужно, занять себя чем-то и посильнее, чтобы

все ночные события отодвинулось далеко-далеко, как давно забытое прошлое. Как сон, тающий от активных дневных действий.

Не получилось.

Павел Кириенович вошел слишком нетвердым шагом, так непохожим на обычный, парящий. Доплелся до дивана и вздохнул, только удобно не нем устроившись.

— Латиса... К Советнице иди...

И схватился руками за виски, крепко сжимая голову.

— Зря... согласился сюда лететь. Говорила жена — дома сиди, лучше бы слушал... Дурак старый — новый мир, Старшая раса... Купился, как ребенок.

В кабинете Советников за круглым столом как-то очень тихо сидели люди. Латиса проскользнула в дверь, стараясь вести себя незаметнее, и уселась на стул у стены. Пыталась слиться со стеной, стать чем-то неодушевленным, может тогда весь этот сюрреализм закончится и все будет просто, как раньше. Как... еще до Таиси.

С места встал Советник Куладин, крепко сжимая в руках узкую пластинку с ажурными краями. Тайты присылали на таких официальные сообщения.

— Ну что же... — рассеяно начал. — Все в сборе, начнем. Латиса Маеринская, встаньте!

Она поспешно поднялась, правда, пришлось держаться за спинку стула. У потолка люстра, похожая на голову медузы Горгоны, довольно засверкала мелкими желтыми лампочками.

— Руководство экспедиции получило утром извещение... Смысл такой: прошедшей ночью сотрудница архивного отдела Латиса Маеринская явилась в дремлющие пещеры, прошла ритуал, — советник заглянул в табличку, — Жастишони, в результате чего перешла в собственность тайта Шалье. С сегодняшнего дня она выходит из состава человеческой экспедиции и переходит во власть вышеназванного лица. Если ее отсутствие сильно скажется на продуктивности работы экспедиции, Латиса будет заменена одним из предоставленных тайтов. Кроме того, как... собственность она останется во владениях Старшей расы. Возражения не принимаются. Попытки помешать будут приняты как проявление агрессии с человеческой стороны. В общем... все. Всем понятно?

Советники молчали.

— Мне непонятно, — тихо сказала Латиса.

Словно только того и ждала, подскочила Советница.

— Девочка моя, так я объясню проще, — обманчиво ласково заворковала Адина, — Ты! Вчера! Полезла! Куда не следует! Ты вчера подставила под удар нашу первую попытку завязать с расой тайтов нормальные отношения! За это останешься здесь, с ними. И мы не станем спорить, потому что ты кругом виновата. Если бы... Если бы ты нарушила... Ты хоть понимаешь, чем это могло закончиться... для ВСЕХ НАС? — сорвалась в крик Советница, не с усилием остановилась, шумно дыша. — Теперь поняла?

— Я ничего не сделала... случайно...

Внимания на нее больше никто не обращал. Советники заговорили, заспорили, зашептались, пуская по кругу ажурную пластинку извещения. Уставившись в стол, Апина слушала тихий и серьезный голос соседа и, словно через силу, согласно кивала. Сложно было разобрать, о чем речь. Но то, что Латисе удавалось услышать, походило на нелепую, некрасивую шутку — ее собирались оставить тайтам и другие варианты даже не

рассматривались. Никто не собирался ни объясняться со старшей расой, ни торговаться. Единственное, до чего додумались Советники — расспросить Латису о происшедшем в пещере, ведь информацию о существующих в настоящее время верованиях тайтов люди так и не получили. А такая информация не может быть неважной, ведь она хотя бы частично влияет на жизнь Старшей расы и принимаемые ими решения.

На соседнем стуле вдруг оказалась Апина, примерно сложившая руки на коленях.

— Расскажи нам подробнее, что там произошло? — нежно спрашивала Советница, словно и не злилась недавно на безответственное Латисино поведение.

— Попросите меня не забирать, — непослушными губами предложила Латиса, — Попросите оставить, ведь это просто случайность. Я все расскажу.

Советники молчали. Она собиралась просить дальше, готова была предложить что угодно, просить как угодно, может даже унижаться, но дверь издала предупреждающий звонок и в комнату вошел незнакомый тайт. Кафит на нем был необычный — темно-серый, с рисунком изломанных линий. Оглядел людей равнодушными глазами и сложил руки на груди.

— Приветствую.

Советники сгрудились напротив него, а Латиса крепко вцепилась в спинку стула.

— Вы изучили извещение? — спросил тайт.

— Совет изучил полученное извещение с огромным вниманием, — вежливо ответил Куладин.

— Ваш ответ?

— Мы не будем препятствовать вашей воле. С сегодняшнего дня Латиса Маеринская не входит в состав человеческой экспедиции, — спокойно отозвался Советник, не отводя взгляда. Он был уверен, что поступает правильно, ведь на кону их общее будущее.

Тайт вежливо наклонил голову, принимая ответ, и исподлобья впервые посмотрел на саму виновницу разговора.

"Конец", — поняла Латиса и голова сама собой крепко прижалась щекой к прохладной стене. Перенапряжение взорвалось тупой болью в голове и белыми пятнами в закрытых глазах. Зубы почти скрипели, сдерживая шипение, а потом пришла... Таиси. Таиси начинала наказание неспешно, потому что собиралась растянуть его как можно дольше.

Латисе пришлось забраться на стул с ногами и сжаться в комок. Совершенно четко и ясно, почти без страха, она поняла, что это предел. Предел напряжения, отведенного человеческому мозгу и сейчас она уйдет в какой-то из придуманных миров, чтобы никогда оттуда не вернуться. Уйдет и оставит пустое тело, пускающее ртом пузыри и бессмысленно глядящее вдаль, в одному ему видимую пустоту.

Тайту увиденное не понравилось, он нахмурился и быстро вышел.

Таиси обвиняла в предательстве и сладким голосом обещала убить, свести с ума, сводить постепенно, долго и мучительно, чтобы, сука такая, почувствовала всю безысходность своей участи. Чтобы на своей шкуре ощутила величину недовольства Таиси, потерявшей шанс обнародовать настоящую причину своей гибели. Тут, у тайтов, где ее смерть так близко, Таиси гораздо сильнее, чем может вынести издерганный непонятным человеческий разум.

"Это конец", — сквозь какофонию воплей подумала Латиса и ей захотелось попрощаться с кем-нибудь, но она не смогла придумать, с кем.

Чьи-то руки оторвали Латису от стены и прижали к мягкому и теплomu. Ладонь

охватила чуть ли не пол головы, накрыла ухо и странным образом заглушила Таиси. Крики постепенно стихали, растворялись, угасали, как огонь на сильном ветру. Тогда она услышала другой голос.

— Латиса, — заговорил он. — Зачем же вы так себя довели? Зачем так себя напугали? Загнали в угол? Зачем вы напридумывали столько лишних трудностей?

"Как же мне повезло, что у него такой красивый голос", — отстранено подумала Латиса. Только что-то не так в его словах, плавность чем-то нарушена и цепляется, как заноза на гладкой коже пальца. Что не так? Она слушала слова, пропускала через себя, рассматривала их, пока не нашла.

— Говори Ты, — попросила.

— Хорошо. Латиса, зачем ты себя так запугала? Зачем придумывать лишние действия? Тебе больше не нужно думать. Решать буду я и бояться последствий тоже буду я.

Теперь речь звучала ровно и красиво, так что можно было вслушаться в ее смысл.

— Что значит решать будешь ты? Что решать?

— Все. Все, что касается твоей жизни.

— А как же свобода выбора? У меня ее нет? — деревянным голосом спрашивала Латиса.

— Она у тебя была до вчерашней ночи. Ты сделал свой последний и главный выбор — отдала свою жизнь мне. Теперь нет свободы выбора, но нет и ненужных решений, нет страха за них, — скользил над головой непривычно теплый голос.

— Я никого не выбирала, — упрямо твердила Латиса. — Это случайность!

— Случайностей не бывает. Ты попросила у меня помощи.

— Только потому, что кроме тебя никого там не знала! — она вдруг оттолкнула его ладонь, поднимая голову, но та была все еще слишком тяжелая, пришлось опускать обратно, утыкаясь ему в плечо.

— Почему же, — мягко продолжил Шалье, спокойно возвращая ладонь на место и Латиса больше не сопротивлялась. Было очень уютно. — Ты прошла мимо Ланте, внимательно посмотрела на Карасана и... ни секунды рядом с ним не задержалась.

— Не может быть...

Она не помнила ничего, никого, кроме Шалье, ни одного мало-мальски знакомого лица. Пыталась восстановить события ночи — вот она входит... множество пылающих лиц, разноцветные пятна скользят по пепельным стенам, цветные искры срываются с поверхности кристаллов и тонут в потолке. Красиво. Она идет...

Нет, не помнит ни Ланте, ни Карасана.

— Можешь спросить у них сама, — сказал Шалье, прижимая ее голову сильнее. — Потом... Тебе нужно много спать, пошли, отведу в твою комнату, а вечером — заберу к себе. Нельзя было отпускать одну, я ошибся.

Ни думать, ни спорить не хотелось, Латиса вяло плелась вслед за тайтом и ничего вокруг не замечала. Встреченные по дороге люди смотрели по-разному: кто с изумлением, кто с любопытством, кто с откровенным страхом.

В доме Латиса, не раздеваясь, залезла на кровать.

— Не уходи, — попросила еле слышным шепотом, старательно отводя от тайта глаза, отчего-то было очень стыдно.

Почти мгновенно заснула. Сон снился светлый и радостный и Таиси не появилась в нем

ни разу.

Планшет на прикроватной тумбочке включился и завибрировал в такт мелодии вызова. Латиса, еще толком не проснувшись, протянула руку и пододвинула его к себе. На экране, в облаке сигаретного дыма, на фоне кучкующихся людей маячило любопытное лицо Филиции.

— Спишь? — крикнула напарница, перебивая грохот музыки. — Ну, ты устроила, подруга! К тебе можно в гости зайти? Ты у себя... еще?

— Да, заходи, — не поднимая головы, ответила Латиса.

— Буду через десять минут. Я со Стивом.

И экран посинел, отключаясь. Не очень хотелось выныривать из тихого, теплого сна. И думать не хотелось, по спине гладил легкий ветерок и пахло сухим морским бризом. То есть... ветерок?

Латиса поднялась, мгновенно вспомнив, где она, и что было ночью, и утром, и что она теперь собственность тайтов и Таиси... Это было самым неожиданным — мертвая молчала и даже дала спокойно выспаться.

Шалье сидел в кресле, положив руки на спинки, с экраном на глазах. Неужели... так и сидел все время?

Губы разомкнулись.

— Я сделал ветер. Получилось?

— Да. Вы...

— Ты.

Латиса согласно кивнула, хотя сложно было перейти на ты, несмотря на произошедшее утром. Тогда она просто плохо соображала, а сейчас голова совсем ясная. А утром он ее даже... на руках полдороги нес и, мало того, она сама просила не отпускать. Неудобно теперь... вспоминать.

— Ты... все время здесь сидел?

Экран щелкнул, когда тайт задвинул его на голову.

— Да. Я посмотрел подборку о ваших жилищах, тебе будет у меня неудобно, так что оставайся здесь. Оборудую комнату, тогда заберу.

Шалье встал и отошел к столику, нажимая что-то на настенном дисплее. Мигнула синяя лампочка.

— Поужинай, — сказал, не оборачиваясь, и направился к двери.

— Спасибо... — Латиса смотрела, как у выхода тайт сложил руки в прощальном жесте. — Тихого пути.

Когда в дверь ворвалась, чуть ли не подпрыгивающая от любопытства Филиция, Латиса сидела над полупустой тарелкой, ни о чем не думала и просто наслаждалась необычным ветерком, по которому, оказывается, ужасно скучала. Стив вошел насторожено, быстро огляделся и, только убедившись, что тут никого больше нет, расслабился и уселся на диван.

Латиса вытащила из бара бутылки с каким-то соком и разлила по бокалам, найденным там же. Сок походил на разведенную в воде зеленку.

— Ну, ты и устроила, от тебя точно не ждали... — полным уважения голосом сообщила Филиция и упала на кровать, раскинув руки. — Единственная за день тема разговора — как Латиса геройски пробралась на тайный ритуал тайтов и ценой собственной свободы выяснила, что Старшая раса на редкость закостенелая и суеверная кучка снобов. А те в ответ разобиделись и потребовали в наказание твое тело. И теперь ты их собственность. Да? —

она оживлено заглядывала в глаза и Латиса не знала, что ответить. Быть собственностью не хотелось.

— Советники от меня отказались и оставили здесь, — невнятно проговорила, опуская голову.

У Филиции лицо дернулось, как будто ее ударили.

— Так это... правда? Как же... Я думала... придумали... Как же так?! — она с ожиданием в глазах оглянулась на Стива. Тот, не отрываясь, смотрел на Латису.

— Я думала, врут...

Филиция глубоко вздохнула и замолчала.

Латиса вертела в руках бокал, но попробовать зеленую жидкость так и не рискнула.

— Вот так. Просто отдали и все! Как будто я и не человек вовсе, а так, предмет! А говорят, рабство и человеческие жертвы — просто глупые сказки.

— Редкий заявил, что ты в пику всем предупреждениям полезла в пещеры и сама во всем виновата, — Стив хмурился, но взгляда не отводил и вообще выглядел очень решительно.

— Случайно! Откуда я знала, что там у них какой-то ритуал? Ну, полезла пещеры посмотреть — и все! Даже слушать никто не стал...

— Да пусть даже специально! Это что — наши взяли... и отдали? Им — человека? Даже без спора? — говорил каждую фразу, будто плевал. — Трусы! Бросают своих?!

Нерадостный какой-то получался вечер. Латиса сидела, понурив голову, удивленная такой горячностью со стороны человека, с ней почти незнакомого. Стив молчал, хмурясь все сильнее, потом резко опрокинув бокал, выпил содержимое одним глотком.

— Леви расстроился, — невпопад добавил.

Эта фраза Латису удивила, а потом вызвала такой приступ хохота, причем совершенно искреннего, что гости недоуменно переглянулись.

По волосам гладил легкий ветерок. И так пах, словно от настоящего моря летел. Латиса подошла к кровати и перегнулась через Филицию, вороша подушки. Где же он? Во-от.

— Смотрите. Это теперь мой... владелец, — сказала с затаенным удовольствием, протягивая Филиции фотографию. Та покосилась, но взяла.

— Почему ты так его называешь? И откуда у тебя фото?

— Это мой местный фетиш, выдали по прибытию. Вы разве ничего не получали? А называю так, потому что так и есть!

И она с вызовом уставилась на Филицию, а когда та отвела глаза — на Стива. Тот неожиданно покраснел.

— Мы тебя вытащим, не бойся. Придумаем что-нибудь обязательно. Фил, пошли.

Та поспешно поднялась, словно запрограммированная выполнять команды и мелкими шагами отправилась к выходу. Стенная панель показывала гудящие кронами бесконечные леса Эльфийской родины. Они были уже в дверях, когда Латиса вдруг сказала:

— Стойте. А как... эксперимент прошел, ну тот, по контактам близкого рода?

— Ммм, — замычал Стив и его взгляд переместился куда-то в потолок, потом забрел куда-то за пределы комнаты. — Нормально все, да. Редкий доволен.

— Ну, пока тогда, — солнечно улыбнулась Латиса. Проводив друзей, щелкнула пальцами, гася свет, оставила панель включенной, забралась обратно в кровать и негромко рассмеялась своему вопросу. Зачем, спрашивается, она его задала? Только сбила Стива с какой-то важной мысли по ее спасению. А, стоит ли об этом думать? Не стоит, решила и

спокойно заснула.

Когда Шалье добрался до экранов синей комнаты, все уже случилось. Поселение Кровавой богини праздновало возвращение мужчин с победой и Гууара среди празднующих не было. Час, пока длился поиск, Шалье сидел, как на иголках. Хотелось выяснить, отчего все пошло не по плану, но сейчас было важнее найти подопечного.

Гууар был еще жив. Он ослаб, когда охотники уже возвращались назад, отстал от группы, а после вовсе свалился в горячке. Хорошо хоть успел заползти в густые заросли мягкой травы. Пришлось рисковать, но другого выхода не было: Шалье спустил с орбиты запасной компактный набор, поставил вокруг Гууара маскировочный колпак и взял анализы. Пока они проверялись, стал просматривать записи.

Почти сразу нашел Лини, идущую от статуи Богини с иголками в руке. Шалье насупился, глухое раздражение сбивало мысли, мешая рационально думать. Как же он проглядел? Его планам опять мешает женщина, пусть и не специально! Вот Гууар отлеживается в горячей ванне... Вот Лини протягивает ему кулак... Вот его мать выдавливает в сосуд слизкую квашку.

В который раз — женщина! И опять он заметил, когда было почти поздно.

Значит, напился яда квашек... Шалье ввел программу лечения и долго настраивал маскировку и защиту на случай, если Гууара кто-то обнаружит. Добавил в список лекарств снотворное, потому что и сам больной ничего видеть не должен, а копаться в памяти еще опаснее, с ярицами такого никогда не делали и неизвестно, какой будет результат.

К тому времени, как все было готово, Шалье шатался от усталости. Сидел в кресле и не мог встать, все прокручивал и прокручивал в голове свои действия, убеждаясь, что ничего не забыл.

Все. Проверил, правильно ли закрылся замок и отправился в спальню. Дошел до кровати и только тогда вспомнил... о Латисе. Из-за нее он упустил Гууара. Странно, но злости не было. Как и желания отказаться. Вчера Шалье не подал отказ от появившихся у него обязательств только потому, что хотел лишний раз позлить Старшего. Сейчас отказываться от Латисы он даже и не думал.

Обустройством комнаты можно заняться и позже. Засыпая, Шалье чему-то улыбался.

Разбудил Латису звонок будильника, который был не в курсе, что ему можно больше не трудиться и не мешать спать человеку, отныне не входящему в официальный состав экспедиции. Кроме того, на планшете высветилось персональное задание из тех, что к началу рабочего дня получали все сотрудники.

'Прибыть к месту службы не позднее 8-00' сообщила надпись на экране. Кто-то из системщиков забыл удалить ее из списка рассылки.

Латиса уставила в экран и, по давней привычке, которую считала давно и окончательно забытой, сунула в рот палец и стала старательно грызть ноготь.

Прибыть к месту работы...

Словно решившись, быстро ткнула в планшет, стирая надпись. Ожидала увидеть пустой фон, но вместо него на экране высветились картинки пришедших сообщений. Целых три.

Открыть.

'Моя пастушка! Похоже, тебе самой не помешала бы твоя профессиональная помощь. Это возможно? Подумай на досуге, а сейчас к делу.

Не бойся, Латиса, мы тебя вытащим! Стив настроен идти до победного конца и уже переругался со всем советом, а Редкому чуть не засветил прямо в столовой. Народу собралось! Большинство возмущается, что своих бросаем, это же просто предательство!

Кстати, месяца через три намечается следующая экспедиция, да и вообще они станут регулярными. Это так, на крайний случай пытаюсь тебя поддержать, хотя Стив требовал, чтобы я ничего подобного не писала, потому что оставить тебя здесь он не позволит.

В общем, готовься, без тебя не улетим!

Филиция'.

Прочитав письмо, Латиса переместилась к столику, на котором стоял завтрак, и второе послание открыла, отпивая из чашки кофе.

'Зайди в финансовый за расчетом.

К. Адина'.

Латиса чуть не поперхнулась. Прямо анекдот какой-то: выяснилась причина, по которой финансовый отдел тащили с собой к тайтам. Так это на случай, если кого-то из членов экспедиции придется рассчитать по дороге! Бред... Интересно, а если бы дело было в космосе, куда бы дели... уволенного? Да... Но, с другой стороны, ведь они и правда... пригодились?

Третье письмо после щелчка открылось на всю длину экрана. Какое длинное... И не лень было кому-то писать. Кому, интересно?

'Когда мне было семнадцать, и я учился на первом курсе Летной академии, мне встретилась самая прекрасная на свете девушка...'

Начало сообщения Латису немного насторожило. Перемотав, она посмотрела подпись. Хотела удивиться, но не получилось, кроме того, никаких других эмоций тоже не наблюдалось. Письмо было от Леви.

'...В таком возрасте за любимую можно, не задумываясь, отдать жизнь. Слишком поздно я узнал, что просто попал, как первокурсник, в один из традиционных розыгрышей. Однажды вечером девушка пригласила меня в гости, напоила и после длительных поцелуев предложила перейти к более приятному времяпрепровождению. Я с готовностью разделся.

Так она меня и сняла — голого, жалкого, неуверенно мнущегося у кровати с лицом, покрытым красными пятнами. Видео сразу же распространили по сети.

Я был раздавлен. Три дня просто не мог выйти из комнаты, а потом случайно попал на сайт Играющих. С тех пор прошло много времени, я давно уже состою в десятке лидеров и счет моих женщин превысил 350 штук.

Я прекрасно понимаю, что написанное выше никак не улучшит твоего мнения обо мне. Не знаю, что в этот раз произошло. Катрин была просто очередной цифрой счетчика, настолько легкой, что глупо было бы пройти мимо.

Не буду врать и клясться, будто полюбил тебя и жить без тебя не могу. И что я вдруг стал мягкий и верный и готов до конца дней искупать свою вину перед всем женским полом, храня верность тебе одной. Я не знаю, как это и не уверен, что вообще на подобное способен.

Конечно же, я не жду, что ты примешь мое письмо за раскаяние и бросишься мне на шею, обещая про все забыть. Но даже тебе интересно, зачем я это пишу, правда?

Вчера я вышел из клуба Играющих, удалил все свои данные и обнулil счетчик побед. Меня провожали с позором, ничуть не меньшим, чем тогда, на первом курсе. Но я все же вырвал из своей жизни эту долгую и, по большому счету, совершенно пустую главу. Убедится в моей искренности очень легко — достаточно просто зайти на любой сайт Играющих и обнаружить на самом видном месте мой портрет в черной рамке опозоренных. Я теперь персoна нон-гранта без права возвращения в клуб даже в роли соискателя.

Латиса. Это единственное, что я мог сделать, чтобы объяснить, как непривычно для самого себя я к тебе отношусь. Дай мне еще один шанс. Пусть не сейчас, пусть позже...

Не говори, нет. Если не можешь сказать да, просто промолчи. Я подожду.

Леви'.

Латиса задумчиво поглаживала пальцем бровь. Еще одна привычка, которая, казалось, давно уже осталась в прошлом. Жизнь вообще гораздо на сюрпризы, но столько! За такой короткий срок! Перебирая свои ощущения, Латиса пыталась найти среди них жалость, или сочувствие, или хотя бы остатки привязанности. Хотя бы немного уважения, ведь вроде бы считается, что подобные поступки нужно уважать? Но нет, пусто, пусто...

Отвернувшись, чтобы не видеть святотатства, которое собиралась совершить, она быстро нажала на кнопку и закрыла письмо. Вдохнула с огромным облегчением — нет проблемы, значит и не нужно ее решать.

Она была собой довольна! Спала целые сутки и теперь отлично себя чувствовала. Не свихнулась от всего происходящего, хотя окружающие очень старались ее довести. Шалье, правда, до сих пор не появился, хотя может он и не должен был?

Ладно, никаких планов Латиса строить не собиралась, и надолго вперед не загадывала. Просто попробовала заняться какой-нибудь из насущных проблем.

Расчет, к примеру, получить...

Сразу встал вопрос одежды. Мягкий сарафан, который она не снимала два дня, никак на роль облачения не годился. Форменный костюм валялся грязный и одеть его Латиса побрезговала. Машинально взглянув в окно поставки, увидела внутри пакет.

Похоже, и из списка поставки не успели выключить. Удачно, что и говорить!

Однако, начав разворачивать пакет, Латиса уже знала, что не все так просто. Так что совсем не удивилась, увидев перед собой... кафит серого цвета. Наоборот, ей стало даже смешно. Поэтому она хохотала так долго и так сильно, что в горле запершило и смех

закончился сильным кашлем.

Да уж. Женская модель мало чем отличалась от мужской, разве что вырез был глубже и треугольный. К кафиту прилагалась футболка с короткими рукавами и даже набор простого нижнего белья, так же однотонно серые.

'Как в игре', — решила Латиса. Какая, собственно, разница? Все происходящее просто игра, так почему бы в нее не поиграть? Отличный сценарий для фильма получится.

Одежда оказалась мягкой, гладкой и очень приятно пахла. Рассматривая себя в зеркале, Латиса впервые за очень долгое время смотрела не на лицо, а именно на одежду. Собственно, она ей понравилась.

И не только ей. К тому времени, когда Латиса добралась до базы, ее окружала толпа удивленных зрителей. Их взгляды не очень трогали, но не замечать их тоже не получалось. Тощий парень из исследовательского с бисерной повязкой на лбу попросил разрешения с ней сфотографироваться. Латиса удивилась, но все же согласно кивнула. И следующие несколько минут фотографировалась со всеми желающими, а их оказалось несколько десятков. Неизвестно, чем бы это закончилось, но тут из толпы любопытствующих вышел Стив с крепко сжатыми губами и бледная, словно меловая стена, Филиция. Они подхватили ее под руки и повели в здание базы.

— Пошли вон, — шипел Стив на загораживающих дорогу людей. Латису покорила такая грубость, она почему то всегда считала Стива очень спокойным и вежливым. За что он на них кричит?

В коридоре им сразу же повстречалась Адина. Не выказав при виде кафита никакого удивления, советница приглашающе кивнула Латисе и направилась в свой кабинет. Стив с готовностью отпустил ее руку и Латиса потеряла запястье, которое теперь болело, так сильно Стив его сжимал. Это было неприятно.

Пропустив на входе Латису вперед, Адина закрыла дверь и, наконец, стала судорожно Латису осматривать. И даже пощупала краешек рукава. Глубоко вздохнула.

— Садись...

Латиса с готовностью села. Адина устроилась напротив, за внушительных размеров столом, который был предназначен придавать сидящему за ними грозное величие и придавал бы, не выгляди Советница такой нервной. Адина набрала код, включая защиту от прослушивания.

— Ты в порядке? — тихо спросила.

— Да.

— Тебя... не обижают?

Латиса мстительно промолчала. Пусть подумает, что ее всячески обижают и даже истязают. Кормят настоящими овощами и фруктами, делают ветер и комнату поудобнее обустривают. Ведь даже такие вещи можно принимать за издевательства, если они происходят против твоей воли. Кафит, опять же, нацепили.

— Ладно, — словно с чем-то согласившись, начала Адина, — я все понимаю. То, что с тобой произошло очень неожиданно, странно и страшно. Ты растеряна и очень напугана. Ничего подобного никогда раньше не случалось. Это так. Но... просто задумайся на минутку, что нам еще оставалось? Люди почти ничего не знают о Старшей расе, а то немного, что известно неоднозначно указывает, что сорится с ними мы пока не готовы! Про... тормозящую сетку ты уже знаешь. Она способна остановить корабль с ходу на нулевую скорость! И вот, к примеру, ты не задумывалась, откуда у тайтов земные и прочие

распространенные у нас продукты? Конечно, нет! А Редкий задумался и его вывод пугает. Тайты... легко проникают в наши торговые сети и их еще ни разу не вычислили. А скорее всего, не только в торговые... Так что не в нашем положении начинать сейчас споры. Тем более, скоро соберут следующую экспедицию, тебе всего-то нужно немного подождать. Мы вернемся домой, привлечем дипломатов и на более высоком уровне подумаем, как тебя вызволить.

Латиса напряжено слушала встревоженный голос Советницы. Сегодня, она, похоже, настроена доброжелательно и собирается дружить. Тоже игра!

— Латиса... Мы говорили с тайтами о твоём будущем. Они обещают, что к следующей экспедиции ты будешь жива и здорова... скорее всего.

Латиса вскинула глаза и с трудом сдержалась, чтобы не озвучить все то, о чем подумала. Адина тут же пояснила.

— Все будет хорошо, пока зависит от них. За твоё собственное поведение они, разумеется, отвечать не могут. А оно, как все уже убедились, слишком... непредсказуемое.

Латиса упрямо молчала.

— С точки зрения отдельного человека, эта история очень грустная и несчастливая. Но... с позиции всего человечества это очень удачное стечение обстоятельств. Ты... понимаешь?

Адина стала настолько серьезной, будто от её убедительности на самом деле зависело существование человеческой расы.

— Не понимаю.

— Тайты... они ведь далеко не все интересное рассказали. Умолчали про все самое нужное, вроде... энергии... охранных систем... вооружения... — вкрадчиво перечисляла Советница. — Отказываются делиться, пока не убедятся, что человечество готово к подобному знанию. Как сама понимаешь, они в этом не убедятся... никогда.

Латиса с недоумением смотрела на Адину. Та говорила об очень нешуточных вещах, но выглядела как школьница, не выучившая урок. Из них двоих с важным видом сидеть за столом следовало бы самой Латисе.

— Никто не собирается принуждать тебя шпионить за тайтами. Во-первых, это не так просто. Во-вторых, мы не настолько наивны, чтобы думать, будто тайты могут подпустить тебя к подобной информации достаточно близко, — поспешила сообщить Адина.

Перед глазами встала пещера. Угол, образованный двумя гладкими складками, а между ними — крупный рубиновый кристалл. Чуть ниже — два голубых. Капли воды падают с потолка прямо на их поверхность, отчего каждая грань расплывается еще на несколько.

Ничего Советница не понимала. Она воспринимает мир тайтов, как высокотехнологичный, обладающий большим военным и научным потенциалом, основанный на разуме и знаниях. Латиса была уверена, что на самом деле он не такой. Мир тайтов опирается на церемониал, отточенный веками. Четкий, отработанный до единой черточки. Причем тайты настолько в него погружены, что даже разницы между участниками ритуала не делают: они сами, люди, еще кто-нибудь, забредший в неудачное время не в то место. Что, если бы в пещеру пробралось какое-нибудь животное, поедающее сирус, и добрело с цветком в пасти к одному из тайтов? Чтобы они сделали? Сказали бы: 'моя'?

Латису передернуло, как от внезапного порыва ледяного ветра. Адина насторожено ждала.

— Продолжайте.

— Так вот, никто не ждет от тебя диковинного везения при сборе чужих секретов. Но нам бы очень пригодилась информация о верованиях тайтов. Подобное тебе точно по силам, раз уж ты с этим, так или иначе, столкнулась. Латиса... нам бы понять, до какой степени ритуалы влияют на обычную жизнь расы и насколько точно они следуют своим верованиям. Насколько они для них важны? Какие именно ритуалы они проводят и в чем их смысл? Как происходит процесс, каких результатов они ждут?

Латисе ничего не стоило тут же пояснить, что ритуалы тайтов настолько сильно влияют на их жизнь, что больше походят на неконтролируемые инстинкты. Но она промолчала.

— Ты... согласна? — советница непроизвольно потеряла глаза, неожиданно ставшие красными. Может, рыдать готовилась, не самый худший способ уговорить другого человека что-нибудь для себя сделать. Когда-то Латиса чувствовала благодарность за то, что Адина молчала о ее прошлом. А сейчас поняла — молчала только потому, что так было нужно ей самой. И не больше.

Что мешало согласиться просто для вида? А после сообщить, что узнать так ничего так и не удалось? Ведь, по большому счету, Адина права, когда на кону такие высокие ставки, жизнь одной особи ничего не значит. Это каждый разумный человек поймет. Только... когда выясняется, что эта неважная жизнь — твоя собственная, резко хочется перестать быть разумным. И остаться просто живым.

— Ты согласна?

Тишина пещеры... и только дыхание стоящих вокруг тайтов. И такое знакомое лицо Шалье, и легкая тень улыбки, промелькнувшая, когда он протянул ей руку. Мучительно прекрасный цветок, светящийся непередаваемо нежным синим светом, гладкий, словно стеклянный. А ведь мог... и не протянуть, совершенно ясно поняла Латиса.

— Нет, — выдохнула и тут же поднялась.

Советница ничего не говорила, только настойчиво пыталась поймать взгляд Латисы. Не нужно быть ясновидящим, чтобы понять подтекст — Адина знала о своей подопечной много вещей, способных быстро и качественно испортить трудовую историю. Другая бы, пожалуй, над этим задумалась, вот только человек, к которому приходит мертвая, вряд ли станет размышлять над подобными мелочами. Латиса долетела до выхода и оттуда резко обернулась.

— Нет! — крикнула почти с ненавистью. И вышла.

Быстрым шагом пройдя коридор и завернув за угол, Латиса врезалась в Карасана. Как будто в стену, он даже не шелохнулся, назад не отступил, но и поддерживать не стал. Перед глазами плавало столько картин пещеры, что его лицо отлично в них вписалось. Темные фигуры... Светлые нечеткие пятна...

Шалье говорил, Карасан тоже там был. Но воспоминаний об этом так и не появилось.

— Скажите... — заворожено прошептала Латиса.

Он отступил.

— Пойдемте в комнату отдыха, там можно спокойно поговорить.

Она послушно пошла следом. Последнее время просто поразительно, насколько она стала послушна! По крайней мере, когда дело касалось тайтов.

В комнате было пусто. Кофейный аппарат слегка жужжал, а он булочек, лежащих на столе, шел горячий сладкий дух. Карасан остановился посреди комнаты и с ожиданием оглянулся. Попытался улыбнуться, но губы непослушно съехались назад, будто захлопнулись.

— Скажите, Карасан, я правда... тогда... там... вас видела и прошла мимо?

— Правда.

Латиса задохнулась.

— Но это была просто случайность!

— Что именно? Что видели? Или что мимо прошли?

— Что я вообще там была!

— Случайностей не бывает.

— Это у вас что, ритуальная фраза?!

Глаза тайта странным образом застыли.

— Не совсем. Просто... может, вы сделали это и неосознанно, но вы искали выход из своего тупика. Если женщина делает выбор, считается, что все уже хорошо, я бы был в этом уверен, если бы вы выбрали... не его. Латиса, вы нашли выход из тупика. По-своему. Вы молодец, только зря вы... прошли мимо. Шалье немного... фанатичен. И...

Латиса насторожено ждала от запнувшегося тайта продолжения.

— И... он. Кто знает, что задумал? Может, просто нашел своим дикарям новую...

Карасан хрипло вздохнул и замолчал. Замолчал до того, как распахнулась дверь.

— Если понадобится, я смогу заменить вас на вашем рабочем месте, — другим, вежливым и сухим голосом сообщил Карасан. — Тихого пути.

И вышел, оставит Латису наедине с Шалье. Тот с интересом рассматривал ее кафит, словно он существовал сам по себе, отдельно от хозяйки. Латиса, как замороженная, смотрела ему в лицо и не могла отвернуться. Проще было, когда его постоянно закрывал экран. Неизвестно, что увидел Шалье, но вдруг подошел ближе, а потом неожиданно притянул Латису к себе. И она поддалась, одновременно пытаюсь понять, отчего это делает. Отчего так спокойно становится, когда он рядом? Отчего она безо всяких сомнений прижимается к чужому и, в общем-то, опасному незнакомцу. Разве это нормально? Латиса пыталась понять, мог ли он как-то на нее повлиять. Попытку гипноза она бы заметила, значит, не гипноз. Что-то подмешали в еду? Непохоже, пока она не увидела Шалье, почти о нем и не вспоминала. Может, тайты способны влиять на поведение людей своей энергией? Этого пока невозможно узнать, надо в базе порыться. Хотя, вряд ли бы они стали афишировать подобное умение.

И вообще... он очень странно держит руку на ее спине. Крепко прижимает ладонь между лопаток и кожа в этом месте немножко зудит и чешется. Он ее... не обнимает, совершенно точно. Просто стоит, прислонив к спине ладонь.

А может ли она что-то изменить? Латиса легко отшатнулась и Шалье так же легко ее отпустил, убрав руку.

Поучается, ее никто и не держит. И ни к чему не принуждает. Латиса задумалась над этим и из размышлений ее выдернул щелчок открывающейся двери. Впрочем, тот, кто заглянул тут же ушел, не показываясь. Она не посмотрела, кто это был, отошла и уселась на диван.

— Ты в порядке? — впервые за все время заговорил Шалье.

— В каком? В качестве человека или в качестве... собственности?

— Собственности? — удивился тайт. — Тебя так называли?

— Да, в вашем же уведомлении!

Шалье подошел и сел рядом, скептически уставившись на дверь. Потом надвинул на глаза экран.

— Ну, это не совсем так, — сказал, поднимая его через минуту. Все это время Латиса нервно сжимала и разжимала руки в кулаки. — Просто подходящего слова в вашей лингве нет. Собственность — просто одно из качеств твоего состояния. Но ты живая, и... ну там много всего, сейчас не время и не место обсуждать.

Тогда Латиса решила.

— Почему тайты делают это со мной?

— Что?

— Заставляют остаться, когда я хочу улететь домой? Заставляют... силой?

— Силой? — изумился Шалье и опять задумался.

— А как это еще назвать? Владение собственностью в моем случае — это разве не ее принуждение к чему либо?

Шалье только удивлено оглянулся. Потом вдруг вскочил.

— Латиса, пожалуй, объясню кое-что. Если ты хочешь улететь — улетай.

Это было неожиданно. Она задержала дыхание, прокручивая слова, раз за разом: хочешь — улетай, хочешь — улетай.

— И в чем подвох? — тихо спросила.

— Никакого.

— И не будет никаких санкции по отношению к экспедиции и к человечеству в целом? И никаких других последствий?

— Никаких, — подтвердил Шалье.

— Но как же... — рассеяно прошептала Латиса. Вдруг он наклонился, резко схватил ее за плечи и уставился глаза в глаза.

— БЫСТО! НЕ ДУМАЯ! ОТВЕЧАЙ! ТЫ УЛЕТИШЬ? — выкрикнул.

И несильно встряхнул. В ушах раздался треск, как от разряда статического электричества.

— Нет, — очень быстро ответила Латиса.

Шалье тут же ее отпустил и уже опять сидел рядом, рассматривая дверь. Казалось, он моментально перенесся мыслями куда-то в другое место. Таким расслабленным Латиса его никогда еще не видела. Он словно спать собрался, сидел, развалившись, и рассеяно улыбался каким-то своим мыслям, ничего вокруг не замечая.

— Пять голов... — прошептал еле слышно.

Латиса от неожиданности вздрогнула.

— Что?

Зеленые глаза медленно остановились на ее лице, и только тогда в них появилось какое-то узнавание, словно Шалье пришел в себя.

— Ничего. Слушай, мне нужно уйти, надолго. Ночью ваша экспедиция улетает, тебе сложно будет это видеть. Я пришлю снотворное, вечером возвращайся в комнату и выпей. Все равно тебе нужно много спать. Вернусь — разбужу.

И тут же поднялся.

— Тихого пути.

Ответа Шалье не ждал, и Латиса изумленно поняла, что он ни секунды не сомневается, что она сделает все, что сказано. Даже попрощаться не успела, дверь за его спиной закрылась, оставив Латису саму разбираться с последствиями происшедшего только что разговора.

Шалье быстрым шагом вышел на улицу, но шел на автопилоте, перед глазами прокручивался план того, что он как можно быстрее должен сделать. По расчетам, получится уложиться в сутки, если использовать катер нуль-перехода. Не очень приятные ощущения, но придется перетерпеть и их, и последующую слабость. Гууара потерять никак нельзя.

Про Латису он забыл, как только вышел из комнаты отдыха. И долго бы еще не вспоминал, если бы не Карасан, который стоял прямо возле дороги в стороне, куда Шалье направлялся. Стоял, судя по всему, не просто так.

Шалье неожиданно заинтересовался. Пошел к Карасану, с трудом вспоминая, что чувствуешь, когда на тебя смотрят с ненавистью. Страх? Нет, не тот случай. Раздражение? Может быть, но опять мимо. В любом случае — любопытство. Шалье подошел на расстояние вытянутой руки:

— Хочешь мне что-нибудь сказать? — поинтересовался безо всяких церемоний.

— Нет.

Улыбка на зеленоглазом лице похолодела.

— Собрался мне... мешать? — вкрадчиво спросил. С таким вниманием изучают подопытную крысу после введения ей особо мучительного смертельного вируса. Шалье наблюдал.

Карасан молчал. Целую минуту они пристально смотрели друг на друга, пока Шалье неожиданно не отвел глаз и не отвернулся, почти сдаваясь.

— Давай, скажи мне, что вспыхнула небывалая любовь, наполнив теплом всю твою сущность, и теперь ты готов покровительствовать и нежно заботиться о ней до самой смерти. Я правильно выражаюсь? Давай, скажи, и если не соврешь, я тебе ее отдам, — прищурился Шалье, и его губы растягивала улыбка из тех, что невозможно сдержать.

Карасан молчал, но смотрел тем взглядом, о котором принято говорить, что под таким трава вянет.

— Вот как... Не можешь, значит... врать?

— Зато ты прекрасно можешь! Это мерзко — передавать живого, да еще того, кто тебе доверился.

— Почему мерзко? — искренне удивился Шалье. — Я вроде предлагаю отдать тому, кто действительно готов ее принять. Разве не правильно сделать доверившегося счастливым?

Карасан бледнел на глазах.

— Знаешь что, — на плечо Карасана вдруг легла ладонь, так по-дружески, что он с трудом сдержался, чтобы ее не сбросить. — Забудь все. Посмотри, наконец, правде в глаза — я никогда не отнимал твою Каинни, ты просто не знаешь, кого обвинить. А обвинять надо, в любом случае, не меня. Может — ее, может — себя самого.

Тогда Карасан все-таки стряхнул с плеча чужую руку.

— Как хочешь. Можешь мешать, все равно у тебя ничего не выйдет. Ты слишком малым готов... жертвовать, — совершенно беззлобно добавил Шалье и, не переставая улыбаться, скрылся между домами.

Карасан смотрел ему вслед и неожиданно его лицо совершенно разгладилось. Не отводя напряженного взгляда от спины уходящего, Карасан щелчком опустил на глаза экран.

Таиси пришла незаметно, скромно, как незванный гость к людям, не особо его ждущим. Без криков и ругани, без угроз и насмешки, просто тихо появилась, напоминая о своем соседстве. Неожиданно Латиса испытала облегчение, приход Таиси все быстро расставил по своим местам — вот же она, причина! Вот почему Латиса отказалась лететь домой, когда Шалье совершенно недвусмысленно предложил это сделать. Вот она, причина — смерть Таиси, которую, так или иначе, нужно вытащить наружу. У Латисы будет достаточно времени, чтобы спокойно во всем разобраться. Все, что ей нужно — получить немного информации и сделать так, чтобы Шалье ей доверял. Сам он, похоже, все время занят, так что поискам не помешает. Она все узнает и тогда... тогда Таиси... уйдет? Неужели такое возможно? Уйдет раз и навсегда?

В комнату зашла целая группа увлеченно беседующих людей. Некоторые тут же уставились на Латису и она поспешила уйти. Тем более все уже решено, Таиси должна исчезнуть, а для этого придется остаться у тайтов. Значит, Латиса это сделает, не такая уж и большая жертва по сравнению... с возможными.

Коридор сам собой привел к архиву. Там Филиция с двумя подсобными рабочими укладывала аппаратуру обратно в ящики. Мужчины в черных комбинезонах смотрели с неприязнью.

— Чего надо? — спросил один из них.

Латиса растерялась. Такое знакомое, почти родное рабочее место вдруг стало совсем чужим. И прав здесь находится у нее, похоже, никаких не осталось.

— Это моя напарница! — возмущено заявила Филиция и чуть ли не силком потащила ее в угол, где были сложены прозрачные пластины, требующие очень бережной упаковки.

Латиса машинально стала ей помогать. Новостей Филиция не сообщала, а наоборот, была на редкость молчаливой. Весьма раздраженно хватала нежные пластинки и удивительно, как ни одной до сих пор не испортила.

— Все хорошо? — спросила Латиса.

Кудрявая голова напротив прямо заметалась, как зверек в клетке без выхода.

— Хорошо? — спросила неверяще. — Как у меня может быть все хорошо? Тебя тут оставили. Стив как с цепи сорвался, вчера наорал на меня, знаешь, как напугал?

— Обо мне не волнуйся, — Латиса сложила в кучку следующую пачку пластин и принялась оплавливать слоем пузырчатого пластика.

Разговор не клеился. Наконец, рабочие ушли на обед и Филиция сразу же собралась за ними. Латиса упаковочный пистолет так и не отпустила.

— Я останусь, принесешь мне потом кофе, хорошо? Не хочу лишний раз появляться...

Филиция поняла и молча кивнула. Повторять утреннее шоу с позированием перед камерами никому не хотелось.

Коробка медленно наполнялась пухлыми свертками. Тишину разрывал только скрип выпускаемого пистолетом упаковочного пластика. Еще один брусок, еще...

Накопителя уже не было. Латиса смотрела на опустевшее место и думала, что Карасан, похоже, хотел ее о чем-то предупредить. Но не стал. Как только она разберется... со своими проблемами, сразу выяснит, о чем он говорил. Почему намекал, что Шалье... опасен? Латиса была уверена, что в списке опасностей он стоит далеко позади Таиси. Тут же в

раздумья вторгся до тошноты знакомый голос, привычно требуя внимания к себе и своей ужасной смерти.

'Отстань, все сделаю', — устало подумала Латиса. Но та не отстала. Скрип работающего пистолета стал почти неслышным.

Пластинки получилось упаковать в одну коробку. Когда за спиной послышались шаги, Латиса обернулась, почему-то ожидая увидеть Карасана. Но это был Стив. Держал в руке стаканчик кофе с таким видом, будто пришел с целью обменять его на что-нибудь ценное. Латиса поняла, что отчего-то его боится. Еще и его... мало, что ли других причин бояться? Не буду бояться, смело решила, но посмотрела в его глаза и осталась стоять на месте. Подходить ближе не хотелось.

Стив уселся на диван и приглашающее протянул стаканчик.

'Скоро вернется Филиция. Вот-вот зайдет', — подбадривала саму себя Латиса и все же подошла. Кофе оказался еле теплым.

— Ты готова?

— К чему?

— Лететь домой, — в лице Стива что-то быстро дернулось.

— Послушай, Стив. — Стоило сразу все ему рассказать, не ждать, пока он сделает что-то, что ее обяжет. — Я решила не лететь. Будет лучше, если я останусь здесь.

Сказанное Стив выслушал удивительно спокойно.

— Вот как? — ровно спросил. — И с какой это стати ты решила остаться?

— Это касается только меня, — вполне твердо ответила Латиса.

— Нет, дорогая моя. Это еще и Леви касается! — прошипел Стив, подавшись вперед.

— Каким это боком? — удивилась Латиса.

— Все видели, как ты с тайтом своим обнималась! Думаешь, ты тут кому-то нужна? Никому ты не нужна, ни единому мужику, кроме Леви. Второго такого больше не найдешь. Поняла? Запомни!

Сидеть рядом со Стивом стало так неприятно, что она тут же вскочила.

— Не тебе меня судить! И... тайтов!

Тот только улыбнулся. Как крокодил, утащивший под воду слабо трепыхающуюся жертву. Еще сопротивляется, но надолго ли? Что-то было в этом... гадкое и настолько обидное, что Латиса и про страх совсем забыла.

— Тебе не пора? — ледяным тоном поинтересовалась.

Стив хлопнул себя по коленкам, словно поражаясь, ах, ну что за дура! Встал и спокойно пошел к двери. Вышел, не оглянувшись.

Желание остаться у тайтов стало еще сильнее. Как всегда, когда требуют сделать все наоборот. Жаль, Советнице в ее просьбе отказала! Можно было и согласиться, разобраться с Таиси и вернуться домой с красивой трудовой историей. Хотя, таких длительных планов Латиса строить не стала, бог с ней, с Советницей, сначала... Таиси. Первопричина всех Латисиних бед.

Вскоре вернулась Филиция. В столовой сообщили, что в график по времени они почти не укладываются, поэтому всем стоит поторопиться. А еще шептались про Редкого, что-то с ним не так, похоже, очередной заскок.

— А тебя Советница вызывала. Точнее... просила подойти, — добавила Филиция и вернулась к упаковке.

Латиса с удовольствием воспользовалась возможностью уйти из архива. Коридор был

совершенно пуст. Видимо, хорошо народ пропесочили, раз все сидят по рабочим комнатам и действительно работают.

Стоило показаться в дверях кабинета, как Адина вскочила и кинулась навстречу. Не обниматься, как на секунду показалось ошалевшей от такого зрелища Латисе, а схватить за руку и куда-то потащить.

— Редкий заперся в кабинете. Поговори с ним. Уж в этом-то ты мне не откажешь?

Адина тащила так напористо, что упади Латиса, все равно бы за собой волокла. Значит, ситуация и правда критическая. На всех гениев временами накатывает, но в такое неудачное время...

— Причина какая?

Адина досадливо поморщилась.

— Не говорит.

Ну, конечно!

Дверь кабинета Редкого была заперта.

— Быстро только входи, у меня ключ одноразовый, — сообщила Адина, доставая красную пластинку. Датчик замка щелкнул и Латиса успела влететь внутрь до того, как дверь захлопнулась.

Почти все пространство комнаты заполняли полусобранные коробки. Редкий сидел за столом, сложив ноги на низкую табуретку. На мониторе перед его носом вертелась ДНК спираль, время от времени частично вспыхивая красным цветом. Прямо перед Редким, на крышке стола, стояла маленькая бутылочка водки. Она была открыта.

Латиса вздохнула. Непроизвольный выброс энергии...

Молча пододвинув стул, села, копируя позу Редкого. Такие же скорбно опущенные плечи, слегка согнутая спина и выпрямленные в прямую линию ноги. Такое же рассеянное лицо. Нужен был образец голоса. Она откашлялась. Тогда Редкий обратил внимание, что у него появилась соседка.

— Нравится? — кивнул на цветную спираль.

Интонацию Латиса ловила с одного слова. Служба в пастушьей фирме даром не прошла.

— Да, — так же глухо ответила.

— Знаешь, что это?

— ДНК тайтов? — предположила, несколько секунд подумав.

— Если бы! ДНК местного животного, наподобие пса. Нам выделили несколько живых экземпляров для изучения образования пламени. Живых тайтов для экспериментов выдать не согласились, — совершенно серьезным и даже слегка обиженным голосом сказал Редкий.

— Вы из-за этого так расстроились? — тут же спросила Латиса. Очень мягко и сочувственно.

— А, — махнул рукой, словно нечего с ним возится, все нормально. И отвернулся. Латиса осторожно пододвинула бутылку ближе к себе. Полная, значит, не пил. Повезло...

— Надо же, как странно получается, — легко заговорила Латиса. — Кто-то очень хочет домой, но ему приходится остаться здесь и решать свои нерешаемые проблемы. А кто-то не хочет, но вынужден улететь, чтобы в спокойной обстановке разобраться со всем ворохом новой для человечества информации.

Редкий задумчиво оглянулся.

— Вы бы на чьем месте хотели оказаться? — напрямую спросила Латиса.

Он не ответил. С подозрением покосился на бутылку, но взять не попытался. Посмотрел

на вертящуюся спираль.

— Я кое-что узнал, — сказал каким-то слишком серьезным, почти зловещим тоном. Латиса напряглась.

— Тайты заявили, что нас создали. Это — неправда, — доверительно сообщил Редкий, и его узкое лицо со складками вокруг рта и носа стало удивительно напоминать какую-то хищную птицу.

— А что правда? — с хорошо выверенной дозой интереса спросила Латиса.

— Нас с ними создали... одновременно. Кто-то третий.

Она молча смотрела. Редкий устало хлопал глазами.

— И что?

— Как что? — он усмехнулся. — Молодежь... Какие вы все... Подумай девочка, КТО это был?

Латисе было глубоко плевать, кто же это был. Она, уже не скрываясь, взяла со стола открытую бутылку и резко перевернула ее горлышком вниз. Редкий с интересом следил за жидкостью, струйкой летящей до пола и разбивающейся множеством мелких брызг.

— Я вложила глубокий смысл в это действие! Не желаете подумать, какой? — зло спросила Латиса. Редкого она не понимала, да и возможно ли понять гения? Только обидно было за что-то... Может, за свое существование, зависимое от чего угодно, кроме собственных решений? Это так... утомляет. Неожиданно захотелось спать. Шалье... говорил, ей нужно много спать. Похоже, сейчас пора пойти домой.

Латиса осторожно поставила пустую бутылку на стол и ушла, даже не попрощавшись. Дурь, какая дурь! Ну их, всех этих создателей, вместе взятых! Чертовы манипуляторы! Один создал, другой, — какая разница? Дай Редкому волю, он бы тоже не отказался кого-нибудь создать. А потом развлекаться за счет их жизней.

Домой. Прощаться ни с кем не хотелось. Прощание будет таким предсказуемым — куча пустых фраз, сказанных ненатуральными голосами и традиционные, с трудом выдавливаемые попытки поддержать. Стоило представить все это мучение, как спать захотелось еще больше. Даже с Филицией прощаться незачем, поняла Латиса и очень быстро направилась к дому. Благо, коридоры пустые.

По комнате ползал уборщик, тщательно огибая места, где валялись незнакомые ему вещи. Получались такие захламленные островки хаоса в океане сверкающего чистотой пола. При виде хозяйки мягкий гибкий шар съежился и быстро проследовал до своего места в стене, где сразу же отключился.

Опять этот страх. Не Таиси, так одиночество. Не тайты, так Стив. Не прошлое, так будущее. Игроки... Манипуляторы...

Латиса встала на край кровати и, раскинув руки, упала на спину. Немного ударилась, но все равно ей понравилось.

'Шалье говорил, нужно много спать', — подумала, закрывая глаза.

Катер нуль-перехода был не очень большим и некоторые нужные вещи Шалье был вынужден загрузить прямо в кабину. Мельком подумал, что за роботов, взятых без предупреждения на центральном складе, ему еще придется отчитываться. Тут же об этом забыл.

Два часа, пока катер разгонялся, Шалье просматривал записи событий на Стекляшке. Все шло тихо-мирно. Он видел охотников, вернувшихся с добычей: головами и

внутренностями врагов и подумал, что нужно не забыть сделать пометку в учете населения яриц. Оно в очередной раз сократилось. Табу на бессмысленные жертвы случайно подвернувшихся под руку женщин и детей у яриц не было.

Видел, как происходила торговля женскими особями. Лини досталась крепкому, синекожему Каерри и стала его третьей женой. Весь процесс торговли она просидела, опустив голову так низко, что та болталась где-то между коленями.

Видел, как лежала на земле, горестно причитая, мать Гууара. Ее никто не трогал и не успокаивал, потому что главарь дал понять, что Гууар не мертв и может вернуться.

Видел, как нахлынул ночной туман и высушенные на солнце морские губки засветились мягким желтым светом, а жители деревни разбрелись по своим хижинам.

Видел, как наступило утро и из хижины Каерри вышла покоренная Лини, с поникшими плечами и порванным, сломанным в нескольких местах гребешком, свисающим набок.

Как решать эту проблему, Шалье не знал. По-хорошему, стоило Лини нейтрализовать, смерть одной особи среди остальных яриц особых чувств не вызовет. Это был самый простой способ, но именно сейчас он не мог об этом думать, так что просто выключил запись. Удивился, поймав себя на мысли, что ему отчего-то жалко эту несчастную ярицу, чувство настолько забытое, что Шалье даже пожалел, что оно вернулось.

Переход прошел за несколько секунд и последующий час торможения, мокрый от пота и дрожащий от озноба Шалье приходил в себя. Слабость была совершенно неконтролируема, и ее нужно было просто переждать.

Ночь на планете Стекляшек уже началась. Шалье задал координаты прибытия и еще несколько минут, пока катер опускался, позволял себе бездельничать.

Гууар крепко спал. Шалье занес его в катер на руках, и, глядя со стороны, можно было подумать, что он несет десятилетнего ребенка.

Место, где можно спрятать подопечного, тоже давно было выбрано — небольшой остров недалеко от поселения Кровавой богини. Шалье посадил катер вручную и, проверив состояние Гууара, отправился наружу.

Технические роботы работали по заранее настроенной программе и довольно быстро клепали из грязи, взятой у берега, кирпичи. Вскоре посреди острова появился остов будущей хижины, где Гууару придется проживать в ближайшее время. Проживать и 'общаться с богами'. Убедившись, что строительство идет без запинок и ошибок, Шалье занялся защитным радиусом. Датчики, определяющие размер приближающихся существ и ультразвуковые излучатели, вызывающие у них бесконтрольную панику. Никто не должен сюда проникнуть, пока этого не понадобится самому Шалье. Экран, который стал для него почти второй кожей, позволял видеть даже сквозь туман. По периметру новой площадки духов один из роботов высадил деревья, растущие далеко от места проживания яриц, но известных тем по легендам. Влажную теплую атмосферу крепкие тонколистые деревья переносили с трудом, поэтому под каждый пришлось помещать аппарат контролируемой влажности и температуры. Самоуничтожающийся, если его вынуть без предварительной подачи сигнального кода.

Все шло на редкость хорошо и Шалье это 'хорошо' настораживало. Он не особо доверял удаче, потому что в его жизни подобное доверие всегда заканчивалось очень плохо.

Латису разбудил звонок. Филиция мялась на экране планшета, неуверенно и просительно заглядывая в глаза.

— Не хочешь даже попроситься? — укоризненно спросила.

— Мне так легче, — сонным голосом пробормотала Латиса.

— Ладно... — смущенная напарница, неожиданно ставшая бывшей, облизала губы и, словно решившись, добавила. — Уже начались рейсы наверх. Через час нас тут не будет. Потом еще проверка работоспособности систем — и прощай, Серебряный мир. — Филиция замолчала, словно ждала ответной фразы.

Латиса промолчала, так как сказать было нечего.

— Я забыла вчера у тебя свой брелок. Мама подарила. Поищи, я найду минут через десять, хорошо? — через время очень настойчиво попросила Филиция.

Латиса удивилась, но кивнула. Вообще, она никогда раньше не слышала от напарницы ни про брелок, ни про маму, но мало ли у людей бывает секретов? На собственном опыте Латиса знала, что их бывает о-го-го сколько и чаще всего о них лучше не знать.

Посмотрев вокруг кровати, Латиса ничего не нашла, потому проверила еще и уборщика, но тот тоже ничего не подбирал. Когда в дверь позвонили, Латиса открывала с сожалением — скорее всего, Филиция потеряла брелок не у нее, а времени искать уже не было. Было жаль, ведь подарок мамы... У Латисы, например, от мамы ничего не осталось.

Однако вместо Филиции в дверь протиснулся Стив. Латиса смотрела, все еще не понимая, но тот вдруг сделал шаг в сторону и за его спиной показался Леви. Такого странного, будто жеваного лица у него Латиса никогда раньше не видела.

В горле пересохло.

— Нет, — прошептала, не отводя взгляда от наставленного на нее медицинского пистолета, — вы не посмеете...

Леви шагнул вперед.

— Я не... хочу, — Стив поймал ее при попытке увернуться и к области плеча быстро прижался пистолет.

— Вы... не понимаете, — успела сказать Латиса и тут же свалилась, потому что ноги перестали держать.

Самое страшное, что вколота жидкость никак не повлияла на Таиси. Вокруг исчезло все, стало тихо и темно, сплошная пустота — и она.

Роботы управились даже быстрее, чем Шалье рассчитывал. Когда они, наконец, остановились, Шалье огляделся: аккуратная получилась хижина, высокая и прочная. Крыша из спрессованной сухой травы продержится не дольше первого муссона, но другой материал нельзя использовать — слишком подозрительно будет выглядеть.

Большая площадка, плотно укатанная и обожженная, Посередине — высокое каменное изваяние. Лицо статуи не очень походило на лицо Ранье, но в очередной раз поднимая на него глаза, Шалье чувствовал, как опять сжимается сердце. Не сдержавшись, подошел к нему вплотную.

— Я обещаю, — прошептал. — Я клянусь!

Статуя равнодушно молчала. У ее подножия лежали сочные местные ягоды и некоторые из самых красивых, растущих вокруг, цветов.

Все запланированные дела закончились как-то сразу и Шалье совершенно неожиданно понял, что все уже сделано. Он оставил над Гууаром медицинский управляемый аппарат и отправился на катер. Усталость брала свое — несколько минут Шалье просто сидел, закрыв глазами. Потом стал думать — может, подняться на орбиту и просто выспаться? Где-то

глубоко пробуждалась другая мысль — статуя Мальтики... Взять бы кувалду побольше и разгрохать на мелкие кусочки. А кусочки — в пыль. Только вот... он знал, что рука не поднимется.

Нет, надо убираться отсюда поскорее, решил, и запустил программу возвращения. Два часа разгона Шалье спокойно спал.

Сразу после перехода проснулся от охватившей его мелкой дрожи. Каждая клетка тела тряслась и пыталась жить собственной жизнью. Ощущение, будто на куски разрывает, Шалье глубоко дышал, дожидаясь, пока все успокоится. Два перехода подряд за такое короткое время! Час торможения он медленно учился восстанавливать управление телом. Неконтролируемая энергия синими волнами хлестала во все стороны, местами свиваясь в подобие вихрей.

Когда встал вопрос, куда опускаться, Шалье вспомнил о Латисе. Проверил контроль — огонь почти без усилий подчинился. Хотелось спать, пару секунд он размышлял, что лучше — сразу домой отдыхать или все-таки ее навестить. Жаль, во сне выброс энергии не контролируется, иначе бы он просто пришел к ней и лег спать рядом, убил бы сразу двух зайцев — и отдых, и без присмотра не оставил.

В последний раз представив свою комнату, Шалье вздохнул и пунктом прибытия выставил человеческий сектор. Проверит быстро — и сразу спать.

В доме было темно и тихо. Шалье вошел в знакомую комнату и сразу понял, что Латисы в ней нет. Проверил — человеческий корабль начал разгон три часа назад, с его размерами ему понадобится еще как минимум столько же.

Тогда Шалье осторожно уселся в кресло, где за последние дни провел уже немало времени и усталился на пустую кровать. На полу рядом с ней серой грудой валялись вещи, бывшие на Латисе.

Пальцы медленно сжимали попавшийся под руки жесткий пух подлокотников.

Невозможно злиться на Лини, случайно помешавшую его планам, потому что она сделала это не специально.

Глупо злиться на Карасана, наивно надеющегося успокоится за счет сведения с ним счетов, потому что он безопасен.

Пух хрустнул, почти вырванный их формирующей кресло сетки.

Больно, но злиться на Ранье, сделавшего свой выбор, тоже бессмысленно — он умер счастливым.

Но те... кто увезли Латису...

Глаза застилала белоснежная ярость.

'Смешно злиться на Старших, в своей заботе доходящих до маразма, хотя они временами безумно мешают. Но даже когда они делают это специально, злиться на них я не могу, потому что они верят в свою правоту. Даже когда пытаются украсть мою цель, — неспешно думал Шалье. — Ладно те, кто хотел украсть цель, пусть их. Но украсть мою... мою...'!

Фразу он не закончил, но это было и не нужно. Глаза загородил экран и, выходя из дома, Шалье уже передавал Аелле сообщение о необходимости задействовать тормозящую сетку внешнего радиуса.

Латиса проснулась от чужого прикосновения — к спине прижалась чья-то рука. 'Шалье', — мгновенно подумала и облегчено вздохнула, но расслабиться не удалось. Что-то было не так! Таиси... Здесь была Таиси!

Вот оно! Мгновенное осознание истины заставило вылететь из кровати, как пробку из бутылки шампанского. Сидящий на краю Леви изумлено наблюдал, как Латиса вскочила на ноги, безумно смотря на него и одновременно мимо.

Таиси не приходит, когда... рядом Шалье! Не может или боится... Не важно! Как она раньше не поняла? Когда он рядом... вот в чем дело! Так просто... А сейчас Таиси здесь... и не только Таиси. Латиса пошатнулась и наконец-то разглядела перед собой Леви, напряженного, будто перед дракой.

Тогда она зашипела. В данный момент Латиса вообще сильно напоминала разъяренное животное. Шалье — единственное, что защищало от Таиси, остался там, на планете тайтов. И последний шанс выяснить правду про жертвоприношение тоже остался позади. Латису окатило всепоглащающей ненавистью. Ей хотелось сделать так, чтобы лицо напротив скривилось от боли. Чтобы кричало от страха. Чтобы прочувствовало, очень хорошо прочувствовало все то, что чувствовала сама Латиса, улетая от единственной возможности избавиться от Таиси. Теперь мертвая останется с ней навсегда, а значит, 'навсегда' по времени будет очень коротким и мучительным.

Очень медленно и целенаправленно Латиса сделала шаг вперед. Наклоненная голова, как у тайтов, и дергающийся уголок губ подсказали Леви, что лучше отойти. Он так и сделал.

Она шагнула еще раз.

Леви осторожно стянул с кровати простынь и растянул перед собой, готовясь ловить и скручивать.

Ответом ему была очередная порция угрожающего шипения.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, но тут корабль дернулся так резко, что Леви упал, ударившись плечом о край кровати, а Латисе каким-то чудом удалось устоять. И еще толчок, менее резкий, и несколько секунд подергивания. Все, после только тишина и привычное мягкое покачивание, говорящее о том, что корабль остановился.

Молчание длилась недолго. Включился внутренний коммутатор и раздался громкий голос капитана из командной рубки.

— Внимание! Всем оставаться на своих местах! Причин для паники нет! Небольшая задержка, скоро отправимся дальше. Из кают не выходить!

Потом щелкнул переключатель и комната Леви получила персональное послание.

— ЛЕВИ, — орал голос, в котором с трудом можно была различить советника Булдина. — ЕСЛИ ЭТО ТЫ ЕЕ УВЕЗ, Я ТЕБЯ УНИЧТОЖУ! — советник чуть не задохнулся и его тут же сменил другой, не менее злой:

— Тащи сюда свою подружку, и очень быстро, потому что каждая секунда отложится в твоём послужном списке отрицательным отзывом. Хотя не факт, что ты выйдешь из тюрьмы в возрасте, когда еще берут на работу!

Леви поднялся с пола, не обращая на вопли никакого внимания. Увидев его взгляд, Латиса оглядела себя и впервые заметила, что совершенно голая.

Выдернула простынь, которую Леви все еще держал за край, и завернула вокруг себя на манер тоги. Направилась к выходу.

Выйти ей не дали. Не успела руку протянуть к кнопке, как Леви набросился сзади и оттащил. Развернул лицом к себе, обхватывая руками.

— Пусти, — шипела Латиса. Запах бесконтрольной злости прошел и сил хватало только дергаться.

Он смотрел почти умоляюще. Даже можно было бы пожалеть, если бы не сила, с

которой он тащил ее от двери. От... Шалье.

— ЛЕВИ! — снова выплюнула связь, — немедленно сюда, он ждет, и не знаю, насколько хватит его терпения! Убью гада! Лично придушу!

Уникальный момент — советник опустил до ругательств и прямых угроз! Похоже, в нем проснулся обычный человек?

Леви не двигался. Потом неожиданно потянулся к ее губам.

— Если, — вдруг четко сказала Латиса прямо ему в лицо. Он остановился.

— Если. Ты. Меня не отпустишь. Он тебя убьет, — ясно и очень радостно сообщила Латиса, причем была уверена, что говорит правду.

— Он сумасшедший! Совсем! Он тебя убьет! — с большим удовольствием кидала в глаза человеку, посмевавшему так безобразно распоряжаться ее судьбой. Посмевавшему встать на сторону Таиси.

— Убьет! Убьет! — веселилась. Было так приятно думать, что кто-то готов за тебя крушить и ломать все вокруг, без разбора и несмотря на последствия.

Руки Леви словно упали. Через мгновение Латиса уже выскакивала из комнаты и босиком неслась к технической лестнице наверх. Хорошо, что каюты пилотов всего на втором ярусе.

В командной рубке Шалье стоял прямо у перехода в пристыкованный катер. Просто стоял и смотрел на людей, скопившихся напротив, на безопасном расстоянии. Угрозы, в принципе, в его взгляде не было. Только вот вокруг полыхал голубой огонь и жеста миролюбия Шалье показать так и не изволил.

— Нелепая случайность, недоразумение. Надеюсь, ничего... — продолжал лепетать один из Советников. Все сказанное раньше Шалье пропустил мимо ушей и даже глазом не моргнул, давая понять, что вообще услышал.

Латиса выскочила из бокового коридора и люди расступились. Уже медленнее подошла ближе, смотря снизу вверх и улыбаясь сумасшедшей улыбкой. Все правда, все подтвердилось, Таиси... не было.

Шалье мельком глянул на нее и снова стал изучать окружающих. Через несколько секунд огонь погас.

Латиса подошла еще ближе, Шалье одной рукой обнял ее за плечи и задвинул себе за спину. И попятился. Она поняла и отправилась напрямиком в катер.

Последний раз окинув окружающих его людей, Шалье так и не нашел того, кто ее увез. Но она уже в безопасности, за спиной, так что, пожалуй, стоит побыть добрым. Да и лишние конфликты с Аеллой не в его интересах.

Шалье, наконец, сложил руки, прощаясь, и под облегченные вздохи людей покинул человеческий корабль.

Внутри катера царил сумрак. Светились только панели индикаторов, тусклые лампы у потолка по обе стороны иллюминатора и струящиеся по стенам, волнистые и прямые полосы. Латиса сидела, укутанная выданным пледом, в одном из двух имеющихся в наличии кресел, рассчитанных на тела гораздо больших габаритов, и говорила. Ноги до пола не доставали, она иногда вытягивала носок, пытаясь нащупать что-нибудь внизу, но все равно не получалось. И болтала, слова текли сами собой, словно прорвавшаяся сквозь запруды вода.

Об иллюминаторе, непривычно огромном, обзором как минимум в 180 градусов, хотя, конечно, это не иллюминатор, а экран, на который поступает изображение с наружных камер.

О материале пледа, непохожем ни на синтетику, ни на один из известных ей натуральных материалов. Скорее всего, он все-таки синтетический, только вот на ощупь все равно необычно приятный. И пахнет вкусно, впрочем, как и вся одежда, встреченная ей у тайтов. Они ее, интересно, специально ароматизируют или это запах материала, из которого сделана ткань?

И как интересно устроен изнутри катер тайтов. Отдалено напоминает людские, но иначе и быть не могло. Ведь в любом катере должны быть места для экипажа, экран, радары и панель управления. И все равно — непривычные рисунки на стенах и странно окрашенный потолок — от темного к светлому, создается впечатление, что вверху купол. Хорошая идея, поднял голову — и кажется над тобой небо. Серое небо планеты тайтов.

Шалье внимательно слушал, иногда отвлекаясь на набор команд и изучение индикаторов. Смотрел без улыбки, но с благодарностью.

Латиса не помнила, когда в последний раз чувствовала себя такой счастливой. Когда столько смеялась и так легко болтала. Увидь ее сейчас Филиция, пожалуй, онемела бы от такого зрелища: лихорадочно горящие глаза, растрепанные волосы, из одежды один только плед и слова, соскакивающие с языка безо всякого участия хозяйки.

Таиси не было. И не будет, пока Шалье рядом. Вечно, конечно, это не продлится, Латиса прекрасно понимала, но зато будет время найти способ от Таиси избавиться. Теперь, когда голову не застилал серый вязкий страх, она обязательно что-нибудь придумает!

И как красиво светятся эти лампы в углах. Они так похожи на... кристаллы, которые были в пещере...

Тут Латиса запнулась, решив, что сказала что-то не то. Шалье, впрочем, никак не отреагировал, разве что равнодушно посмотрел на один из кристаллов.

— В общем да, очень похожи, — согласился.

У него был на редкость усталый голос. Только сейчас Латиса поняла, что ему приходится прикладывать немало усилий, чтобы уследить за всем тем ворохом информации, за которым следует следить во время полета.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала почти виновато. Это же за ней он летел, несмотря на утомление. Она, конечно, не просила, но только потому, что не знала, как. По большому счету из-за ее глупости все случилось, из-за ее доверчивости. Это она открыла дверь, предварительно не проверив по камере, кто пришел, так что чувство вины становилось все сильнее.

Шалье кивнул.

— Да... Видишь, справа стеклянная дверца? Достань мне синюю банку. Особо уже не помогает, но попробовать надо.

Латиса с готовностью открыла отсек и вытащила энергетик. Передала Шалье и тот чуть не уронил, когда брал.

— Ты... рассказывай, это хорошо... отвлекает, — попросил.

Латиса неуверенно улыбнулась.

— А тут нет еды? Есть хочется, — нерешительно спросила.

— Только концентраты.

— Все равно, пусть. Я сейчас и сухие таблетки готова грызть.

Он слабо улыбнулся.

— Сухих нет, бери белую коробку с желтой или оранжевой надписью.

Уговаривать Латису не пришлось, через минуту она уже открыла крышку и отрывала одноразовую вилку.

Концентрат походил на паштет и оказался очень нежным и вкусным, даже на зубах ничего не скрипело, что являлось неотъемлемым качеством всех концентратов, известных ей ранее.

Я полностью счастлива, вдруг решила Латиса.

Она говорила еще час. Про Эридну, где в детстве отдыхала с мамой, и какие там загадочные подводные города. Про старый мост, рядом с городком, где она родилась, и как они собирались с детворой и уходили туда рано утром. И весь день ловили крошечных дракончиков, живущих в щелях между каменными опорами, соревнуясь, кто поймает больше.

И даже про переезд на Гатиру, про самое начало, когда все еще было хорошо. Про мальчишек, которых оказалось куда больше девчонок. Про то, как однажды ее взяли играть в войну и она выиграла, перестреляв всех остальных игроков. И как чувство гордости от заслуженной и полной победы было отравлено обидой, потому что после этого играть ее больше не звали.

Потом экран закрыла раскинувшаяся впереди планета, сплошь покрытая разводами огромный темных туч, и Шалье занялся посадкой, так что Латиса молчала, чтобы не мешать.

Катер пропетлял над огромной равниной, без единого следа водоемов, а после опустился на ровную площадку за одиноко стоящим зданием без окон и крыши. Оно походило на куб, на однородный кусок гранита, забытый прямо посреди пустыря.

После очень мягкой посадки Шалье выключил питание, и теперь единственная лампочка светила только над входным шлюзом.

Латиса смотрела в потухший экран, боясь спросить.

— Это мой дом, — безразлично сообщил Шалье. — Теперь, наверное, и твой. Пошли?

Она быстро кивнула.

Снаружи это недоразумение на дом было совсем не похоже. Однако внутри все оказалось совсем неплохо. На лицо избыточный аскетизм, это точно, но помещения просторные и высокие. Гостиная, прямо напротив входа, могла легко вместить человек пятьдесят.

— Пошли кое-что сразу покажу, — сказал Шалье и голос у него стал неожиданно серьезным.

Они свернули налево от входа, в темный коридор, закончившийся отливающей металлической синевой дверью, утыканной всевозможными охранными системами.

— Сюда... никогда не заходи, — медленно сообщил Шалье. — Ты, конечно, не

сможешь открыть, но... никогда. Ясно?

Латиса кивнула, только чтобы он успокоился, хотя ей сразу стало жутко любопытно, что же у него там заперто. Ладно, потом выяснит.

— Пошли.

Шалье брел в обратную сторону и, пройдя через гостиную, открыл одинокую дверь в противоположной от коридора стене. Комната почти не отличалась от той, где Латиса жила в человеческом секторе, разве что была выдержана в бежево-белой гамме, ее любимых цветах.

— Мне нужно выспаться, да и тебе поспать не помешает. В любом случае — из дома не выходи, — Шалье ушел, закрыв за собой дверь, а Латиса осталась изучать свое новое жилье. Все вполне привычно, кроме странного рисунка, покрывавшего белый потолок — вязь тонких золотистых линий: острые углы, концентрические круги и россыпи точек разного размера.

Она была уверена, что спать еще долго не захочет. Но стоя под душем в ванной комнате, размерами почти в половину жилой, уже почти засыпала.

Странная какая сонливость, лениво подумала, вернувшись в комнату. Одежды нигде не нашлось, да и искать особо было лень, так что Латиса просто заползла под одеяло и мгновенно уснула.

Шалье хватило пяти часов сна. С напитком, компенсирующим потерянные от энергетика минеральные соли, он отправился в синюю комнату.

Гууар спокойно спал и будет спать еще столько, сколько понадобится.

Шалье усмехнулся, подумав чуть ли не с гордостью, что в данный момент на его попечении целых две сони: Гууар и Латиса.

Собственно, Гууар уже подготовлен, но то, что собирался делать Шалье, требовало много времени и максимальной сосредоточенности. Сначала придется разобраться с проблемами Латисы, а потом, когда ничего не будет отвлекать, уже можно будет заняться ярицами.

Часа три Шалье изучал самые крупные поселения. В трех из них с неудовольствием обнаружил, как перед стоящей неподвижно ярицей женского пола в позе поклонения сидят другие особи. Шалье подозревал, что это предшествование грядущих неприятностей, нюх на такие вещи у него был развит отлично. Только пока не знал, насколько будет плохо.

Впрочем, тут тоже придется просто ждать.

Совершенно неожиданно догадался проверить входящие сообщения. Как чувствовал, ему пришло приглашение на вечернюю встречу со Старшим Аеллой. Ну что же... дальше оттягивать эту встречу и правда бессмысленно. Но сначала... Латиса.

Наконец, оторвавшись от экранов, Шалье направился к ней.

Ладонь на спине... Горячая сухая ладонь, мгновенно что-то напомнившая. Сон прошел, как будто ледяной водой окатили. Латиса почти не успела испугаться, открыв глаза, первым делом увидела панель на стене. Незнакомый пейзаж: пустынные скалистые равнины, оцетинившиеся рваными темными краями, острыми, как шипы. Значит, это не корабль.

Шалье... Внутри тут же появились голоса, развязав яростный нешуточный спор. Первым выступил здравый смысл, заявивший, что ей нужно эту руку стряхнуть, причем немедленно и так, чтобы он раз и навсегда понял, что она не позволит к себе прикасаться кому ни попади.

Второй, и его принадлежность Латисе определить не удалось, хотел, чтобы рука двигалась дальше. Но ладонь все так же лежала между лопаток, плотно прижимаясь к голой коже, и шевелится, судя по всему, не собиралась.

Тогда второй голос стал смелее и уже откровенно перекрывал первый. Ей действительно почти захотелось, чтобы рука продолжила движение, она, затаив дыхание, еще некоторое время ждала, но ничего не изменилось.

— Что ты делаешь? — тогда спросила Латиса.

— Мне нужно к тебе прикасаться, — ответил Шалье спокойно, будто не видел в своем поведении ничего необычного.

— Зачем?

Он неопределенно вздохнул.

— Нашла о чем думать. Тебя сейчас другие, более важные, вопросы должны волновать. Ты знаешь, что? Проще будет, если сразу скажешь, что мешает тебе жить?

— Меня преследует мертвая женщина, которую пять лет назад вы принесли в жертву свои богам, — сказала Латиса. И... оцепенела, когда поняла, что вот так просто, ни секунды не сомневаясь в правильности данного поступка, выложила свой самый страшный секрет. И кому? Тому, кто к этому, должно быть, причастен?

Шалье молчал.

Она почти не дышала. Что теперь будет? Почти все равно, только бы не оставлял... одну. Ведь иначе... Таиси.

Рука с места не сдвинулась.

— Это не все. Давай-ка рассказывай сначала и поподробнее, — сказал Шалье так мирно, будто его расу только что и не обвинили в одном из самых страшных для разумных существ преступлении.

И тогда она рассказала. Про все, с самого начала.

Ей было восемь, когда мама вышла замуж за гатирца и Латиса до сих пор помнила, как все друзья и даже просто знакомые пытались ее от этого шага отговорить. Гатирские женщины не существуют сами по себе, а только как приложение к мужчинам. Ты станешь вещью, убеждали маму, но она никого не слушала и у Латисы появился новый дом и отчим. Через год мама сбежала на Землю, оставив дочь на Гатире. Гатирцы никогда не отдавали детей и отчима даже не волновало, что Латиса не была его кровным ребенком.

Рассказала, как мама через посольство целый год пыталась вызволить дочь и к Латисе приходили множество хмурых людей, и раз за разом требовали подписывать отказы возвращаться к маме, потому что ей итак живется лучше некуда. На виске у нее с тех пор шрам, доставшийся от отчима, которому она заявила, что он не ее родной папа и не может заставлять жить у себя.

Возможно, у матери все бы и получилось, но в это время Гатир, вместе с несколькими другими планетами, промышляющими пиратством, была внесена в список Незаконна и любые дипломатические контакты между ней и Землей были прекращены.

Латисе было десять, когда она поняла, что никто, кроме ее самой, ей не поможет.

Семь лет она прилежно училась, занималась домашним хозяйством и делала только то, что было сказано отчимом. В семнадцать, довольный ее послушанием, тот сделал широкий жест и взял ее поваром на свой корабль. Конечно, только потому, что ей можно было не платить, а кормить двадцать обитающих на корабле мужчин, так или иначе, нужно.

Во время первого полета Латиса впервые была благодарна отчиму за его существование,

без которого ее обязательности быстро бы переместились от плиты в двадцать чужих кроватей. Но отчиму нужна была чистая дочь и его короткое, рычащее пояснение на этот счет, подкрепленное демонстрацией внушительных размеров парализатора, было единственным, что остановило в тот день команду.

Через год, во время очередного, энного на памяти Латисы захвата мелкого торгового судна, корабль отчима был арестован боевыми силами Земного союза.

Ее спасла только история, которой не поверили, но почему-то стали проверять. Преклонного возраста дипломат, у которого была внучка Латисинового возраста, из жалости тайком посадил ее на корабль до Земли, и даже выправил временный полулегальный паспорт.

Так Латиса начала самостоятельную жизнь. Пыталась искать маму, но след той терялся где-то во временах исключения Гатиры из состава союза.

Ей повезло и по рекомендации того самого дипломата Латису взяли в пастушью фирму. О, слушать и поддакивать она умела прекрасно, восемь лет на планете, где женщине не положено рот открывать без особого позволения, легко этому искусству обучают. Сложнее было сохранять спокойствие и не морщиться, выслушивая всякие гадости, но это дело практики. Через два года ее жизнь можно было назвать счастливой: хорошо оплачиваемая работа, собственная, хоть и небольшая квартирка, приличный молодой человек.

Потом поступил заказ от некоего очень известного Димы Которина, почти единовластного владельца одной из мелких курортных планет наподобие Эридны.

Дима разговаривать и жаловаться на жизнь не стал, а пристально и откровенно оглядел и предложил хорошую плату за некоторого рода услуги. К тому времени она уже хорошо знала, что бывает между двумя взрослыми людьми разного пола, но была уверена, что это должно происходить только по любви. Отказав достаточно резко, Латиса ушла.

Руководство фирмы ее откровенный отчет приняло, а после сразу же уничтожило. После произошел разговор с непосредственной начальницей, которая неловко дала понять, что такое тоже бывает, но ради спокойствия всех подобные случаи стараются не афишировать. Латисе выдали денежное поощрение и пообещали никогда больше к Диме не посылать.

Она опять была счастлива. А после... счастлива вдвойне. И одновременно несчастна.

Она нашла сестру по матери. А мамы в живых уже не было. Сестре было восемь лет, и она проживала в одном из детских домов Второй земли.

Латиса бросилась подготавливать документы на опеку. Даже ее молодой человек был не против, хотя, по большому счету, он вообще был существом инертным и его мало что волновало. Ну, кроме того естественного, что происходит между двумя особями разного пола.

Все шло отлично. И вот, когда все разрешающие опеку документы были практически на руках, к Латисе домой явилась эта женщина. Таиси зашла, окинув хозяйку цепкими глазами и Латиса, еще не зная, в чем дело, уже в душе понимала, что все разрушилось. Все кончено. Все пропало. Сухие глаза незнакомки не выражали ничего, кроме намерения получить то, что ей нужно.

На этом месте Латиса замолчала, заново переживая тот странный, ненастоящий вечер. Фальшивый, как улыбка Таиси.

— Дальше, — тихо сказал Шалье. Почти приказал, но Латису это никак не задело. Даже благодарность появилась за такое настойчивое желание все о ней узнать.

— Она меня шантажировала, — тоскливо продолжила Латиса. — У нее были доказательства моего, как она выразилась 'нечистоплотного прошлого'. Я, в компании двадцати гатирцев-пиратов, участвовала в грабежах и убийствах. Она показала отрывок съемки захвата, когда в кадр попала я. И фонограмму допроса. Достаточно отправить это все на работу и с ней можно будет распрощаться. Но... не это самое страшное. Сестра... Ее мне, естественно, не отдадут.

Латиса сжала попавшееся под руку одеяло.

— Чего она хотела?

— Она работала на... Дмитрия Которина. У всех богачей свои причуды. Этот собирал коллекцию записей своих любовных походов с женщинами, во внешности которых видел что-то необычное. Он посчитал мою внешность оригинальной, 'ярко выраженный монголоидный тип со светлой кожей', как пояснил и был твердо намерен заполучить меня в коллекцию. Таиси... четко пояснила — ночь в его обществе перед камерой, примерное выполнение всех его требований, не таких уж, по ее мнению, и страшных — и больше они мне жить не мешают.

— Она меня просто раздавила, — Латиса была благодарна лежащей на спине ладони, которая словно держала на плаву, не давая уйти в глубину воспоминаний. — Еще сказала 'девка, которая двадцать мужиков обслуживала, и всем известно, как именно, да чтоб выдывалась, как девственница! Еще радоваться должна, что Дмитрий тобой не побрезговал. Думай, сказала, иначе не видать тебе ни сестры, ни работы'.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Латиса задохнулась.

— Говори, — вдруг очень ласково сказал Шалье. Латисе захотелось на него оглянуться, но она не рискнула.

— Я... не смогла. Отказалась. Не знаю, почему. Он был не стар и на вид вполне даже приятен, да и ничего особо извращенного не требовал. И даже был так добр, что пообещал взять с собой на намечающееся мероприятие не более двух друзей. Но я... не смогла.

Шалье молчал.

— Сестру... предала ее, маленькую и одинокую. Не смогла. Жалела потом, но было поздно. Таиси отправила собранное досье в рабочий офис и в бюро по опекунству. Сестру в целях безопасности перевели в другой дом и всю информацию изменили. Я до сих пор ничего о ней не знаю...

Шалье ждал. Она поняла, что он будет ждать столько времени, сколько понадобится. Поэтому заговорила сразу, хотя было очень страшно. Что он... о ней подумает?

— Так я и жила. Работала официанткой и санитаркой, в местах, где всем безразлично, какая у меня история. Потом мне помогла Советница Адина, одна из клиенток, сделала мне новую, чистую книжку. И вообще, она много раз меня выручала. И вот... когда объявили об этой экспедиции, все же знали, что нашли... Старшую расу. Тогда... она и пришла. Ночью. Сказала, что ей нужна моя услуга и в этот раз выбора у меня нет. Точнее есть: сделать, как велено или... умереть.

— Чего она хотела?

— Чтобы я прилетела сюда и нашла пещеру, где ее принесли в жертву, — тихо пояснила Латиса, думая, что еще неизвестно, чем все закончится. Что Шалье теперь станет делать?

— И все? — уточнил.

— Да, больше ничего вменяемого не говорила. Может, тело найти. Может, тайтов на

чистую воду вывести, — еле лепетала.

Рука немедленно исчезла. Латиса судорожно вздохнула. Вот она, расплата?

— Пошли, поужинаем? — неожиданно предложил голос за спиной, и только тогда она поняла, что задержала дыхание, ожидая его решения. — Одевайся, я жду в гостиной.

Слушая шаги уходящего Шалье, Латиса не до конца верила, что он так ничего и не сказал по поводу Таиси. Значит, придется спросить! Окружающие ее в последнее время неопределенность и неизвестность слишком тяжелы, чтобы таскать на себе такой груз постоянно. Раз уж выложила все самое страшное, нужно идти до конца и лучше уж сразу знать, что ее там ждет.

Наличие уже знакомого набора одежды серого цвета воспринялось, как само собой разумеющееся. Быстро одевшись, Латиса чуть ли не побежала в гостиную. Шалье сидел за столом и, увидев ее, вдруг широко улыбнулся. 'Когда он не уставший, очень хорошо выглядит, — подумалось ей. — Хотя, и уставший...'

По привычке поморщившись своим мыслям, Латиса пошла уже более степенным шагом и уселась напротив. С интересом посмотрела в тарелку: уже знакомые шарик желтого цвета из пюре какого-то овоща и нечто, напоминающее рыбу. Помидоры, самые настоящие, только насыщенного оранжевого цвета. Что-то горячее, тонизирующее, по вкусу отдалено напоминающее кислый чай. Еще на столе стоял стакан с мутной серебристой жидкостью, назначение которого было совершенно непонятно.

Латиса поняла, что жутко проголодалась. Остановилась, только когда тарелка совершенно опустела. Увидела, что Шалье старательно отводит глаза, но в них — смех.

— Хочешь еще? — спросил.

— Эээ... нет.

— Тогда выпей это, — показал на стакан. Она подозрительно стала разглядывать напиток, поверхность которого была радужной, словно покрытая пленкой мыла вода.

— Нужно, — спокойно пояснил. — Пей.

Она протянула руку, подняла неожиданно легкий стакан и скептически понюхала. Пахло металлом.

— Хотелось бы, чтобы ты мне верила, — ровно сказал Шалье, но Латисе показалось, он немного обиделся.

— Я верю.

Он красноречиво поднял брови. Тогда она решила и отпила. Жидкость была очень странной, соленой, легкой и плотной, как пена. Коктейль из солей и металлов, почему-то решила Латиса. Странная какая смесь, но вряд ли опасная. Какой смысл Шалье ее травить? Ведь можно было просто тогда, в пещере, руку не протягивать. Эта мысль удивляла, Латиса была уверена, что могла оттуда и не выйти живой. Но почему она в этом так уверена?

Глубоко вздохнув, одним глотком допила смесь до конца.

— Что со мной будет? Таиси... она...

— Не волнуйся, это вполне решаемо. Она не вернется, мы ее не пустим.

Латиса с облегчением вздохнула. Похоже, выгонять или наказывать за клевету ее пока не собираются.

— И что мне теперь делать? — посмотрела на Шалье, теперь имея в виду жизнь у тайтов.

— Да что хочешь, — уверенно сообщил Шалье.

— Вообще, что хочу?

— Ну да. Только позже, когда привыкнешь. Пока ты будешь много спать, утром и вечером — пить эту смесь, так надо. Через несколько дней сонливость прекратится и тогда делай, что хочешь. Можешь путешествовать, даже в пещеры... Только одна не лезь. Говори, я с тобой схожу. Рисуй, играй, читай, чем там еще люди занимаются. Хочешь — язык выучи, заведи рыбок или песни пой. Да все, что в голову придет. Познакомься с нашими женщинами и болтай с ними о жизни.

— Ты предлагаешь мне завести... подруг?

— Почему нет? Мне лично и одному неплохо живется, но обычно разумные существа предпочитают компанию. Особенно женские, — уверенно подчеркнул Шалье и Латисе стало совершенно понятно, что в женщинах он не очень-то разбирается, хотя и твердо уверен в обратном. Это ее почему-то обрадовало.

— Мы не видели ваших женщин. Где они?

Он пожал плечами.

— Женщинам общественные работы не навязывают, только по желанию. Они вообще у нас делают, только то, что сами хотят.

— Почему?

— Так сложилось, — уклонился.

— И где они все?

— Живут у себя, обычно группами далеко от города.

— Почему группами?

— Им так удобнее, — подумав, ответил.

— Сами живут, без мужчин? — напирала Латиса, хотя здравый смысл настойчиво велел притормозить допрос и не лезть, куда не просят.

— Когда как. Некоторые — с мужчинами, некоторые — одни, некоторые — в группе. Живут, как хотят.

— И я могу жить, как хочу? — с неожиданным удовольствием спросила Латиса.

— Почти. Пока нет, но скоро сможешь, — его голос немного напрягся.

— Я смогу уехать от тебя и жить одна? — не отводя глаз, уточнила Латиса.

Он помолчал. Потом посмотрел очень строго.

— Да. Но не сейчас. Сейчас ты полностью под моим присмотром. Да и не... рано ли собралась в одиночное плавание? Забыла, что ли, про свою мертвую?

Латисе показалось, он чем-то недоволен. Некрасиво с его стороны было... напоминать.

— Мне просто интересно, как у вас тут живут.

Но Шалье уже молчал, будто потерял к разговору всякий интерес.

От странного напитка во рту остался необычный металлический привкус, который не желал смываться чаем.

И вот еще, при ближайшем рассмотрении кафит Шалье оказался темнее, чем ее, хотя она почему-то думала, что они одного тона.

— Почему у меня такого цвета одежда? Так положено? — тут же спросила.

— Нет. Заказал, какой нравится. Хочешь другой цвет?

Латиса задумалась.

— Пусть пока такой будет, мне все равно. Просто, казалось, у вас какие-то ограничения по цветам, в которые можно одеваться.

— С чего бы? — рассеяно ответил. — Есть то, что принято, но это необязательно. Особенно женщине, — снова подчеркнул.

'Определенно, они тут как-то странно относятся к женскому полу. Неужели правда все капризы разрешают и терпят? Было бы... любопытно так пожить', — решила Латиса. И... зевнула. Поразительно, но ей опять хотелось спать! Разве это не странно?

— Это хорошо, — ответил Шалье и на следующий, откровенно изумленный взгляд добавил. — Нет, мыслей я не читаю. Но по лицам — неплохо.

— Я еще столько хотела спросить, — лениво сообщила Латиса, уже с удовольствием представляя, как сейчас вернется в комнату и растянется на удивительно удобной кровати.

— Утром спросишь, — предложил Шалье.

В последний раз посмотрев в его лицо, словно желая получше запомнить, Латиса отправилась в спальню.

Последняя ее мысль была о Таиси... Вернее, об ее отсутствии.

Позже Шалье заглянул в ее комнату и убедился, что Латиса крепко спит. Можно было ехать, он не мешкая, вышел из дома и направился к катеру. Старший сдался и пригласил на встречу, ни для кого не секрет, зачем. Что же, пора раскрывать карты. Не все, конечно, но хотя бы одну. Две — максимум.

У здания Совета было почти пусто. Двое младших тайтов-учеников, стоящих на лестнице рядом со входом, равнодушно на него оглянулись и продолжили разговаривать о своем. Войдя внутрь, Шалье встретил еще одного — этот увидел его ближе и узнал. Всю гамму чувств, отразившихся на его лице, Шалье видел уже не раз: удивление, страх, злость, презрение, отвращение, искусственная скука. Когда же, наконец, о нем забудут? Жить вроде никому не мешает, как жить правильно, тоже не учит. Но нет, никак не отстанут.

Впрочем, ученик быстро сделал вид, что Шалье его внимания недостоин, потому, резко сложив руки, пошел дальше.

Пустой коридор с бесцветными стенами, выложенными неровными кусками гранита, закончился круглым холлом. Кабинет Аеллы был слева, за высокой массивной дверью в выступающем широком косяке толстого, исчерченного заковыристыми иероглифами дерева.

Шалье нажал кнопку оповещения у дверного экрана и высветившаяся картина подтвердила, что Старший у себя и уже ждет. Дверь скрипнула, но не из-за неисправности, а потому, что Аелла любил наполнять окружающую обстановку звуками естественного мира, и был уверен что, к примеру, любая деревянная дверь просто обязана скрипеть. У каждого свои прихоти, Шалье был готов признать любую, только бы получить взамен ответное понимание.

Он вошел и, наконец, увидел Старшего. Если вспомнить, они не виделись почти год, Шалье признался себе, что общения с Аеллой ему не хватало. Однако Старший из числа тех, кто сразу пытается обернуть дружественное отношение других в свою пользу и Шалье не позволил себе показать, что соскучился.

Он вежливо поклонился и дал понять, что готов слушать.

— Тихого пути, Шалье, — мягко произнес Аелла, — мы давно не виделись.

— Дела, — коротко ответил Шалье. Старший хотел услышать не такой ответ, он еще ждал, но уже было понятно, что Шалье больше ничего не добавит.

Тогда, решив, что обмен любезностями можно пропустить, Аелла сразу перешел к делу.

— Ты знаешь, что через два световых дня вступает в силу новый этический закон 'О запрете манипулирования разумными малоразвитыми расами'?

Шалье нетерпеливо кивнул.

— Да. Но меня это не касается.

— Вот как? — до приторности добродушно поинтересовался Аелла, но все же было видно, что он насторожился. — Отчего же?

— На днях я внес поправку, что существующие в настоящее время эксперименты, начатые до начала действия закона, разрешено довести до конца, планируемого экспериментатором.

Старший улыбнулся почти снисходительно.

— Поправку еще должны утвердить! — многозначительно пояснил Аелла. И уж он-то был уверен, что такое никто утверждать не станет.

— Нет. Она уже утверждена.

— Кем?

— Воплощенный дал мне свое согласие.

Аелла растерялся. Шалье ждал обиды, может, раздражения, чего угодно, только не жалости, такой острой, что невозможно сделать вид, будто ее не заметил. Старший смотрел ласково, с непонятной болью.

— Шалье... Что же ты пообещал ему взамен?

— Это должно волновать только меня.

— Я тоже волнуюсь. Я... знал твоего отца.

— Мой отец был чрезмерно общительным. Его знало множество людей.

— Я любил его.

— Как и еще большинство других. Это разве меня к чему-то обязывает?

— Нет. Но он бы хотел, чтобы о тебе позаботились.

Сдаваться Шалье не собирался.

— Если больше никаких вопросов и претензий к моей деятельности нет, я, пожалуй, пойду.

— Шалье... остановись. — Теперь Аелла откровенно просил. — Ты уже потерял все. Ни семьи, ни друзей, ни привязанностей. И вот у тебя появилась эта девочка. Зачем?

Этот вопрос Шалье удивил настолько, что он остался стоять на месте.

— Она мне не мешает.

— Ты... что будешь делать, если она начнет мешать?

— Она не будет мешать, — покладисто повторил Шалье.

— А все-таки?

И впервые за весь разговор Шалье не нашелся, что ответить. Тогда просто откланялся, прощаясь, и пошел к выходу. Старший был так расстроен, что даже неискушенным глазом видно. Не тем, что проиграл, как многие бы подумали, а тем, что опять не смог остановить.

К двоим ученикам на ступеньках присоединился третий, встреченный в коридоре. Они молча проследили за движением фигуры в сером, насторожено, как за чем-то опасным. Шалье не обратил на них внимания, ему было плохо оттого, что пришлось так обойтись с Аеллой. Но иначе нельзя, Старший должен, в конце концов, понять, что от цели он не отступит. И если на пути встанет личная привязанность... даже это его не остановит.

Шалье приземлился у дома и осознал, что торопится попасть внутрь. И сразу разгадал, почему — ему хотелось проверить, все ли в порядке с Латисой, хотя в его доме ей вряд ли что угрожало. Но вероятно, если уж он взялся ее защищать, чувство ответственности требовало, чтобы все было безупречно. По крайней мере, лучшего объяснения своему желанию он не нашел.

Шалье бесшумно зашел к ней в комнату и почти час сидел в кресле напротив кровати. Как раньше, когда она только появилась в его жизни. Тоже кстати, интересный вопрос — как получилось, что она заняла часть его времени, причем, если подумать, немалую? Что-то в этом есть...

Вид спящей Латисы успокаивал. Шалье слушал тихое дыхание и забывал обо всем, что сделал. И что еще сделает...

Латиса проснулась первой. Обнаружила в окне доставки целый ворох одежды, все разных оттенков серого и серебристого. Три пижамы разной степени открытости. Облегченный вариант кафита для теплой погоды, состоящий из шорт и полупрозрачной туники с короткими рукавами. Больше всего ее поразило стандартный гигиенический набор с маркой Эридны, выдаваемый женщинам в путешествиях туристического класса. Она даже предположить не смогла, как и откуда он взялся у тайтов.

Потом Латиса осматривала дом. Рядом с ее комнатой дверей больше не обнаружилось. Зато в противоположной стороне, возле коридора, куда ей нельзя ходить, было целых две. В коридор она, впрочем, тоже заглянула, постояла у закрытой двери, вспоминая древнюю сказку о Синей бороде.

Что же он там прячет, думала, прямо как любопытная жена из истории, которая, насколько ей помнилось, закончилась весьма плачевно. Но, повторив про себя, что она в чужом доме и хозяину может и не хочется, чтобы гостья везде совала свой нос (тем более дверь все равно закрыта), она развернулась и пошла изучать остальную территорию.

Одна из двух оставшихся дверей привела в хозяйственный блок, который ее совсем не интересовал. За второй оказался длинный коридор. Латиса начала с двери налево и попала в целую анфиладу комнат, пустых и заброшенных. В них оставалась какая-то мебель, покрытая непрозрачной пленкой и, судя по слою грязи, даже стандартные уборщики тут не водились. Вернувшись в коридор, она остановилась у двери напротив. Это была комната Шалье, она знала, даже не заглядывая. Почти видела его, спящего, но так и не рискнула проверить.

Так же, как не рискнула открыть последнюю дверь, слишком уж та была похожа на выходную, на улицу. Второй выход? Но нет индикатора погоды, которые тайты всегда лепили на такие двери.

Там ее и застал Шалье. Латиса пристально и невежливо разглядывала его опухшие со сна глаза и растрепанные волосы. Он выглядел очень... по-домашнему. Покосился на дверь, которую она так и не открыла.

— Там сад, — сообщил, — покажу после завтрака, если хочешь.

— Хочу.

Потом они завтракали и Шалье рассказывал, что устройство сада — одно из самых распространенных занятий, которым любят заниматься их женщины. И Латиса замирала от непривычных укусов ревности, потому что наличие сада означало, что здесь жила женщина. Это немного перебило аппетит, но серебристый напиток Шалье все равно заставил выпить до дна. А после отвел в хозяйственный блок, где показал, как заказывать вещи и продукты, куда утилизировать мусор, который, кстати, даже сортировать не требовалось, и отвод в прачечную, для грязных вещей и обуви. За тем, понимает ли Латиса его объяснения, Шалье не следил.

— Сад, — тихо напомнила, увидев, что он с чувством выполненного долга собирается уходить.

— А, да. Пошли.

Дверь отъехала в сторону, пропуская их в большой, заросший всевозможными растениями, не сад... живой организм. Невысокие изящные деревья окружались четко разграниченными тропинками из цветного стекла, песка, гальки и еще не пойми чего.

Кусты, трава, целые ожерелья цветов. Пестрые бабочки и светящиеся жучки. Ручеек, журчащий в выложенном камешками русле. Сад был накрыт прозрачным маскирующим куполом и стало понятно, почему при полете Латиса его не увидела. Прямо над головой, на ветке, сидела светло-фиолетовая, пушистая как одуванчик, птичка. Шалье, видимо, бывал в саду редко, потому что смотрел по сторонам, как на давно забытое.

— Красиво...

— Да... Мальтика проводила здесь чуть ли не все свое время, — грустно улыбнулся и Латиса больше не смогла сдержать вопроса.

— Где она? — спросила, с трудом подавляя желание зажмуриться.

Шалье вдруг внимательно на нее посмотрел.

— Она была женой моего брата, — почему-то пояснил. — Их обоих больше нет.

— Извини.

Он будто не услышал.

— Если правильно настроить программу по уходу, сад может существовать безо всякого вмешательства. Может, и меня уже не будет, а сад ничуть не изменится. Кто-нибудь заявится лет эдак через пятьдесят и увидит то же, что видим сейчас мы. Очень... удобно.

Он еще раз рассеяно оглянулся.

— Мне нужно идти.

И раньше, чем Латиса успела ответить, развернулся и исчез.

Она еще долго сидела на крошечной лавке из грубо обтесанного дерева, разглядывая выпуклые резные листья ближайших кустов, и только когда чуть не заснула на месте, ушла в свою комнату.

Если бы в ночь, когда она бродила по пещерам, Латисе удалось пройти гору насквозь, она бы вышла к странной, похожей на ступенчатую пирамиду, постройке с колоннами по нижнему ярусу, такими кривыми, будто их вытачивал кустарными инструментами косой неумеха.

Шалье пришлось идти к храму пешком, потому что подлетать к дому Темной богини запрещалось. Он поднялся по невысокой лестнице и, с неприязнью посмотрев на темнеющую кривую дыру входа, зашел. И тут же поморщился, конечно же, ему не повезло и сегодня гостей встречала Каинни.

Она сидела в полукруглом кресле под неровным, нависающим над головой потолком, прямая и величественная, и глаза ее по мягкости могли соперничать с самим гранитом, из которого было построено здание.

Шалье не стал оттягивать неизбежное, вежливо поприветствовал встречающую и попросил аудиенции у Воплощенной.

— Воплощенная не в настроении принимать сегодня гостей, — мило улыбнувшись, отрезала Каинни.

— У меня важный вопрос.

— Передай через меня, — снисходительно предложила Каинни, сияя глазами.

Шалье думал всего минутой, потом так же нежно улыбнулся в ответ.

— Моя... подопечная... Ты знаешь, о ком я? — неловко уточнил, наивно хлопая ресницами.

Сияние улыбки напротив немного померкло.

— Знаю.

— Так вот, ей мешает жить мертвая, которую, по ее словам, принесли в жертву Темной богине. Мне нужно знать, что делать. Воплощенная услышит о моей просьбе?

— Сегодня же, — твердо ответила Каинни. Исполнение обязанностей встречающей гостей не могло зависеть ни от каких факторов, будь то личная вражда, незначительность просьбы или ее глупость.

Шалье поклонился, так медленно и вежливо, что это больше походило на издевательство. И Каинни не выдержала.

— И где твоя подопечная? — опасно прищурилась.

— Спит. У меня дома, — преувеличено радостно ответил Шалье. И позволил себе широко улыбнуться.

Каинни вдруг побледнела.

— Вот значит, единственная возможность попасть в твою жизнь и в твой дом.

— Единственная? — глупо переспросил Шалье.

— Да. Даже через постель ты так близко не подпускаешь, — странно сказала Каинни.

Шалье снова вежливо откланялся, не желая вступать в бессмысленную беседу.

Но Каинни еще не все узнала.

— И что, Шалье, меня бы ты спасал, если бы понадобилось?

В его глазах впервые проснулся какой-то интерес.

— А ты бы мне доверилась?

— Тебе? Только полная дура могла тебе довериться!

Шалье перестал улыбаться, но его задело вовсе не недоверие. А то, как она назвала... Латису.

— Или та, кто ничего о тебе не знает, — поправила Каинни. Но было поздно, говорить он больше не хотел.

— Ладно, — покладисто согласился Шалье. — Я буду ждать послания от Воплощенной.

— Тихого пути, — понеслось вслед, но он уже был далеко.

По возвращению домой Шалье проверил поселения яриц. Не зря ждал неприятностей, вот они, прямо перед носом: несколько окрестных деревень собрали щедрые дары и направили своих представителей на поклон к Кровавой богине. Но не это было самым плохим. Ритуалом подношения управляла старая женская особь, увешанная гроздьями косточек маленьких животных и рыб. На голове, вокруг гребня — толстый слой красной глины. У Кровавой богини появились жрицы, значит, Гууару будет сложнее, чем хотелось бы.

Оттягивать дальше никак нельзя. Пора, решил Шалье. Ночью он начнет операцию, потому что события выходят из-под контроля быстрее, чем он успевает разбираться с их последствиями. Что уж там говорить о предугадывании!

До вечера нужно хорошо отдохнуть. Шалье вышел, накрепко запирая замки, которые после появления Латисы проверял ее тщательнее, и вдруг понял, что сегодня его ни разу не посетило желание разглядывать Мальтику. И улыбнулся это мысли, восторженно, как мальчишка, у которого забыли спросить невыученный урок.

Ладонь на спине. Латиса проснулась с улыбкой. Кожу щекотно покалывало и хотелось глупо смеяться.

— Привет, — по земному поздоровался Шалье. — Ужин?

— И тот вкусный напиток из металлической стружки, — важно пожелала Латиса.

— Как скажешь, — улыбнулся.

За ужином говорил в основном Шалье. Заявил, что ей пора привыкать к самостоятельной жизни. Оставил несколько кодов связи. Карасана, потому что он единственный хорошо знакомый ей тайт. Некого Гаваля, специалиста по лингвистике, к которому стоит обратиться за помощью в изучении языка. Старшей Нелии, которая с удовольствием примет Латису и поможет выбрать интересное занятие. Только вот Старшая не понимает лингву, потому при общении с ней нужно использовать переводчик (с этим вопросом опять к Гаваю). А вообще лучше сначала научиться хотя бы простым фразам. Статли, поставщик людских товаров, если ей захочется чего-то, к чему она привыкла. Шалье его предупредил, так что достаточно будет просто перечислить необходимое.

Латиса терпеливо кивала. Было страшновато обращаться к каким-то неизвестным, причем даже не людям, но Шалье прав — не может же он контролировать каждый ее шаг.

— Ты знаешь и называешь всех по именам? — спросила, в конце концов. — Ни фамилий, ни должностей?

— Тайты народ малочисленный, — ухмыльнулся Шалье. — Если не знала. Нас не так уж много, половину населяющих эту планету я знаю лично.

— Почему малочисленный? — удивилась Латиса.

— Потому что мы вымираем, пусть и медленно, — спокойно пояснил Шалье.

— Как? Почему?

— Наши... женщины не хотят жить, — растеряно сообщил. Латиса подумала, что ослышалась.

— Как не хотят?

— Вот так. Очень легко умирают. Не от болезней или несчастных случаев, а просто потому, что жить не хотят.

— Почему?

— Никто не знает. Это длится уже много веков, но причину так и не выяснили.

Латиса задумалась.

— И ты говоришь, они у вас живут, как хотят и делают, что хотят?

— Да.

Она вдруг улыбнулась, вспомнив Гатиру, но тут же улыбку убрала, будто сделала что-то неприличное. Ситуация-то не из веселых.

— Может, их просто нужно взять в ежовые рукавицы? Заставить сидеть дома, воспитывать детей, заниматься хозяйством и готовить, к примеру. А единственные оставшиеся пару часов в неделю пусть делают, что хотят. Тогда и думать будет некогда, просто будут жить? Не пробовали?

Шалье улыбался.

— Почему не пробовали? Очень даже пробовали.

— И как? — с видом исследователя поинтересовалась Латиса.

— Получается, — спокойно сообщил Шалье.

— Как? — тут же пошла на попятную Латиса. Слова — это одно, но она видела, как это бывает на Гатире. И в жизни все гораздо страшнее. — Вы и правда устраивали им домашний принудительный арест?

Шалье с трудом сдерживал смех.

— Да, — серьезно подтвердил.

У Латисы в горле вдруг пересохло. Шалье и не думал прекращать улыбаться.

— Когда женщина понимает, что не хочет больше жить, она идет в пещеры, как ты. И отдает свою жизнь в руки мужчине. Он может делать все, что сочтет нужным, чтобы желание жить вернулось. Были и предложенные тобой меры — дети, хозяйство и отсутствие свободного времени.

Теперь Латиса смотрела почти с ужасом.

— Что? — раздражено спросил Шалье. — Ты же сама спросила.

— Ты меня можешь заставить делать, что угодно? — изумилась Латиса.

Он насупился.

— Ну, в общем да, могу.

— И каким образом? — вызывающе спросила Латиса, мгновенно разозлившись.

Шалье растерялся. От откровенной враждебности в ее взгляде почему-то стало больно. Блеск ярости в глазах напомнил о том дне, когда Мальтика узнала... Блеск, который затуманил, поглотил ее разум и больше не выпустил из своих цепких лап. Видеть подобного Шалье больше никогда не желал.

Он резко поднялся.

— Ближайшие дни я буду занят. Ты можешь делать все, что угодно. Тихого пути.

Смотря, как он уходит, неожиданно торопливо, Латиса так и не поняла, победила она только что или все же проиграла.

Над проекцией Стекляшки суетились крошечные, яркие точки. Живые существа. Живые куклы. Гууар так и лежал в центре хижины, только на бок повернулся, скрутившись колечком.

Так долго к этому идти и... никого. Давно уже Шалье не переживал такого острого приступа дикого, ноющего чувства одиночества. Он переживал такие приступы, как не смертельную болезнь — главное помнить, что пройдет. Или хотя бы утихнет.

Ралье бы меня поддержал, подумал, по привычке прижимая ладони к клавиатуре. Было страшно. Неважно, нужно начинать. С искусственной уверенностью пожелав себе вслух удачи, он напечатал первую фразу. После ввода она возникала в голове Гууара, сказанная неестественным голосом, призванным, в понимании Шалье, имитировать божественный.

Ты был болен и стал здоров. Прими свою новую жизнь.

Гууар дернулся. Первый момент — самый важный, Шалье выстроил датчик тепла на градус выше обычного, чтобы увеличить его активность.

Я дал тебе новую жизнь.

Гууар поднялся и стал настойчиво мотать головой. Шалье ждал. Потом подопечный вскочил, судорожно оглядываясь и поспешил наружу. И застыл на пороге, разглядывая площадку духов с незнакомой статуей посередине.

Прислушайся.

Гууар не прислушался. Он глухо зарычал и угрожающе ошетирил гребень на голове.

Слушай дающего жизнь.

Гууар ответил грозным клекотом, вызывая на бой.

Слушай меня.

Шалье говорил до самого пришествия ночного тумана. Только тогда подопечный, наконец, сдался и послушно уселся у ног статуи, внимая божественному гласу. За несколько прошедших часов он сделал много глупостей: бился головой о землю, криками угрожал всему окружающему миру, убегал, но был остановлен приступом неконтролируемого,

никогда ранее не испытываемого ужаса. Искал говорящего и не нашел, хотя вокруг не было мест, где можно спрятаться от его зорких глаз.

И вот Гууар смирился. Сидел перед статуей и не шевелился.

— Кто ты? — спросил вслух.

Мое имя Раан. Я создал то, что вокруг.

Гууар передернулся и замер.

— Я устал и хочу есть.

Шалье вздохнул и облечение нахлынуло с такой силой, что он просто уткнулся лбом в край стола. Только и успел нажать заготовленную заранее фразу.

Я вернусь, когда твой дух остынет.

Было ощущение, словно прошел по нуль-переходу несколько раз подряд. Гууар сживался с новым, оглушительным знанием. Шалье сживался с самой первой, самой крошечной удачей финала, к которому шел несколько лет. Время текло, разделяя экраном двух существ, вступивших на свой последний путь.

Когда Шалье смог вернуться к наблюдению, Гууар уже спал, забравшись в густую траву, чудом сохранившуюся после строительства, за хижинкой, в которую не рискнул вернуться.

Язык яриц не содержал всех нужных слов и Шалье не был уверен, что Гууар понял все, как надо. Отсутствующие в речи стекляшек понятия высвечивались красным и Шалье приходилось переставлять фразу. Но слова в языке яриц так быстро менялись и меняли свое значение, что уследить было почти невозможно. Автоматический анализатор помогал, но не всегда понимал новое верно и требовал постоянной проверки и контроля. В одиночку уследить еще и за словарем Шалье не успевал. Вот раньше, когда был жив Ранье... Они успевали все.

Один из боковых экранов привлек внимание — опять сборище вокруг старой самки. В этот раз она была увешана целыми рядами длинных костяных бус. Вот и кости врагов в ход пошли...

Шалье впервые пожалел, что датчики были вживлены только мужским особям. Как быстро, оказывается, может измениться иерархичность развивающегося общества. Когда они нашли Стегляшку, ярицы почти вымерли, потому как мужские особи женскими интересовались только в сезон размножения и никак не заботились ни о самках, ни о собственных детенышах. Даже наоборот, легко отбирали у тех понравившуюся им добычу. А теперь они сидели в позе преклонения и слушали самку!

В любом случае, поздно. Датчики можно вживлять только детенышам и потом еще два года придется ждать до стадии их взросления. Столько времени у Шалье не было. Аелла и другие Старшие не отступятся и поправка к новому закону надолго их не задержит. А Воплощенный непредсказуем, один раз удалось заручиться его словом, в следующий раз не факт, что получится.

Несколько часов, пока длилась ночь, Шалье следил за Гууаром. Не зря, тот спал недолго, проснулся и осторожно огляделся по сторонам. Видимо решил, что в темноте его божественный глас не достанет. Шалье следил.

Гууар крался, воровато озираясь, по краю площадки духов. Дошел до странных деревьев, которые пугали его не меньше голоса в голове и вновь испытал приступ ужаса. Отбежал. Отсиделся в кустах и снова ринулся за границу деревьев, очень быстро. Но излучатели срабатывали быстрее.

Шалье смотрел, как Гууар раз за разом пытается вырваться с острова и каждая попытка,

казалась, делает ему больно так же, как делает страшно Гууару. Шалье беззвучно просил его успокоится и не мучить себя, почти умолял не сопротивляться, смирится, утихнуть, но тот, конечно же, не слышал. Тоскливо смотрел в экран, зная, что сейчас ничего не сделает и каждое движение Гууара задевало что-то глубоко спрятанное, дергало, прохаживалось по нервам, ставшими необычно чувствительными.

Гууар сдался, только когда туман совсем разошелся. Вернулся к хижине и заполз в траву. Шалье подумал и все-таки решил подстраховаться — активировал спрятанный в хижине медицинский аппарат и сделал инъекцию снотворного. Теперь и у него самого было несколько часов времени.

Шалье вышел из комнаты ранним утром. Почти сутки сидел, воюя с Гууаром и, одновременно, пытаясь с ним подружиться. Ему очень захотелось проверить, как там Латиса, но в этот раз Шалье не поддался. С ней все в порядке, а если нет... то что поделать.

Заснуть Шалье не смог. Ругаясь, пошел-таки проверять и только убедившись, что она спит, сотворив из одеяла что-то наподобие гнезда, вернулся к себе и заснул, почти не хмурясь.

К завтраку Шалье не вышел. Латиса постояла у двери его комнаты, уверенная, что теперь он здесь, внутри, но заглядывать не стала. Вдруг закрыто или какая-нибудь система проникновения включена? Будет неприятно, если на пороге чужой комнаты ее застанет предупреждающая сирена.

Вчерашний вечер без Шалье был неудобством, но и только. Сегодняшнее утро уже настораживало. Выпив металлический напиток, Латиса решила и все-таки позвонила Карасану. Ей не ответили. Разулась и еще несколько минут кружила по шершавому теплomu полу гостиной, а после щелкала пультом панели, пока не нашла вариант местного телевидения. И впервые увидела женщину тайтов.

У существа на экране были настолько наивные восторженные глаза, что Латиса просто села на диван и стала ими любоваться. Языка она не понимала, просто слушала и когда начинались заставки, демонстрирующие какие-то пятнистые цветы и, похоже, способы ухода за ними, с нетерпением ждала, когда же вернется девушка.

Минут через пятнадцать, когда передача закончилась, Латиса позволила себе поверить, что существо на экране похоже на то, что она обычно видит в зеркале. Тотчас же нашла зеркало и проверила. Сходство было весьма отдаленным. И все же — было.

Вернувшись через несколько часов, Шалье застал Гууара сидящим перед статуей. Пытаясь понять, как у них обстоят дела, устроился в кресле поудобней и стал ждать. Так они и сидели, каждый думая о своем, пока Гууар не поднялся и не отправился добывать еду. Достать ее было проще простого: прямо за хижинной три колодца, заполненных мягкими моллюсками, кусты сочных стручков и толстые неповоротливые насекомые, живущие в корнях травы.

Самому Шалье приходилось питаться концентратами и энергетиками, но его это вовсе не волновало. Он ел, скорее, чтобы не свалится, чем потому, что хотелось.

Сытый Гууар вернулся на площадку, уселся перед статуей и задрал голову.

— Я Гууар и мой дух остыл!

Шалье выдержал для приличия несколько минут. Гууар терпеливо ждал, всем своим видом показывая, что спешить ему некуда.

Мое имя Раан и я вернулся.

— Говори, Раан. Я готов слушать.

Это было счастье...

Вечером Шалье так и не появился. Латисе стало по-настоящему неуютно. Она просидела полчаса за столом, но так и не смогла решить, что делать. Неизвестно сколько времени простояла у синей двери, прижимаясь к ней лбом. Скорее всего, он там, но как проверить? У двери ни камер, ни связного экрана, стучать не только бесполезно, но и просто глупо.

Вернувшись в гостиную, позвонила Карасану. Он ответил сразу же, сделал вежливое лицо, но разглядывал все же с любопытством.

— Тихого пути, — прошептала Латиса.

— Тихого. Вы неплохо выглядите, Латиса. Здоровой, разве что слегка нервной. Все в порядке?

— Да.

— Я чем-то могу помочь?

Латиса не знала, с чего именно начать.

— Знаете... Шалье дал мне ваш телефон и еще несколько других, чтобы я начинала жить самостоятельно. Он сказал, я могу к вам в случае чего обратиться.

— Конечно, можете. Какая помощь вам нужна?

— Я хочу поговорить... но не так.

— Вы хотите, чтобы я приехал в дом Шалье, — виновато потупившись, озвучил ее просьбу Карасан.

— А вы не можете?

Тот опустил голову. Откажет, решила Латиса.

— А где Шалье?

— Я одна.

— Хорошо, — ответил Карасан. — Я приеду завтра. Во сколько?

— К завтраку, если можно, а то мне все время хочется спать.

— Спать? — Карасан, казалось, развеселился. — Я буду обязательно.

Не было ничего, кроме воды. И могучего неумирающего Раана, лежавшего на ее ровной поверхности. Проснулся Раан и стало ему скучно. Пусть будет суша, сказал. И воплотились его слова. Смотрел Раан и где его глаза касались земли, оставалась водяная яма. И где его взгляд только скользил, оставался длинный извилистый ручей. Рассмотрел землю и снова пришла скука. Пусть будет растительность, сказал Раан. И воплотились его слова. Поднялись крепкие деревья и трава растелилась от края до края. А в воде появились водоросли и кораллы. Протянул Раан руку и расцарапал ее о спрятанные в листве шипы. Капли крови упали, ударились о землю и стали первыми ярицами. Посмотрел на них Раан и опять уплыл в бесконечную воду. И спал и сон его прервался от жалобных стонов. Созданные из божественной крови существа голодали. Пусть будут звери, решил Раан. И воплотились его слова. Заплескались в воде, спрятались в норах разные животные. И стали ярицы охотниками, сильными и храбрыми. И не зависели больше от того, что дает земля, сами брали, что им нужно.

И гордился ими Раан.

Утром Латиса так нервничала, что даже есть не стала. Напиток, впрочем, выпила. Хотя была такая идея — вылить его на пол, вдруг Шалье за ней следит и тогда выскочит из укрытия, злой и растрепанный?

Нет, не выскочит, подсказывало пастушье чутье. Не заметит — и это самое страшное.

Карасан не замедлил явиться. Придерживаясь каких-то, одному ему известных церемоний, раскланивался на пороге во все стороны, громко поздоровался и осведомился о делах и здоровье Латисы и ээээ... других обитателей этого милого дома. Поняв, что Шалье нет, а здоровье Латисы, особенно психическое, под вопросом, уже не выделяясь, прошел в дом и расположился в гостиной перед экраном.

— Где Шалье? — спросил.

— Он два дня уже не показывается, заперся в комнате, куда мне нельзя заходить.

Карасан долго и внимательно изучал Латису, словно подозревал, что она что-то недоговаривает.

— Чем он занимается? — не выдержала Латиса. — Скажите мне.

Карасан удивленно поднял брови.

— А разве мы будем говорить не о вас? — спросил.

Что тут ответишь? Латиса собралась с мыслями и заговорила о себе. Раз уж жить самостоятельно...

Через десять минут они связались с лингвистом Гаваем и тот с удовольствием согласился составить для Латисы оптимальную программу изучения языка. Способ быстрого запоминания, по его уверению, качественно закрепляет в памяти только слова. Но учить правила построения фраз все равно придется самой. И, конечно же, он с радостью поможет Латисе, потому что на ее примере сможет понять, насколько люди обучаемы. Как только Латиса посчитает, что готова к занятиям, пусть сразу сообщит, а он пока подумает, с чего лучше начать. Окруженная теплыми улыбками лингвиста и Карасана, Латиса вскоре и сама заулыбалась.

Поболтав ни о чем еще минут пятнадцать, решили, что чем-то, кроме языка, Латисе заниматься еще рано и к этому вопросу стоит вернуться, когда ей действительно захочется перемен. Пока же ей даже из дома выходить совершенно не хотелось.

Вскоре она уже зевала.

Карасан тут же откланялся. У порога, однако, задержался, переминаясь на месте так неуклюже, что сразу было ясно, чего он хочет.

Тогда Латиса спросила:

— Помните, вы хотели о чем-то меня предупредить?

И он прямо весь расслабился, будто сняли тяжелый груз, который слишком долго тащил.

— Я хотел сказать, что вы можете уйти отсюда, совсем уйти, когда вам захочется.

— Хорошо.

— И что вы будете делать?

— Я не уйду.

Он еще немного помялся, но продолжил.

— Латиса, запомните одну вещь. Как только Шалье попросит вас что-нибудь сделать, что-нибудь совершенно странное, может для вас даже интересное, но связанное... не с тайтами и людьми, сразу звоните мне. Обещаете?

Она насторожилась, быстро пытаясь придумать что-нибудь, в чем не замешаны ни

тайты, ни люди.

— Вы о богах? — изумленно выдохнула.

Карасан задумался.

— И о них тоже, — уверено кивнул. — Но в общем, если вам покажется, что с Шалье что-то не так, сразу звоните.

— А сейчас с ним все в порядке? — тихо уточнила Латиса. — Он два дня не выходит.

— Для него любое поведение нормально, — усмехнулся Карасан. — Больше удивляло, что он во время вашей экспедиции столько времени вне дома проводил. Тихого пути.

— Тихого. — Она попрощалась так автоматически, что в этом действии было столько же смысла, как в моргании. Хотелось плакать. Но домой, на землю — ни капельки.

Шалье вышел к ужину. У него была такая дурацкая удовлетворенная улыбка, что Латиса зло подумала что, видимо, у него там, в комнате, целый компактный публичный дом расположен. Огромная виртуальная коллекция прекрасных экзотических дам, да настолько разнообразная, что даже сам Дмитрий Которин слюной бы от зависти захлебнулся.

Латису он почти не замечал. Съел две порции, а потом переместился в кресло, стоящее к панели боком. Латиса уселась напротив.

— Как дела? — спросила.

— Отлично. Минутку, — словно о чем-то вспомнив, тут же нацепил экран, закрывая глаза. Латиса явно видела, что с его делами происходит что-то ненормальное. И боялась этого.

— Шалье, — тихо попросила. — Скажи мне, пожалуйста, чем ты занимаешь?

— Я?

— Ты. Или тут есть еще один Шалье?

— Да как сказать. Ничем серьезным.

Отвечал он с промедлением. Потому что на экране что-то изучает, поняла Латиса.

— Шалье... Ты меня слушаешь?

— Да.

— Ты пропал и неизвестно, как с тобой в случае чего связаться. Может, дашь мне код?

Он подумал и тяжело вздохнул.

— Пожалуйста.

— Хорошо, — согласился, но было видно с какой неохотой. — Только причина, по которой можно звонить, должна быть очень серьезной. Как минимум смертельная опасность, договорились?

— Да, — еле слышно согласилась Латиса.

Шалье оставил ей код связи и поднялся. В экране он был похож на слепца, как только не врезался ни во что?

Латиса думала, он пойдет спать, но он ушел в синюю комнату.

Гууар на редкость легко принял появление в своей жизни бога. Только вот хорошей памятью он не отличался, еле-еле запомнил историю мира яриц, да и ту с пробелами. Шалье понял, что времени уйдет больше, чем хотелось бы.

...И гордился ими Раан, — закончил Гууар пересказ.

Потом весь съезжился, опуская голову между коленей и обнимая себя руками.

— Кто я в новой жизни? — неожиданно спросил.

Тот, кто победит Кровавую богиню.

Гууар вздрогнул и голова опустилась еще ниже. Бледные сиреневые чешуйки на спине переливались при дыхании, время шло и оба молчали. Шалье даже насторожился, не рано ли выложил правду? Решил, что нет, лучше сразу выяснится, по силам ли тому задание.

— Я все еще охотник? — неожиданно спросил Гууар.

Да.

— Я хочу проверить...

Рано или поздно все равно придется ему довериться, Шалье отключил в системе излучателей код датчика Гууара — теперь тот мог спокойно пересекать периметр, и излучатели не будут на него реагировать.

Иди. И возвращайся.

— Да.

Через секунду Гууар уже бежал к берегу. Шалье долго следил, как тот ломает растущие у воды огромные твердые листья, ворох которых заменял ярицам лодку, как выбирает крепкий корень, используемый как удавка при охоте на подводного зверя и потом осторожно отплывает от берега. Найдя подходящую, на вид обитаемую расщелину, осторожно соскальзывает с плота, сразу уходя в глубину.

И переключился на поселения яриц. Сейчас все было спокойно. У ног богини грудой лежали подношения, пока только мелкие животные и рыба. Но скоро соседи принесут другие дары. Вернее, приведут, потому что жертвы вначале будут живыми. Даже в мирное время Богиня должна получать причитающуюся ей кровь, а кровью животных она не интересуется.

Добравшись до самых дальних поселений, Шалье неожиданно увидел в одном из них птиц, которых они с Ралье когда-то попытались ввести в быт яриц в виде домашних животных. В других местах они почему-то не прижились, а здесь их, похоже, все-таки научились разводить. Был бы Ранье... Они бы выяснили, почему так получилось, но сейчас...

Когда Шалье начал искать Гууара и не нашел, не сразу понял, что случилось. Еще раз посмотрел воду вокруг острова — пусто. Получалось, Гууар просто убежал. Найти пропажу сложности не представляло, плохо было другое — он нарушил договор с богом. Понижая через датчик температуру тела Гууара, Шалье судорожно размышлял, что делать. Наказать? Легче легкого, но союзник, которым движет страх — не лучший из союзников. И почему он сбежал?

Удачей было, что наступал ночной туман. Было не до маскировки, Шалье спустил с орбиты многофункционального робота, которым перенес ослабшего Гууара к хижине на острове. Сразу же поднял температуру тела до нормы.

Почему он сбежал? Все же было хорошо. Шалье прослеживал путь, по которому двигался Гууар — тот четко следовал в сторону поселения богини. В чем же дело? Что его там могло ждать? Мать? Да, но это не причина. Или... Лини.

Ну, конечно же! Все так просто... Шалье был на себя очень зол, так глупо, так нелепо попасться: забыть про Лини. А теперь выясняется, что говорящему с богами, оказывается, не нужно ничего, кроме самки. Не нужно настолько, что он рискнул вызвать гнев всеильного, но все равно пошел ее искать.

Хотя, с другой стороны, отличный стимул для привлечения Гууара, как союзника. Случайностей, как известно, не бывает, чем больше Шалье думал, тем больше убеждался, что

все к лучшему. Потом составил не вполне приличествующее богу, но вполне подходящее к ситуации соглашение. Поднял Гууара и начал договариваться.

Тот долго молчал и не желал пояснять, что именно заставило его нарушить слово, данное богу и сбежать. Только убедившись, что наказывать его не собираются, все-таки признался. Оказалось, действительно Лини. Гууар хотел выяснить, что с ней.

Шалье скрывать ничего не стал и сообщил, что Лини отдана третьей женой синекожему Каерри. Потом невыносимо долго ждал, пока закончатся отчаянные вопли извивающегося на земле Гууара.

Потом сообщил, что если Гууар сделает то, чего от него хочет Раан, в благодарность получит свою Лини. Крики тут же прекратились.

Вскоре стало понятно, что договорится удалось. Гууар понимал, что сам Лини не отобьет и помощь бога — единственный доступный ему способ получить желаемое. Мир был восстановлен и Шалье поверил, что теперь-то Гууар полностью в его власти.

Оставив подопечного отдыхать и включив назад в систему излучателей код Гууара, Шалье вышел из комнаты и вдруг понял, что ему нужно видеть Латису. Не хочется, а именно нужно, прямо сейчас. За последние дни он так редко ее видел и совсем не интересовался, как у нее дела. А ведь это, в каком-то смысле, его прямая обязанность!

Ужин закончился не так давно, оставалась надежда, что она еще не спит.

Вечер начинался, как утро — Шалье не было. Латиса поела, почти не чувствуя вкуса и в паршивейшем настроении уселась перед панелью смотреть какой-то фильм о природе тайтов. Слишком много темных скал, ровная поверхность воды, на вид тяжелой, как ртуть. Заросли тонконогих, бледных грибов огромного размера.

Шалье пришел очень тихо. Сел в соседнее кресло, облегченно вздохнул и затих. На глазах вездесущий экран, Латиса ждала, но он даже не поздоровался.

— Я боюсь, — сказала Латиса.

— Чего?

— С тобой что-то происходит.

— Со мной все в порядке, — через некоторое время ответил Шалье.

Она откинулась на спинку.

— Знаешь... я все тебе рассказала. Все, до единой мелочи. И поверь, не жалею, мне стало легче. Знаю, что от Таиси так и не освободилась, но теперь не так страшно. И вообще, иногда бывает полезно поделится с кем-нибудь тем, что с тобой происходит. И неважно, плохим или... хорошим.

Шалье молчал. В полумраке тускло блестели стекла экрана.

— Каждому нужно иногда делиться, — настойчивее добавила Латиса.

— Мне не нужно, — через несколько секунд.

— Каждому нужно. Даже... Старшей расе.

— Значит, я исключение, — равнодушно, через время.

И тут Латиса поняла, что даже сейчас, разговаривая с ней, он что-то изучает по этому своему экрану. Даже сейчас... он не тут.

— Сними это треклятый экран! — неожиданно крикнула, подавшись вперед.

Шалье помедлил, потом снял. Глаза под экраном оказались удивительно уставшими. Латиса сам не заметила, как подошла к нему, как наклонилась. Он был измотан. Выглядел, как человек, который ищет и ищет выход и вроде даже нашел, но все равно ищет: то ли по

привычке, то ли просто не может остановиться.

Латиса охватила его голову руками, наклоняясь ближе... еще ближе.

А потом поцеловала. Нежно, словно успокаивая. Мягко, словно спрашивая.

И он не ответил.

И тогда, резко отстранившись, она поняла, что именно с ней происходит. Вся эта благодарность, которую она испытывала, все это странное доверие. Весь этот интерес, только усиливающийся с той самой первой встречи на площади. Да она же влюблена в него, в представителя другой расы, такого человеческого и одновременно чужого! Влюблена так сильно, как никогда раньше. Настолько сильно, что даже страшно становится... Она ошарашено смотрела в его глаза и видела, что он об этом прекрасно знает и, похоже, знает давно.

Стало стыдно, но не за свои чувства. За него, за то, что он не ответил. Латиса отшатнулась, но в этот момент Шалье схватил ее за плечи. И не мигая, уставился в лицо. Ей даже показалось, что его глаза неуловимо изменились, потеплели.

— Ты еще не готова к подобным отношениям, — совершенно серьезно сообщил Шалье.

— Что? Что... ты сказал? — в услышанное не верилось.

— Ты еще не готова. Я скажу, когда.

— Что ты сказал?! — вдруг перестала сдерживаться Латиса и закричала во весь голос. — Ты собираешься мне указывать, когда мне заниматься подобными... отношениями? Не слишком ли разошелся? Этого никогда не будет по твоему слову! Подобные вещи я буду всегда решать сама! И плевать мне на все ваши ритуалы, вместе взятые! Понял?

Высказав все, она резко дернулась назад, но он удержал. Она подалась назад еще сильнее. И он еще сильнее потянул ее на себя, даже взглядом не отпуская. Минута молчаливой борьбы и неудивительно, что она оказалась слабее.

Прижимаясь к нему, сдаваясь, тут же закрыла глаза, чтобы ничего не видеть. Только рука на голове, такая привычная, но как же ее не хватало...

— Знаешь, — негромко сказал Шалье. — Все не так. Просто я... не занимался никогда самоконтролем, цели такой не было. Так что могу и не сдержаться. Не хотелось бы, чтобы ты... пострадала.

Он говорит про огонь, поняла Латиса, и сделалось так тоскливо...

— Значит, это ты не готов, — обречено прошептала.

— Неет, — в его голосе появилась улыбка. Шалье медленно проводил ладонью по ее спине. — Это ты. Но уже скоро.

И они молча сидели, а когда его рука безвольно сползла вниз, Латиса собралась с силами, поднялась и отправила его спать. Он тут же ушел, сонно улыбаясь. И даже один раз оглянулся.

Всю ночь ему снилась Латиса. Она билась в его руках, как бьется рыбка, сжатая в ладони, и ее стоны были лучшим, что он когда-либо слышал.

Когда сон ушел, оставив после себя ноющее напряжение, Шалье сел и стал стряхивать мысли о Латисе, как собака отряхивает мокрую шерсть. Его нюх кричал об опасности. Шалье не стал ему мешать и выслушал все, что тот пожелал сообщить. Чутье выдергивало нитки прошлого, сплетая в тугой узел.

'Слишком близко', — тяжело сказал голос Каинни.

Это ловушка, самая хитрая из всех, которые на тебя ставили и потому самая опасная. Предотврати неизбежное прямо сейчас или проиграешь.

'Я найду твою слабость', — клятвенно заверял Карасан.

'И эта девочка... зачем?' — спросил Аелла, но в его голосе затаилось удовольствие, старый хитрец точно знал, зачем, и делиться своим знанием не собирался. Просто ждал, когда сможет управлять его, Шалье, поведением и был уверен, что это время уже совсем близко.

'Опасность, — равнодушно подвел итог внутренний голос. — Действуй, пока не поздно. Избавься'.

Шалье никогда не спорил со своим чутьем. Оно позволило обойти множество подводных камней, мешающих плыть его кораблю: законов, личных привязанностей, этических принципов, общественного мнения. Позволило делать все необходимое, ни с чем не считаясь.

Оно позволило пережить смерть брата, свое в этом участие и найти единственное занятие, ради которого стоило продолжать жить. По большому счету именно оно его и спасло.

Опасность? Латиса, с ожиданием заглядывающая в глаза, теплые руки на щеках. Легкие губы, от которых захотелось замереть и навсегда запомнить, что даже к нему все еще можно так нежно прикоснуться.

Тяжелый, запутанный узел намеков и явных предостережений.

Опасность? Шалье выслушал все, что ему хотела сказать интуиция. И впервые за долгое время ей не поверил.

Опасности нет.

На завтрак Шалье не пошел, спрятался в синей комнате раньше, чем Латиса проснулась.

Гууар был очень вялым. Сидел под одним из деревьев, разглядывая шипучие волны у заросшего кораллами берега, и усиленно над чем-то размышлял. На приветствие лишь слегка кивнул.

— Откуда появилась Кровавая богиня, если был только Раан?

Шалье так поразился вопросу, что просто обмер. Гууару удалось его удивить. Он оказался куда более сообразительным, чем привык думать о ярицах Шалье. Он был смел, и умен, и... влюблен. Это была уже не просто картинка на экране, неожиданно изображение перелилось в по-настоящему живое существо, такое же реальное, как сам Шалье. В тот день он говорил с Гууаром почти на равных. Даже смешно стало, как, оказывается, сделалось важно, чтобы Гууар поверил и понял, а ведь когда Шалье все начинал, даже не рассчитывал,

что ему попадетсЯ хотя бы мало-мальски смЫшленная особь, способная на что-то большее, чем просто послушно следовать указаниям бога.

Жил воин по имени Курик. И был он смел и силен. И однажды встал он перед своим племенем и заявил: я самый лучший воин и потому Раан любит меня больше, чем вас. И удивились остальные ярицы и склонились, признавая его право быть любимым.

Гууар послушно кивал головой, подтверждая, что слышит всем известную истину.

— Ты и правда сильнее любишь воинов? — спросил, почти не сомневаясь в ответе.

Раан любит все свои создания одинаково. И тебя, говорящего с духами. И твою мать, старую и слабую. И Лини, третью жену. И синекожего Каерри, ее мужа.

Гууар отвернулся к воде. Нервно дернулся кончик хвоста, выбивая на земле чечетку.

— Вот как... Говори, прошу тебя.

И стали воины соперничать — кто лучший добытчик? Кого Раан любит больше остальных?

У одной матери родилось два сына. И были они одинаково сильны и отважны. Но один из них хотел доказать, что он лучше и вызвал брата на состязание. Целый день охотились братья и встретились перед ночным туманом на выступе у воды Рождения. Первый, гордясь, принес пять зверей, и увидел, что его брат принес шесть. И появилась тогда в его сердце ненависть, расцвела ярость, поднял он на брата копьe и убил его.

В бесконечной воде Раан проснулся от непоправимого. И увидел, что случилось на выступе, и выдохнул беззвучный крик отвращения. Смешался крик с кровью убитого и полился в воду Рождения.

Думайте, как вам следует жить дальше, сказал Раан и ушел от своих созданий в недостижимые глубины.

Через луну из вод Рождения вышла Кровавая богиня, суть которой — оживленная божественным дыханием кровь первого безвинно убитого.

Пришло сообщение. Шалье мельком увидел, что оно от Воплощенной и напрягся, почти силой заставляя себя сидеть на месте и не дергаться. И даже в ту сторону не смотреть.

Гууар методично шевелил ушами, отгоняя мелких летающих насекомых. Разглядывал покрытую мелкой ряской воду, словно хотел увидеть саму скрытую глубину, недоступную никому, кроме богов.

— Я должен думать, — твердо сказал Гууар и просил его не беспокоить до тех пор, пока он не разберется в своем внутреннем мире. Иногда ярицы впадали в некое подобие медитации, Шалье очень интересовался этим процессом, но не смог выяснить его причин и назначения. Мешать он не собирался, если Гууару нужно время примириться с новой историей мира или прийти к согласию со своей духовной половиной, он это время получит.

И ведь еще... сообщение касательно Латисы. Шалье отвернулся от экрана почти с облегчением, включил просмотр — перед ним появилась серая безжизненная маска, ни единым мимическим движением не сопровождая проговариваемые инертным тоном слова — ответы на заданный им вопрос.

Чем дольше говорила Воплощенная, тем несдержанней вел себя Шалье, дергаясь, словно порываясь что-то ответить.

Гууар переместился в тень хижины и, судя по позе, обосновался там надолго.

Как же сообщить Латисе новости? Маска распрощалась, мгновенно исчезая с экрана: ответ дан и дальнейшие действия спросившего не в ее компетенции. Хотя Шалье знал, что

даже будь на месте Латисы женщина тайтов, Воплощенная не сделала бы больше того, что сочла нужным сделать, но ведь Латиса просто человек! Как она примет... такое? Что подумает... о нем?

Впрочем, выхода нет, мертвая должна уйти навсегда, независимо от того, поймет ли Латиса. 'Но ведь она не может не понять, правда?', — спрашивал себя Шалье и боялся услышать ответ.

Он нашел в базе, оставленной прилетавшей экспедицией, информацию по религии и стал изучать, как складываются отношения людей с и их богами.

Ощущая на спине ладонь, Латиса думала, что все еще спит. Утром Шалье не приходил и так, пожалуй, было лучше. Шло время, и кожа под его рукой жутко чесалась. А ведь он действительно тут, она улыбнулась, растягивая мгновение.

— Проснулась?

Как здорово было просто молчать!

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Ты, главное, не пугайся, слушай до конца, хорошо?

Она быстро кивнула.

— Твою Таиси... и правда принесли в жертву Темной богине.

Латиса ожидала услышать что угодно, кроме того единственного, что слышала. Она попыталась встать, но ладонь вдруг стала очень тяжелой, прижимая назад к кровати.

— Послушай сначала.

Сердце било набатом. Так глупо попасться — выложить всю правду и кому? Ужас наплывал, накатывал, наваливался душной ватой. Пещера... такая красивая, щемяще таинственная, сказочно цветная — скрывает убийство живого человека. Латиса уже почти забыла, каким бывает всепоглощающий страх. Сколько его может быть...

Все равно, как съесть пирожок, а потом узнать, что он сделан из человеческого мяса. В глазах, полных слез, расплывалась пятнами стена напротив. Латиса всхлипнула.

— Ну что ты..., — растеряно сказал голос за спиной. Рука неожиданно исчезла.

Латиса судорожно сползла с противоположного края кровати, закутавшись в одеяло, и прижалась к стене. Мало того, что она до безумия привязалась к этому странному тайту, у которого и своих проблем выше головы, так еще и оказалась на планете, где людей приносят в жертву. Убегала от волка — попалась льву.

— Ну, подожди... Не пугайся, — он уже стоял рядом, не решаясь прикоснуться. Латиса съежилась еще сильнее, пытаясь спрятаться под одеяло или вжаться в стену, куда угодно, только подальше отсюда. Слезы текли, но зато губы предательски не дрожали, да и в голос рыдать не хотелось.

— Латиса, — очень странным голосом позвал Шалье. Таким непривычным, что она даже повернулась. Удивленно смотрела, как он опускается рядом на колени.

— Латиса...

Как пьяный. Чудесное утро — ладонь на спине, убитый человек и пьяный в дым Шалье.

— Послушай, — заговорил, смотря почти мимо. — Таиси была в числе тех, кто попал под взрыв. Потом выживших отправили к врачам. Ее все равно не удалось бы спасти. Затем пришла жрица Темной богини и заявила, что Таиси должна умереть в пещере. Ее никто не убивал, просто отнесли туда и положили на алтарь. Дух Таиси был настолько темным, что богиня пожелала оставить ее себе. Воплощенная говорит, Таиси пыталась тебя заманить, чтобы обменять свой дух, плененный Темной богиней, на твой. Но все можно изменить,

ничего непоправимого не случилось. Она не успела заставить тебя войти в нужную пещеру.

— Какой... какой дух, какая богиня? Что ты несешь? Такого не бывает! — отчаянно сообщила Латиса. — Это все миф, нереальность!

— Ты хочешь сказать, что мертвая — игра твоей больной психики, я правильно понял? — осторожно спросил Шалье.

Она вздохнула, чтобы ответить, но ответить было нечего. Сумасшедшие в большинстве своем точно уверены, что с ними все в порядке. Но признать себя такой она не могла, ведь Таиси была... точно была. А потом — не было.

— Ничего непоправимого не случилось, — повторил Шалье. — Таиси отстанет, для этого придется сходить в пещеры и рассказать правду Темной богине. Она ее остановит.

Шалье мягко уселся рядом, опираясь на стену. Латиса задохнулась. Боги... мертвая... Карасан.

— Хочешь... затащить меня в пещеры к вашим богам? — спросила непослушными губами.

Карасан... Если что-нибудь потребует. Что-то странное, связанное не с людьми и тайтами...

— Да. Тебе придется поговорить с богиней и рассказать ей о Таиси. Это единственное, что мы можем сделать. Не бойся, я пойду с тобой. Все будет хорошо, это совсем не страшно.

И опять этот голос, словно закутывающий во что-то теплое. Латиса дернула головой, с трудом отмахиваясь от ненужной сейчас сентиментальности. Не поддаваться!

— Карасан предупреждал, что ты потребуешь от меня что-то странное! Он сказал, ни в коем случае не соглашаться, сказал, я могу уйти отсюда, когда мне захочется, и ты не посмеешь остановить!

Шалье вдруг резко отвернулся. У него был такой усталый, измотанный вид, но не от той привычной, физической усталости, а от другой, вытравливающей душу одиночеством и невозможностью оправдаться, превращающей в пустую оболочку, неспособную ничего чувствовать.

— Если хочешь, пусть он с тобой сходит. И... остальное... уйти. Конечно, можешь... Я и не собирался скрывать, — удалось выговорить Шалье.

Она быстро закрыла глаза, чтобы не видеть его таким. Синие огни... Тон, которым он сказал последние фразы. Тон, явно дающий понять — это край. Его личная граница, за которой только мертвая бездушная пустота человека, уже неживого внутри. Даже делать ничего не нужно — просто оставить как есть. Шалье сделает все сам.

Ощущение гибкого стекла в руке...

Латиса открыла глаза. Его лицо разглаживалось, застывало, превращаясь в каменную маску. Становилось тем, кем он итак, по мнению всех являлся. Неужели... она тоже станет так о нем думать?

Неужели такое страшное преобразование могло произойти всего лишь из-за нескольких необдуманных слов? Ее... слов. Зеленые матовые глаза, в которых плещется смех... И теплая рука на голове. Ее... выбор.

'Доверилась. Отдала свою жизнь', — думала Латиса. А ведь и правда... отдала. И забрать не может. Да и по правде со времен побега с Гатиры это единственный раз, когда здравый смысл вопит, как на пожаре, но она упрямо считает, что отступать нельзя, некуда отступать. Почему-то выходит, что вокруг нет ничего ценного, кроме этого измученного тайта, в котором прямо сейчас, прямо на глазах умирает все человеческое и, честно говоря,

даже неважно, чем закончиться их история, главное, что она уже началась.

Латиса вздохнула полной грудью, словно собралась нырять в глубину. И... приняла свой выбор, на этот раз вполне осознанно. Словно подобрала с пола пещеры странный камешек и даже не стала думать, обычное ли это стеклышко или самый что ни на есть драгоценный камень. Какая разница, если в любом случае собираешься оставить его себе и из рук не выпускать, даже чтобы перед кем-то похвастаться? Никакой.

Латиса не стала ждать, чем закончится война Шалье с самим собой, протянула руку, прижимая к его щеке.

— Нет, — сказала невозмутимо, будто не имела никакого отношения к словам, которые недавно произнесла. — Я хочу пойти с тобой. Ты держишь мою жизнь и можешь делать с ней, что угодно, даже в жертву принести. Все равно пойду.

И потом уже она его обнимала, укладывая ладонь на голову, прижимая к себе. И, кстати, ей понравилось.

Ночью Шалье за Гууаром почти не наблюдал. Яриц сидел в тот же месте, в такой же позе, не замечая ветра, осыпавшего его мелким мусором. Судя по просмотренным записям, ночью Гууар уходил в хижину спать. И два раза вставал, чтобы поесть. Проснувшись, пошел на берег, насобирал камней и раковин, вернувшись, очистил от травы квадратный кусок земли, обложил его камешками и поместил в углу раковину. После некоторых раздумий Шалье решил, что это нечто вроде календаря. То ли Гууар собрался отмечать, сколько времени находится на острове, то ли — сколько дней будет медитировать и размышлять.

В поселениях все было на редкость тихо и степенно. Все занимались своими делами, женщины — готовили еду, чинили одежду и даже старая особь, недавно исполнявшая роль жрицы, теперь сидела у хижины, разбивая большие куски раковины на мелкие, чтобы после сделать в них дырки и, нанизав на крепкую траву, собрать бусы.

Вполне вероятно, затишье наступило из-за приближающегося сезона рождения, когда беременные особи уходят в воду, где рожают детенышей. Шалье вызвал на экран сводку погодных условий, начиная с даты прошлого сезона. Температурных перепадов не было, как и причин опасаться повторения того единственного раза, когда они с Ранье напортачили с погодой и весь сезон над материком носился холодный ветер, затормаживая непривычных к холоду яриц, движения которых стали напоминать кадры замедленной съемки. Не это было самым странным — когда пришло время детенышей, 95 % рожденных оказались самками. Они тогда долго раздумывали над произошедшим и даже решились провести эксперимент на территории одного из самых маленьких поселений. Предположение оправдалось и при повышенной температуре рождались, в основном, мужские особи. С тех пор у них было табу на изменение любых климатических условий, слишком большая вероятность раз и навсегда нарушить тепловой баланс, разрушив тем самым систему воспроизводства яриц. Температура с того раза держалась на нужном уровне и единственный их промах никак не сказался ни на климате планеты, ни на жизни самих яриц. Ранье считал, это чистой воды везение.

Шалье безо всякого беспокойства ушел спать. Сны ему, правда, снились такие же, как прошлой ночью. Но убежать от них он больше не стал и к завтраку вышел.

Утром Латиса проснулась оттого, что сильно чесалась голова и руки. Вроде вчера только в душе была, на всякий случай отправилась в ванную и тщательно вымыла голову еще

раз. Не помогло, завтракать мешало навязчивое желание почесать нос или кожу под волосами. Потом пришел Шалье и она стойко решила не обращать на свою странную чесотку никакого внимания. И все равно совершенно произвольно запускала иногда пальцы в волосы или машинально терла кожу за ушами. Когда она сделала это в пятый раз подряд, Шалье насторожился. Ничего не сказал, но каждый раз, когда Латиса тянулась к волосам, еле заметно напрягался. Постарался отвлечься.

— Ты решила, когда будешь готова идти в пещеры?

— Не знаю... А когда лучше пойти?

Шалье вспомнил раковину в календаре Гууара. Если остальные будут такого же размера, на размеченном куске земли поместятся еще три. Правда, большая может обозначать только первый день какого-то временного отрезка, но в любом случае — у него не меньше трех дней.

— У меня еще примерно три дня свободны. Если я все правильно... рассчитал, завтра или послезавтра можно будет сходить. Подождешь? Она вроде тебя сейчас не достает.

— Ага, ее не было с тех пор, как... люди улетели, — рассеяно ответила Латиса и провела ногтями по руке от локтя до ладони. На коже остались четыре яркие розовые полосы. Шалье вздрогнул, будто она поцарапала его самого.

Вскоре Латиса по привычке ушла спать. Вот только в этот раз сон не шел, она даже включила какой-то фильм из своей коллекции и заново пережила путешествие к неизведанным планетам, крушение корабля и тяжкую борьбу с дикой чужеродной природой не привыкших к полевым условиям людей. Когда подоспела помощь, в живых оставался только мрачный квадратный мужчина-герой и спасенная им юная красавица.

В последних кадрах герой, прищурившись, выглядывал в иллюминатор и зрителю становилось совершенно ясно, что так просто он смерть своих товарищей не оставит, а значит держись серая вязкая субстанция, превратившая их в мумии, высосав из живых тел все соки.

Вторую часть фильма, посвященную ужасной мести, Латиса посмотреть не успела, так как все-таки заснула.

Гууар сидел на прежнем месте. Во всех поселениях — тишь и благодать, только в одном месте образовалась толпа, бегущая спасать троих детенышей, в пылу игры угодивших в нору слизкого длинноноса. Хорошо хоть в пустую, Шалье с улыбкой смотрел на суету и крики, разведенные женскими особями, которых мужчины отгоняли короткими грозными рыками и воинственными жестами. Опасности никакой не было, но всем видом ярицы старательно показывали, что готовы к ее неожиданному появлению.

Вскоре детеныши были вытащены, наказаны, прощены и, как ни в чем не бывало, продолжали носиться между низкими хижинами.

Включив языковой анализатор, Шалье отправился в Информаториум, на поиски всей существующей информации по человеческим жертвам Темной богини.

Информаториум находился сразу за зданием Совета. В такое время вокруг ошивалось множество народа, по большей части Младшие, из которых Шалье почти никого не знал. Идя ко входу, он высматривал Аеллу и даже не мог решить, чего именно хочет — встретить его или, наоборот, чтобы тот ему не попался.

Сегодня работал Виталис. Было время, когда они собирались втроем, вместе с Ранье и просиживали часами, пытаясь придумать, как безопаснее провернуть очередную операцию, направленную на спасение вымиравших яриц.

Потом, когда это неожиданно перестало быть просто игрой, Виталис был в числе тех, кто пытался его остановить. Шалье вдруг улыбнулся, вспомнив стрелялки на орбите, когда он в одиночку вынес всех роботов, посланных захватить и разрушить его аппаратуру. Виталис всегда был умен: попытался, проиграл и сразу отошел от силовых попыток навязать свое решение. В отличие от Карасана, впрочем, настолько безобидного, что Шалье даже тогда совершенно не принимал его в расчет. По большому счету, от всего этого противостояния один только Ульрих пострадал, но кто же его просил впасть в ярость и пытаться напасть на Шалье вживую? Попытку убийства ничем не оправдаешь, более того, она оказалась весьма кстати, и с тех пор Шалье никто не пытался мешать в открытую. Да и некому — Ульрих в изоляторе, а он единственный, кто был готов ради своих возвышенных идей на многое. Если бы Шалье интересовал сам процесс, Ульрих давно бы был на свободе — злой и с развязанными для продолжения войны руками. Но Шалье интересовал только результат.

— Тихого пути, Шалье. Воплощенная предупредила, что ты придешь, — первым начал беседу Виталис. Шалье отметил: вот и еще один, для кого эта история осталась в прошлом. Стала забытым, незначительным эпизодом, одной из множества остальных мелочей. Настолько мелкой, что он разговаривает безо всякого раздражения, как ни в чем не бывало.

Виталис уже подготовил все известные живые записи по Темной богине. Хотя, что там могло быть полезного? Кроме Таиси, была только одна жертва, времен четырехвековой давности, когда тайты еще пытались поддержать свой род, воруя человеческих женщин. Одна из привезенных девушек оказалась психически нездоровой, нашла маленький резак и убила пятерых, после — ранила саму себя. Также явилась жрица, сообщив, что богиня желает смерти раненой на алтаре. Не имелось никакой информации, было ли у этой истории продолжение в виде появления рассерженного духа, мешающего кому-либо жить. Упоминалось только, что ответственный за выбор доставленных в тот раз женщин пошел тогда под суд и эта была первая за несколько веков смертная казнь.

Потом метод признали неэффективным, поддерживать беременность оказалось чрезвычайно сложно и результат себя не оправдал: первое же поколение детей ничем не отличалось от чистокровных тайтов и выросшие женщины все так же не желали жить. С тех пор и вплоть до появления человеческой экспедиции люди у тайтов не появлялись.

Виталис старался, как мог, пересмотрел все возможные документы, но больше ничего не нашел. Шалье внимательно выслушал его пояснения и сожаления о невозможности помочь чем-то большим, самолично убедился, что все сказанное — правда, просмотрел записи о времени, когда возили женщин и, наконец, собрался уходить.

У выхода его остановил голос Виталиса, сразу расставивший все по местам.

— Шалье... Ульрих уже достаточно наказан, подпиши прощение, — с трудом выговорил Виталис. Просить за кого-то всегда непросто, особенно у того, кто к мольбам равнодушен. И все же Виталис просил. Вот вам и забыл... Вся это его доброжелательность — всего лишь попытка убедить в своей безобидности и добиться желаемого: в данном случае, свободы Ульриха.

— Не сейчас, — не оглядываясь, ответил Шалье. Он не хотел видеть лицо бывшего, пусть не друга, пусть просто приятеля, но все равно человека, который когда-то увлеченно поддерживал их с Ранье планы. Не хотел ему отказывать.

— Когда?

— Когда исчезнет сама причина нашего с ним несогласия.

— Тогда... навести его.

Навестить? Шалье задумался. Чем Ульриху поможет его визит? Сможет, наконец, высказать все, что копилось в нем годы, проведенные в изоляторе? Неужели до оправданий опустится? Это было бы неприятно, Шалье не хотел бы видеть его... побежденным, сломленным. Так с какой стати ему посещать Ульриха, своего одностороннего врага и несостоявшегося убийцу?

— Я тебя прошу, — четко пояснил Виталис.

Шалье подумал еще раз. С сегодняшнего утра все вокруг складывается по правилам белой полосы: Гууар, спокойный сезон рождения, Латиса — слишком хорошо, чтобы длится долго. Всего лишь короткая передышка и чем красочней она будет, тем сложнее придется потом, но без таких моментов жизнь по большому смыслу теряет всякий смысл.

Передышку... заслуживают все.

— Обязательно навещу на днях, — уверено сказал Шалье и совершенно искренне добавил. — Буду рад его повидать.

Кожа зудела невыносимо.

Латиса морщилась, сонно отмахиваясь от чего-то невидимого, мешающего спать, но как можно спать, если чешется одновременно все?

Есть, впрочем, все равно хотелось. Опустив ноги на шершавый пол, Латиса улыбнулась приятной щекотке в ступнях и решила не обуваться. Как ни печально, одеваться все же пришлось, ведь Шалье не оповещал о своих планах заранее, так что было не ясно, явится он сегодня или уже нет. Если б точно знать, что его не будет, можно было бы порасхаживать голышом. Секунду помечтав, Латиса с сожалением потянулась за одеждой.

Она почти заканчивала ужинать, когда он все-таки пришел. Не из комнат, а от центрального входа, значит, куда-то ездил. Латиса поздоровалась, передернув плечами от надоедливого зуда между лопаток.

Шалье есть не стал, уселся напротив, оглядывая сразу всю и задержав внимание на босых ногах.

— Что?

Тогда он с трудом отвернулся.

— Я узнал, как лучше говорить с богиней. В твоем случае никаких правил нет, так как ты человек, но все равно — просить ни о чем нельзя, следует просто рассказать в общих чертах, что именно делала Таиси и после смерти... и до нее. Если богиня решит вмешаться, а Таиси сейчас целиком и полностью принадлежит ей одной, мы сразу узнаем. Не боишься?

И, с совершенно неожиданным весельем, широко разулыбался. Латиса не смогла понять, откуда такое чрезмерно задорное настроение, вплоть до лихорадочно блестящих глаз. Провела рукой по шее, пытаясь унять зуд, поморщилась. Все раздражало, особенно стакан с противной серебряной жидкостью, который еще предстояло выпить. В горле першило и пить не хотелось.

Шалье поймал ее полный сомнения взгляд.

— Пей, — глухо сказал.

Все равно ведь не отстанет, обреченно подумала Латиса. Жидкость казалась гуще, чем обычно и, когда закончилась, Латиса испытала облегчение. Недолгое...

Через несколько секунд кожа просто загорелась. Она буквально подскочила и понеслась в ванную, забыв обо всем остальном, с единственным желанием — охладиться.

Шалье медленно закрыл глаза но, тут же, с досадой поморщившись, открыл обратно, потому что там, в темноте, его поджидали остатки ночных видений, никак не желающие растворяться.

Одежду она сбросила, казалось, одним движением, прямо на темные пластины пола, и впервые за все время понеслась включать душ, ни разу не оглянувшись по сторонам.

Вода действительно принесла облегчение. Правда, Латиса отчего-то долго кашляла, сплевывая, а потом умывалась, чувствуя под пальцами что-то слизкое. Спина чесалась сильнее всего остального и тут как нельзя кстати пришлась длинная мочалка из туристического комплекта.

Зуд проходил, и теперь даже можно было разглядеть стены цвета темного шоколада и голубые крошечные лампочки на потолке, повторяющие такой же, как в спальне, узор. Над головой сверкала целая россыпь точек, свет был не очень ярким, сразу включить большие лампы Латиса не успела, а теперь уже было лень выходить из-под щекотного потока воды. Переключив воду на более теплую, она привычно провела ногтями по руке. Кожа слезла огромными рваными клочками, прозрачными и легкими, как целлофан. Следующую минуту Латиса визжала так, что не могла даже думать. Однако с рукой было все в порядке, обычная рука, не считая пленки, подобной той, что бывает после солнечного ожога. Медленно оплывающая под струями воды, она казалась чем-то ненормальным, каким-то явным признаком смертельно опасной болезни. И еще почему-то вспомнилась змея, сбрасывающая кожу целиком, от этой мерзкой мысли просто затошнило.

Шалье она увидела, только когда тот схватил ее за руку, рассматривая, из-за чего поднят такой крик. Осторожно провел ладонью, легко стирая остатки прозрачной пленки. Потом по второй руке, потом по шее к ключицам.

— Что это? — повторяла Латиса непослушными губами.

Ниже, к груди. Потом молча отдернул руку и отошел на шаг назад, держа за одну ладонь.

И... загорелся.

Латиса даже испугаться не успела. Когда попыталась отдернуть руку, уже понимала, что ей не больно и дергала скорее по инерции.

И вот уже его руки снова лежали на плечах, ниже, к локтям, ладоням, снова шея, к ключицам.

Он что-то со мной сделал, поняла Латиса.

На груди его руки замерли. Впервые посмотрев в настоящее лицо Шалье, окруженное легкой синевато-серебристой дымкой, Латиса просто задохнулась от горящего в глазах откровенного желания. И про все забыла.

Через секунду она уже упиралась спиной в выложенную мраморными пластинами стену.

Латиса мало что помнила. Шалье даже не разделся, она что-то расстегивала, потом его руки на бедрах, поднимающие вверх и ткань кафита, через которую она вцепилась в него так крепко, что пальцы сводило. И тяжелое дыхание, которое становилось все громче, пока не заглушило и шум льющейся сверху воды, и ее собственные глухие стоны. Они оказались именно такими, какими слышались ему по ночам.

Потом Шалье отнес ее в спальню и только тогда разделся.

Ночь получилась очень длинной. Но главное — одна на двоих.

Проснувшись Латиса в одиночестве. Задумалась над этим вопросом, рассматривая россыпь точек на потолке, неожиданно сложившихся в некое подобие вихря-воронки, которая, угрожающе закручиваясь, несколько агрессивно пыталась загипнотизировать и засосать внутрь.

В прямом смысле слова отмахнувшись от видения, она переключилась на полученные ночью от Шалье пояснения касательно изменений своего кожного покрова и слизистых, что 'является процедурой вполне стандартной для людей, проживающих в обществе тайтов'. Вчера ей было не до сведения простых фактов, но, получается, люди тут проживали и раньше, причем 'люди' во множественном числе. Пояснения Шалье давал невнятные и весьма неохотно, а в ответ на предпринимаемые Латисой попытки начать ссору действовал одним и тем же методом, натиску которого невозможно было противостоять долго и приходилось его прощать. Потом она злилась снова и требовала дать обещание больше никогда не делать с ней ничего подобного без предварительного уговора, он моментально соглашался и обещал, хотя было видно, что это пустые слова, но при первых же признаках кипения Латису тут же окатывало потоком ласки и любое сопротивление в расчет ни принималось. Хотя, какое там сопротивление, Латиса не выдерживала и десяти минут подобных извинений и снова прощала...

К тому времени, как они заснули, больше никаких грехов за Шалье не числилось.

Так что можно начинать отчет сначала. К примеру, малодушный побег ранним утром с поля боя! Не стоит даже брать в расчет, что время давно уже перевалило обеденное, а тайтам для восстановления сил требуется всего несколько часов. Покапризничать — дело святое, особенно когда есть перед кем, Латиса не так часто себе подобное позволяла, но уж тут разошлась не на шутку.

Выходя из комнаты, приняла до невозможности надутый вид, с коим и уселась перед панелью, с показушной нервозностью щелкая кнопками пульта.

Шалье появился через минуту, будто в коридоре караулил, заказал обед и только потом уселся рядом, не придавая никакого значения произошедшим с ее лицом изменениям и, скорее всего, даже их не замечая. Напрасно прождав несколько минут, Латиса поступила, как все женщины, чьи капризы игнорируют: сказала как можно насмешливее, только в процессе поняв, что именно несет и все-таки смягчив фразу улыбкой.

— Сильно же ты изголодался без женского общества!

Шалье оглянулся быстро и почти удивленно.

— Зачем ты так сейчас говоришь? Хочешь меня обидеть?

Она на секунду задумалась.

— Да.

— Почему?

— Просто у меня такое ощущение, что ты меня... мной просто воспользовался.

Шалье тут же оказался очень близко, но все же на расстоянии, наклонившись и щекоча дыханием шею.

— Вот как... Что же будем делать?

Латиса только плечами пожала. Она-то почему знает?

— Хочешь, я вообще больше не буду к тебе прикасаться? — предложил Шалье,

продолжая дразнить одним своим таким близким соседством.

Латиса тяжело вздохнула, признавая поражение, и ухватилась за него обеими руками. Он тут же ее обнял.

— Ну уж нет... На такое я не согласна.

— Тогда что не так?

— Просто... я проснулась, а тебя нет. Это было неприятно, мог бы и остаться рядом. К тому же... хотелось бы знать, что я для тебя значу немного больше, чем какой-то... какая-то обычная вещь, вроде подушки, с которой просто удобнее спать.

Глаза Шалье значительно округлились.

— Вещь?

Он откинулся на спинку, продолжая обнимать ее одной рукой и Латиса тут же устроилась у него на коленях.

— Вещь — это что-то маленькое, ограниченное размерами, — рассеяно сообщил Шалье. — Ты не можешь значить так мало, для меня ты значишь много, даже слишком много, как что-то огромное, что-то безграничное. Что-то... совершенно бескрайнее, — тихо добавил и так поморщился, словно ему стало больно.

Что на такое ответишь? Латиса просто наслаждалась моментом, удивляясь всем тем глупостям, которые появились в голове благодаря его словам.

— Прости за то, что я тебя обидела, — виновато прошептала чуть позже.

Он тут же улыбнулся.

— Прости, что наврал, будто смогу тебя не трогать.

И они помирились.

Пещерный тоннель совсем не походил на тот, по которому в прошлый раз прогуливалась Латиса. Хотя, под стимуляторами и в компании Таиси ей было не до изучения окрестностей, так что они могли оказаться точно такими же.

Пол здесь был очень неровный, пузырчатый, как густая застывшая пена, верхнюю часть которой срезали чем-то вроде ножа. Прежними оставались только кристаллы с острыми, изломанными гранями да тонкий слой бледного мха, почти полностью покрывающий стены.

Споткнувшись в очередной раз, Латиса не выдержала и сообщила вслух, что думает обо всем этом окружающем ее великолепии.

— Постарайся привыкнуть, нам еще далеко идти, — невозмутимо сообщил Шалье, — а если подвернешь ногу, получится еще дальше.

— Если я свалюсь в неравной битве с этими ямами, тогда ты, как мой владелец, потащишь меня на руках, — Латиса очень оперативно нашла выход из положения.

— Туннель слишком узкий, — серьезно ответил Шалье, — мы можем застрять и тогда, чтобы выжить, мне придется тебя съесть.

— Не смешно! — обиделась Латиса, непроизвольно представляя себя лежащей на огромном белоснежном блюде в окружении разнообразных наисвежайших овощей и зелени.

— Смешно, — возразил Шалье.

За препирательствами, однако, дело пошло быстрее и вскоре Латиса приноровилась не застревать в каждой второй попадающейся под ноги выемке.

Потом тоннель начал пологий спуск вниз. Кристаллы увеличились в размере и приобрели голубой оттенок. Стали попадаться огромные кусты сириса. Латиса, не удержавшись, сорвала один из цветков, желая поближе рассмотреть — очень тонкие

желейные лепестки оказались настолько крепкими, что не получилось ни оторвать, ни просто смять пальцами. И свет... глубокий синий свет был так же восхитителен, как в памяти.

— Ты уже придумала, о чем будешь рассказывать Темной богине? — спросил Шалье, замерев рядом над цветком и так же удивленно его рассматривая, будто тоже впервые видел.

— На месте решу, все равно не понимаю, для чего это все... И удивительно, почему вы своей богине даже имени никакого не потрудились придумать?

— Жастишони ее зовут.

— Хм-м-м. Тогда да, я бы тоже предпочла зваться просто Темная богиня, — Латиса засмеялась, но смех не желал звучать в таком месте и сам собой затих. — Я не понимаю, как такое может быть, вы действительно верите, что она у вас тут живет?

— Неа, не верим.

Латиса победоносно улыбнулась.

— Мы точно знаем.

И тут же перестала. Иногда с Шалье было так же сложно общаться, как с диктором, вещающем по сети новости — можно сесть напротив и всюю припираться, тот все равно тебя ни увидит и не услышит.

— У нас верующие потому так и называются, что они верят. А есть ли боги на самом деле точно сказать невозможно. В это можно верить, но нельзя знать, — пояснила Латиса.

— А мы точно знаем, что есть... как тебе пояснить. Что-то вроде общего высшего разума, к которому после смерти тела все мы возвращаемся.

— Откуда знаете?

— Это же очевидно, — просто, словно уже сообщил все необходимое, сказал Шалье и спокойно пошел дальше.

— И все? Ты что, издеваешься? — спросила Латиса у его спины.

— Нет, — он оглянулся и подождал пока она подойдет. — Наши отношения с богами несколько отличаются от ваших. У людей боги выступают в роли творцов и полных... как ты не любишь этого слова — владельцев созданных. Их правила и указания надлежит исполнять под страхом страшнейшего наказания и даже думать сравняться с богом для человека кощунственно. Наши боги — это нечто общее, бесчисленное, воплощенное в единственном, это то, с чем мы сливаемся после телесной смерти. Мы сами.

— Получается... об умерших вы можете не печалиться? Ведь точно известно, где они? — осторожно спросила Латиса.

Шалье помолчал.

— Немного не так. Все, что я рассказал, хорошо звучит в теории, но сейчас я больше телесное существо, чем духовное. И все потери... тайты переживают так же, как и вы. Как навсегда утраченное. Обремененный телом дух слишком в этом плане... уязвим.

Некоторое время они шли молча, Латиса прикидывала, помогает ли жить знание о том, что будет после смерти, Шалье — что сегодня Гууар положил вместо одной раковины сразу две. Значит, он понял неверно, три раковины на оставшееся место не поместится, да и, скорее всего, это даже не календарь. И если так, ответа от Гууара можно ждать в любой момент, главное успеть разобраться с этой въедливой мертвой, убрать ее из Латисиной жизни и позволить Латисе жить...

Слишком длительным было затишье, и таким... живым. Шалье был ему рад, хотя знал, что такая неестественная тишина бывает только перед разрушительной бурей, сметающей на

своей дороге все — и важное, и просто случайно оказавшееся не в том месте в неудачное время. Буря закончится одним из двух: или победа, или полное поражение, третьего больше не дано.

Шли они действительно очень долго. У перехода в очередной туннель Латиса остановилась, перестав слышать за спиной его шаги. Оглянулась на замершего невдалеке Шалье.

Это здесь, сразу подумала.

— Дальше тебе придется идти одной, — нехотя сообщил он. — Я подожду тут. Не бойся, пожалуйста, она ничем тебе не навредит.

В горле пересохло.

— Но ведь Таиси она навредила? И сейчас держит при себе? Зачем?

— А зачем отпускать темное в общий разум? Оно оставит на нем ненужный отпечаток. Темное должно сначала отчиститься, богиня будет держать ее, пока не посчитает безопасным отпускать дальше. Тебе-то уж точно бояться нечего, — ободряюще улыбнулся Шалье. — Иди прямо сейчас, прошу.

Латиса еще раз на него посмотрела и быстро вошла внутрь. Проход медленно выливался в круглую пещеру с низким сводом. Вместо складок сверху огромными сосульками спускались сталактиты, упираясь в землю, благодаря чему походили на оплывшие свечи, усыпанные вовсе и не цветными, а всего лишь изумрудными и желтыми кристаллами.

Оставшийся в коридоре Шалье судорожно вздохнул и пошатнулся, быстро опираясь рукой, а затем и плечом на стену.

— Не тронет, — повторял, как заклинание, — не тронет...

Пещера словно придавливала, при каждом шаге казалось, что заденешь головой свод, отчего жутко хотелось пригнуться, а то и вовсе опустится на четвереньки. Латиса нахмурилась и, не сгибаясь, обошла очередные сталактитовые колонны. Впереди показался низкий огромный камень с почти плоским верхом, все остальное пространство пола было усыпано разного размера каменными и кристалльными осколками, на вид очень острыми. Не хотелось бы туда наступить, а тем более упасть. Ноги после длительной прогулки ныли и она, не долго думая, уселась прямо на камень, рассеянно оглядываясь по сторонам. И где искать эту Жастисони? И как понять, что она слышит? И как с ней следует здороваться?

Ничего не просить, коротко рассказать, вот и вся информация, полученная от Шалье. Ну что же, если все так просто, и тем более ничем ей не грозит, можно и начинать.

— Я не знаю, как здороваться с тобой, Темная богиня, — заговорила Латиса и сама заслушалась своим голосом, прозвучавшим необыкновенно глубоко и чисто. — Поэтому скажу, как принято у людей — здравствуй.

Слова расплылись туманом и затихли под самыми сводами пещеры.

— Я хотела бы рассказать, как попала в твой дом.

Подняв голову, Латиса обнаружила на своде целые россыпи вездесущих кристаллов, правда, более мелких и тусклых. Тогда она улеглась прямо на камень, устроилась поудобнее, представив, что находится дома, на кровати и просто рассматривает потолок комнаты. Потом заговорила...

Расплывающиеся кольца тумана искажались в гранях цветных камней, становясь пустотой.

Шалье не знал, как давно ждет решения богини, но за время, проведенное у порога ее дома, можно было бы выслушать историю Латисы раз двадцать. Зайти к женской богине он мог только по личному приглашению и такового до сих пор не поступало. В очередной раз рассматривая вереницу крошечных дырочек на полу, Шалье четко решил не сдвигаться с места, пока Латиса не выйдет или его не впустят. Безуспешно попытался устроиться поудобнее, приспособленный под сидение камень к такому занятию явно не располагал, но Шалье этого даже не замечал. Ожидание давалось ему легко и обычно совсем не нервировало, но...

Там Гууар, вспомнил Шалье, и эта мысль принесла чуть ли не отчаяние. Посещение пещер забрало слишком много времени, уверенность в предсказуемости поведения Гууара распалась после ошибки с календарем и сменилась ожиданием чего-то внезапного и непоправимого. Шалье почти физически тянуло в разные стороны и он судорожно пытался решить, что делать. Латиса задерживалась так сильно, что если бы речь шла о ком-то другом, Шалье давно бы уже признал, что ждать бессмысленно — Богиня приняла решение. Но такой вариант он даже не представлял, даже на секунду представить не хотел.

Неизвестно, чем именно закончилось бы перетягивание каната, но тут внутри вспыхнуло разрешение войти. Уговаривать Шалье не пришлось, он пошел прямо к сердцу дома и сразу увидел Латису... на алтаре. Она лежала, свернувшись и обхватив колени руками. И улыбалась во сне.

Богиня не терпела в своем доме долгого присутствия мужчин, через несколько секунд он уже выходил с Латисой на руках, прямо как ей и хотелось. Как ни странно, в туннеле Шалье не застрял и даже ни разу ни за что не зацепился. Поднявшись на уровень выше, услышал, что ее дыхание изменилось и остановился. Латиса открыла глаза и посмотрела с такой детской радостной улыбкой, что не ответить было невозможно. И тут же порывисто его обняла, отчего Шалье пошатнулся, но все-таки устоял.

— Все хорошо? — спросил.

— Не знаю... Хорошо, нет... — она обхватила ладонями его лицо, — главное... Таиси теперь нет и не будет.

И счастливо засмеялась. Шалье молча глубоко дышал.

— Все хорошо? — неожиданно переспросил.

Ответом ему был громкий восторженный смех.

Гууар, как ни в чем не бывало сидел на своем месте у хижины. Шалье прямо осел в кресло, в его воображении случилось столько разных непоправимых вещей, что просто не верилось, что они все там, в воображении, и остались. Вот он, Гууар, живой и невредимый, все еще размышляет, и волноваться не о чем.

Быстро просмотрел поселения — тишь да благодать, хоть пользуйся моментом да снимай хроники утопически идеального мира.

Скоро на Стекляшку опустится ночной туман и Гууар отправится спать. Так просто, Шалье не сразу понял, что и у него самого есть время на отдых.

Латиса спала, после выхода из пещеры в мгновение ока растеряв и лихорадочное веселье, и остатки сил. Устраиваясь рядом, Шалье понял, что затишье, как ни странно, все еще продолжается.

'Так бывает только во сне', - убежденно и немного грустно думала Латиса, проснувшись рядом с Шалье. Таиси нет... Шалье — есть. Окружавшие черные тучи расползлись после посещения пещеры и что конкретно их разогнало, оставалось для нее полной загадкой. Вспомнился дикий восторг, испытываемый по дороге назад, когда тоннель казался чем-то до боли родным и знакомым, уютным и безопасным, как утроба матери, куда, по утверждению знатоков душ человеческих, каждый подсознательно желает вернуться. Но главное, оказывается, не сам факт возвращения, главное — узнать его, свой дом. Это про меня, твердо решила Латиса, прикасаясь к его груди — синие искорки запрыгали по пальцам, поднимаясь выше и незримо тая в районе запястья.

Пока они ждали обед, Шалье отправился в свою запертую комнату. Латиса вскочила с места, не зная, что делать, мгновенно оказавшись в тех днях, где только его лицо, закрытое экраном и движения человека, напрочь отсутствующего в этом мире.

— Я сейчас вернусь, — твердо сказал Шалье. Помолчав еще немного, развернулся и скрылся в своей крепости. Латиса внимательно, как впервые, оглядела дверь, мысленно отмечая уровни защиты — такую напролом не возьмешь, а чтобы открыть насильно, придется собрать команду спецов высшего класса и потратить пару месяцев.

Впрочем, Шалье и правда быстро вышел, она только-только рискнула распробовать незнакомый хрустящий на зубах стручок, входящий в обед на правах салата.

Сидя по разные стороны разделяющего их стола, двое молча и оценивающе друг друга разглядывали. Как в преддверии сильнейшего урагана, который неминуемо приближается и остановить его невозможно. Тут задумаешься, что из самого дорогого спасти в первую очередь.

— Ты, кстати, больше не будешь столько спать, — нейтрально сообщил Шалье. Заявлению Латиса не удивилась, это было вполне логично.

— Мне нужно кое-куда слетать, — продолжил Шалье, не получив ответа. — Навестить одного... знакомого.

— А можно мне с тобой?

— Я должен... поговорить с ним наедине. А так полетели, конечно. Научу тебя управлять катером.

— Вот как, — заинтересовано произнесла Латиса, отложив все свои подозрения на потом, — тогда я одеваться.

До изолятора они добрались только часа через два. Катер вела Латиса, потому летел он медленно и криво. Шалье держался за спинку кресла, потому что один раз уже выпал из него при тряске, когда катер неожиданно взмыл вверх.

— Очень простое управление, — довольно сообщила Латиса, плавно поворачивая невидимый шар влево и убеждаясь, что катер послушно повернул следом.

Шалье только хмыкнул, не отпуская спинки.

— А куда мы летим?

— Изолятор.

— А что это? Там у вас больные?

— Нет, это тюрьма. Там содержатся наказанные.

Латиса удивлено оглянулась.

— И кого ты хочешь там навестить?

— Давнего знакомого, — мирно поведал Шалье, насторожено следя за ее рукой.

— И почему он в изоляторе? Что он сделал?

— Попытка убийства.

— Ого! — катер, тем не менее, продолжал двигаться ровно, без рывков. — И сколько лет за это дают?

— В смысле?

— Сколько лет по вашим законам он просидит в заключении за попытку убийства?

Шалье кивнул, показывая, что теперь вопрос совершенно понятен.

— По нашим законам — до тех пор, пока его не простит тот, на чью жизнь он покушался.

Теперь катер ощутимо тряхнуло. Шалье дернулся перехватить управление, но Латиса справилась, сжимая шарик покрепче.

— Странно как. Не выпустят, пока не простит... эээ жертва?

— Примерно.

— А если никогда не простит?

— Выйдет, когда эээ... жертва умрет.

Латиса только головой покачала.

Судя по линии на карте, нужно было свернуть направо и лететь вдоль скалистого гребня, окруженного линиями рек — первой воды, увиденной ей на планете тайтов. Она довольно уверенно повернула и без труда повела катер по намеченному навигатором маршруту.

— И давно он там содержится?

— Давно.

— И кто его не прощает?

— Зачем тебе знать? — после долгой паузы рассеяно спросил Шалье.

Она резко оглянулась, катер в этот раз сделал слабый вираж, но быстро вернулся к обычному положению.

— Это ты, — утвердительно сказала Латиса.

Шалье промолчал. Линия на экране огибала две торчащие на пути невысокие горки, Латиса не свернула, а плавно подняла руку вверх — катер поднялся, пролетая над ними. Сосредоточившись на дороге, которую необязательно повторять по линии, Латиса вопреки испытываемому любопытству не стала напирать и расспрашивать подробности этой истории.

Здание изолятора выплыло из-под укрытия скал так же смело, как мелкая рыбка из-под пасти акулы.

Посадку Латисе не доверили и Шалье опустил катер на площадку рядом с какими-то странными развалинами, надо признать, очень живописно развалившимися посреди серого скального пустыря.

— Можешь погулять, я недолго.

Она согласно кивнула, хотя гулять тут был особо негде. Впрочем, развалины оказались весьма благоустроены и за внешними стенами скрывались цветочные клумбы, гнездовья каких-то жутковатых бесперых птичек и множество лавочек. Имелся небольшой фонтанчик, но вода отливала зеленью и Латиса не рискнула окунуть туда даже палец.

Ульрих ничуть не изменился, о его 'особом' положении свидетельствовали разве что необычно короткая стрижка и мешковатая форменная одежда.

Шалье смотрел, как его вводили, как раскованно он подходит и садится в кресло напротив — силовая стена между ними исключала всякий контакт и не пропускала ничего, кроме звуковых волн.

— Тихого пути, — привычно сказал Шалье.

Блеснула улыбка, больше подходящая хищнику, чем разумному существу. Камнем с души свалился вопрос об изменении характера его старого друга-недруга.

— Тихого, — подозрительно незлобиво ответил Ульрих. — Да, самое место желать мне тихого пути. Здесь мне это весьма пригодится.

Шалье приподнял брови, признавая свою оплошность.

— Как ты? — участливо спросил.

Ульрих вдруг уставился, как впечатался, в пол.

— Я знаю, ты меня не освободишь, — твердость голоса была хорошо отработана, видимо, благодаря длительным тренировкам. — Меня не это интересует.

Шалье поморщился.

— Почему сразу не освобожу? Если все пойдет по моим расчетам, ты скоро выйдешь.

Ульрих демонстративно пропустил его слова мимо ушей.

— Не освободишь, да и плевать! Я позвал тебя не для того, чтобы вымолить прощение, которое, кстати, еще вопрос кто у кого должен просить! Мне нужно кое-что другое и тебе это не будет стоить ровным счетом ничего. Я хочу, чтобы ты, в конце концов, просто признался. Сейчас-то тебе это ничем не грозит? Я хочу, чтобы ты сознался, что специально дал ему умереть! Что ты его убил, чтобы там не говорили, — Ульрих требовательно впился в Шалье взглядом. — Признайся Шалье, хотя бы мне...

— Правда, я надеюсь, ты скоро выйдешь, — продолжил Шалье, словно ничего не слышал.

— Не нужно мне твоих подачек, — жестко произнесли губы уже не такого спокойного, как вначале, Ульриха. — Просто признайся, что ты специально позволил ему умереть!

Шалье встретил все еще кипящую ненависть, окатившую пустой волной и... ушедшей бесследно. И улыбнулся.

— Нет, Ульрих. Ты совершенно зря испортил себе жизнь, а теперь пытаешься оправдать годы, по собственной глупости проведенные в изоляторе. Ты хочешь, чтобы я признался в убийстве брата? Нет, Ульрих, я никогда бы такого не сделал, — спокойно ответил.

После длительного молчания Ульрих встал и тяжело пошел к выходу из комнаты свиданий.

На обратной дороге Латисе доверили посадку. Катер шмякнулся, как выброшенный в окно пудовая гиря. Шалье тактично сделал вид, что не заметил, хотя может и правда не заметил.

Входя в гостиную, Латиса уже раздумывала о том огромном количестве свободного времени, которым теперь располагала. Хорошо бы Шалье занял собой большую его часть, но на это пока рассчитывать рано, не хочется спугнуть те радужные надежды, что последнее время в большом количестве возникали в ее голове.

— Хочу сделать тебе подарок, — сказал Шалье, входя следом, — в твоей комнате лежит, иди смотри.

— Подарок? — она изумленно оглянулась. — Я быстро!

— Можешь не спешить, — осторожно сказал Шалье.

Подарком оказался легкий портативный ноутбук с трехмерным экраном, но самое главное — он был подключен к земной сети и связь работала почти без задержек. Латиса мгновенно пронеслась по знакомым страницам, новостям и болталкам. Влезла в какой-то чат — ответ на вопрос пришел буквально через секунду. Проверила почту — писем была тьма тьмушая, тратить на них время сейчас совсем не хотелось.

Латиса выразила свой восторг по поводу нового приобретения не совсем цензурными словами и, схватив ноутбук в охапку, понеслась в гостиную.

Шалье не было. Следующие два часа Латиса читала письма, все как минимум месячной давности, а потом просматривала новости, темы которых со времени отлета практически не изменились. Поймали маньяка, в течение трех лет на территории всех земных городов убивавшего работников банка Троемирия, где его когда-то обманули с процентной ставкой. Заявление от ученых о создании долгожданной вакцины от тальских червей, неизвестно как расплодившихся практически по всем шахтерским планетам, где они удачно проникали в людские тела и там с удовольствием размножались. Вокруг успешно проведенной экспедиции к Старшей расе, которая вскоре вернется на Землю, поднялся настоящий ажиотаж, в основном состоящий из страхов перед неизбежным пришествием демонов. В комментариях присутствовал подлинный рассказ женщины в годах, к которой представители демонской расы являлись по ночам, что закончилось вполне предсказуемо — беременностью. Ему поддакивал рассказ бродяжки, видевшего, как проходящий мимо стоянки бездомных демон оставил бутылку мерзко пахнущей жидкости, после употребления которой недолго можно было читать мысли других. Земная жизнь текла, как обычно, недоуменно качая головой, Латиса перевела взгляд на панель гостиной и внезапно увидела, как темно и тихо вокруг.

Подозрение ворвалось с опозданием, вызванным слишком удачным ходом дел и быстро вылилось в предчувствие. Торопливо дойдя до комнаты Шалье, Латиса без лишнего жеманства открыла дверь и никого внутри не увидела. Вышла из дома — катера не было.

Спустя три часа Шалье все еще не было. Латиса неспешно отнесла ноутбук на стол и вернулась на диван перед панелью. Включила какой-то фильм и, подумав, добавила в список произведения еще несколько первых попавшихся.

Под веселую музыку и крики красочно веселящейся на пляжах толпы Латиса начала ждать.

Гууар копошился в колодце с моллюсками. Просмотрев запись, Шалье нашел момент, когда тот перестал медитировать.

— Я готов и жду твоих советов, Раан, — просто сказал яриц и поднялся с земли. И все.

Как же раздражала невозможность использовать напрямую портативный глазной экран! Но они все действуют на едином общедоступном канале, сигнал которого перехватить легче легкого, а уж завести себе отдельный — все равно, что сразу признаться в намерении передавать информацию, не предназначенную посторонним. Шалье достаточно было просто представить толпу желающих взломать его канал, появившись такой в реальности, чтобы сразу от этой идеи отказаться.

Скоро опустится ночной туман, Шалье заговорил с Гууаром и удивленно заметил, что тот услышал не сразу. Так же, как и ответил. Сообщив, что вернется, когда схлынет туман, Шалье начал проверять цепь сигнальных спутников. Главное, чтобы не были повреждены те, что паразитируют на официальных тайтовских, входящих в общую систему. Если их

обнаружили и удалили, то имеется большая проблема. Кстати о проблемах, уж не они ли это начались, не дав даже толком по себе соскучиться?

Все оказалось не так страшно, в цепи выбилось только одно звено и, как ни странно, находилось оно близко — четыре часа лету. У двоих смежных сбились настройки, но это можно было исправить дистанционно.

Больше не теряя времени Шалье перекинул в базу катера все попавшиеся под руку справочники по сигнальным спутникам и, захватив сделанный Ранье крысятник, отправился наружу.

Крысятник, к счастью, не пригодился, за Шалье итак уже числилось четыре взлома, каждый лишний только приближал время, когда Старшие не поленятся им заняться. Нужный ему склад б/ушной техники не охранялся, Шалье забрал на замену один из старых действующих спутников и коробку деталей. Четыре следующих часа полета потратил на проверку работоспособности и настройку программ спутника и остался ими доволен. Можно было бы достать новый спутник, но таким, проверенным в работе, Шалье доверял больше. Выбывший из строя был как раз новым, в точке прибытия Шалье его не увидел, искать не стал, просто вывел привезенный, проверил целостность сети в обе стороны и полетел назад. Во время возвращения еще успел настроить смежные спутники, так что неприятность оказалась настолько незначительной, что больше походила на разминку перед самой тренировкой.

Латису он нашел спящей на диване в гостиной, отнес в спальню, стараясь не разбудить, аккуратно укрыл и осторожно направился к выходу.

— Ты не останешься? — сквозь сон спросила Латиса, поймав его уже на пороге.

— Спи, у меня еще дела, — ровно ответил Шалье, надеясь, что стук его сердца не грохочет по всей комнате. И ушел побыстрее, чтобы больше ничего его не выдало.

До истечения тумана оставался почти час. Шалье запасся энергетиками и концентратами, в очередной раз порадовался, что когда-то они додумались пристроить к синей комнате уборную, несколько раз прогнал по цепи сигнальных спутников пробные запросы, подстроил некоторые из них и вернулся к уже просыпающемуся Гууару.

Время пришло.

На завтрак Шалье не вышел. Немного полистав земные новости и почитав форумы, не вызвавшие даже подобия прежнего интереса, Латиса отложила ноутбук и ушла в сад. Следующие несколько часов путь ее перемещения был удивительно скупен: диван гостиной, крошечная лавочка в саду, порог пустой комнаты Шалье, кровать своей спальни. За все это время она не улыбнулась ни разу.

Время до ужина тянулось как резиновое, кажется, уже на пределе и вот-вот оборвется, но на удивление уверенно ползет и ползет все дальше. Когда нить времени лопнула, возвращаясь на место, Латиса отметила, что и к ужину Шалье можно не ждать.

Она с трудом передвинула кресло так, чтобы видеть вход в запрещенную комнату, вооружилась парочкой энергетиков и, как в гнезде, устроилась в пуховой сфере. Потом подняла глаза и стала рассматривать дверь, так упрямо, будто твердо намеревалась научиться видеть прямо сквозь нее.

Когда желание спать стало чересчур навязчивым, Латисе удалось найти на кухне коробку мелких орешков, шелканье которых хорошо отвлекало. Думать, можно ли их вообще есть, она не стала, зато активировала мелкого уборщика и флегматично разбрасывала

скорлупу во все стороны, наблюдая, как настойчиво он ползет к очередному нуждающемуся в уборке месту. Дстойная уважения... настойчивость.

Сон подкрадывался со всех сторон, подступал, словно неловко заигрывая — то бок погладит, то глаза закроет. Он был сокрушитель и непобедим. Он был велик и всемогущ. Ровно до тех пор, пока не открылась дверь в конце коридора.

Через секунду сон был нокаутирован одним коротким ударом и позорно уползал в самый дальний угол сознания.

Шалье не сразу заметил произошедшую в гостиной перестановку, а когда заметил, остановился, насторожено разглядывая, будто пытался решить, стоит ли приближаться. Латиса была намерена пойти за ним следом и это, видимо, отразилось на ее лице, потому он все-таки подошел.

— Привет. Не спишь?

— Не сплю, — подтвердила Латиса. — Могу даже сказать, почему. Спать мне не дает твердая уверенность, что нам стоит поговорить. Я не понимаю, что происходит и ты единственный, кто может этот вопрос разъяснить. Не хочешь что-нибудь сказать?

— Нет.

Латиса растерялась. В животе было кисло от энергетиков, смешанных с терпкими, слегка сладковатыми на вкус орешками.

— Я могу... как-то на тебя рассчитывать?

Он не стал наклоняться, смотрел слишком свысока и она встала, чтобы как-то сравняться, понимая, что сравняться как раз и не получится.

— Шалье... Неужели ты настолько мне не доверяешь, что не расскажешь даже мелочей? Я не собираюсь лезть в святая святых и выпытывать то, о чем ты хочешь умолчать. Но хоть что-то, хоть какую-то малость я имею право знать?

— Все хорошо, — улыбка получилась почти жалкой и он сразу попытался развернуться.

Как ни странно, страх оказался куда сильнее обиды, и именно страх заставил резко вздохнуть.

— Что-то... совершенно бескрайнее. Я правильно помню? — горько спросила Латиса.

И тут же почувствовала его руки, крепко обхватившие голову, сквозь пальцы одной Шалье хрипло заговорил ей прямо на ухо.

— Латиса... Я вижу, зачем ты спрашиваешь... Ты хочешь попытаться поставить меня перед выбором? Я точно знаю, ты собираешься это сделать, несмотря на уверенность, что выбор будет не в твою пользу. Поэтому прошу — не надо, Латиса, не говори ничего. И прошу не потому, что уверен в определенном результате, все совсем не так. Дело в том, Латиса, что выбора никакого не будет, я элементарно не смогу этот выбор сделать, потому что меня раньше просто... разорвет на части. Понимаешь? И сейчас я попрошу еще кое о чем.

Тут он отклонился и посмотрел уже в глаза.

— Не мешай мне. Я уже отдал тебе все, что смог. Ты в моем доме — делай с ним что угодно. Ты в моем... во мне. Большого и быть не может. Неважно, как ты всем этим распорядишься, только... не мешай. Слышишь?

И нервно облизнулся, тяжело дыша. За его спиной высилась совершенно обычная на вид дверь. Шалье ждал.

Латиса разглядела кодовый замок с датчиком сетчатки и индикатором слюны. Внутри что-то обрывалось, сухо, без боли, без кровотечения, потому что сейчас не время.

Однажды утром, выйдя из дома отчима, который, к слову, так больше никогда и не

женился, Латиса увидела, что газон, по которому она ходила в школу, покрыт ростками переносимого ветром жигульника. Эти редкие и ценные цветы росли только там, где им хотелось, и развести искусственно их ни разу не удалось. Почти год, пока жигульник не отцвел, Латисе приходилось ходить в обход, теряя при этом несколько лишних минут, что, помнится, жутко раздражало.

Шалье ждал.

— Я не буду тебе мешать. Обещаю, — еле уловимо ответила Латиса. Совершенно неожиданно в нее впились его губы, сильно, настойчиво, будто пытаюсь передать поцелуем все, что нельзя сказать вслух.

Через несколько секунд Шалье исчез в своей комнате.

Латиса стояла соляным столбом еще минут пятнадцать. Потом неспешно отправилась в комнату, забрала планшет и нашла сохраненные в контактах номера связи.

Лицо у поставщика людской продукции было слегка заспаным.

— Тихого пути, — Латиса улыбнулась почти по-настоящему.

— Тихого, — прищурившись, ответил Статли.

— Меня зовут Латиса, ваш номер оставил Шалье, сказав, что можно заказать...

— Да, да, я помню. Просто перечислите.

Она впервые почувствовала неуверенность.

— Я не знаю, сколько это стоит и...

— Говорите, если превысите договоренный лимит, я предупрежу, — успокоительно кивнул поставщик.

Теперь перечень из нее просто полился. Если Статли и удивился, на нем это никак не отразилось, спокойно отметив что-то на невидимом Латисе планшете, поставщик сообщил, что все это у него имеется и будет доставлено прямо к завтраку.

После скомканных благодарностей Латиса отключилась, выставила будильник ровно на завтрак, который наступал уже через два часа, и отправилась спать.

Шалье на завтрак, естественно, не явился. Механически очистив тарелку, Латиса достала коробку из посылочного отсека и потащила на кухню. Через несколько минут кофеварка была подключена и испробована. Зерна кофе оказались удивительно ароматными, она даже боялась представить, сколько они стоят. А уж про табак и говорить нечего — запах открытой коробки, полной тонких длинных сигарет, моментально заполнил всю кухню и большую часть гостиной. Герметичную упаковку шаманских курений Латиса пока отложила в сторону, надеясь, что она ей вовсе не пригодится.

Блокнот и карандаши поставщик заменил местным аналогом, как она и просила, бумага была скрипучая, карандаш скользил по поверхности листа, как перышко по воде и, привычно расчертив схему задания, Латиса впервые позволила себе немного веры в успех.

Время, отведенное капризам, закончилось до обидного быстро.

Вспомнила про подаренный когда-то, казалось уже очень давно, снимок, поставила его рядом с пепельницей. Отдавая дань то ли привычке, то ли суеверию, закрыла на секунду глаза и сказала вслух коронную пастушью фразу-напутствие: 'Посмотрим с другой стороны'.

После, вооружившись первой чашкой кофе, первой сигаретой и первым карандашом, Латиса еще разок взглянула на фотографию, слегка ей улыбнулась и вступила в войну.

Часть 2

Глава 1

Карет удивительно мягко следовал движению руки. Из всех катеров, которые Латиса перепробовала за последнее время, этот был самым послушным и уютным. Настолько комфортным, что она решила не возвращать его на парковку наемного транспорта, а немного нарушить правила и оставить в свое личное пользование.

Внизу плыли однообразные пыльные скалы, которые стали чем-то настолько обыденным, что внимание на них совершенно не задерживалось. В голове вертелась мелодия, дополняющаяся словами о бескрайней вселенной, ставшей домом какому-то отверженному богу и его нелегкой жизни в этом самом бесконечном пространстве, которое, по сути, и обустроить невозможно — все теряется в беспредельности. Сессиль, конечно, красиво поет, но уж больно длинные и замороченные у нее песни.

А что поделаешь? Латиса сразу же поняла, что, несмотря на свою способность лезть в чужие души, ей никогда не дорасти до вершин мастерства Филиции, способной вытягивать нужную информацию именно у тех, кто хочет сохранить ее в тайне. Мало того, что Латиса была чужая, хотя по обычному отношению этого вовек не скажешь, так и у тайтов было не принято обсуждать с малознакомыми что-либо серьезное.

Катер взмыл над очередным скоплением валунов, на этот раз гладких, ровными боками опирающихся друг на друга, как сваленные в кучу кегли. В который раз Латиса пыталась разглядеть на земле свою тень и опять не разглядела — иногда казалось, что ее вовсе не существует и это почему-то расстраивало.

Чужие катера она заметила издалека, когда очертания дома только-только стали различимы на фоне такой же однотонной поверхности планеты.

— Еще чего не хватало, — прошипела Латиса и поняла, что боится. Чем ближе она подлетала, тем четче можно было рассмотреть катера: два из них — вытянутые, скоростные, темные, без отличительных знаков, и совершенно без блеска, падающий на такую поверхность луч просто проваливается и теряется в глубине, где остается навсегда. На таких перемещаются Хранители порядка, а они появляются только в местах, где порядок нарушен. Неужели из-за того, что она присвоила наемный катер? Насколько удалось выяснить Латисе, здесь за подобными 'присвоениями', как и за многими другими мелкими нарушениями, почти не следили и даже сложно было представить, что нужно натворить, чтобы за тебя взялись поддерживающие порядок. Карасан утверждал, что из-за пользования катером или прохода без спроса в Информаториум никто время на тебя тратить не будет. Особенно, если ты женщина. Латиса еще подумала, что она попросту неспособна своим взращенным на Гатире разумом вообразить те невероятные разрушения, которые должна учинить женщина, чтобы ее начали призывать к порядку хотя бы словесно. Не говоря уж о том, чтобы вообще попытаться наказать...

Значит, они тут по другой причине. И выбор вариантов так невелик, что вовсе сливается в один — Шалье.

Третий катер походил на другие, но был большего размера и имел эмблему из запутанных линий, принадлежность которой Латиса точно не знала, но из закров памяти вырыла, что такой знак относится к руководству, к кому-то из управленцев.

Аккуратно опустившись рядом с катером Шалье, Латиса, не теряя времени, выскочила наружу. Гости в количестве трех шпук тут же вышли из своих катеров и направились ей навстречу.

Два Хранителя в неприглядной, на вид очень жесткой, негнущейся одежде с экранами на глазах сопровождали пожилого тайта в серебряном кафите, расшитом по краям незнакомыми рунами.

— Тихого пути, — тайт руки не сложил, да и при его положении вообще честь оказал одним тем, что поздоровался.

— Тихого пути, — немного коряво ответила Латиса, не собираясь отказываться от случайно подвернувшейся возможности потренироваться чужому языку.

Тайт кивнул, словно подтверждая, что ее понимает.

— Мое имя — Старший Аелла. А вы — Латиса Маеринская.

Это тоже раздражало, каждый встречный знал, как ее зовут и... с кем она проживает.

— Очень приятно. Чем я могу вам помочь?

Латиса нервно оглянулась на ворованный катер, надеясь, что все-таки не он виновен в таком необычном посещении. Перехватила серьезный взгляд странного тайта по имени Аелла.

— Мы ищем Шалье, — невозмутимо разглядывая катер с метками давно просроченного проката, сообщил Аелла.

Латиса вежливо улыбнулась, всем видом показывая свое желание и готовность помогать Старшему в любом его начинании.

— Вы не знаете, где он?

— Понятия не имею, — не моргнув глазом, соврала Латиса. Она совершенно точно знала, что посреди ночи Шалье выскочил из дома и куда-то улетел на огромной скорости, а утром она нашла его катер на месте, хотя сам Шалье не вернулся, но делиться этими новостями не собиралась.

— Шалье взломал склад точной техники и украл большое количество аппаратуры, которая в неумелых руках представляет большую опасность. В том числе для него самого. Нам действительно нужно его найти и побыстрее, — проникновенно объяснил Аелла, очень доверчиво улыбаясь.

Латиса машинально улыбнулась в ответ. Раз они тут стоят, прав войти в дом не получили, значит нельзя говорить, что внутри разыскиваемого нет, иначе будут караулить во дворе. А так могут подумать, что он сидит взаперти в своей комнате или еще в каком-нибудь укромном месте, мало ли у него потайных убежищ, и оставят в покое.

— Ничем не могу помочь. Шалье не отчитывается мне, где проводит свое время.

Аелла шагнул к ней так резко, что она от неожиданности вздрогнула.

— Латиса...

Лицо тайта потемнело и только глаза были огромные... спокойные.

— Есть границы, которые нельзя переходить, — непонятно о чем сказал Аелла. То ли о воровстве Шалье, то ли... о ее поведении.

— Я вас не понимаю.

— Думаю, Латиса, мы с вами добиваемся одного и того же. Добиваемся по собственному желанию. А значит, должны идти одной дорогой. Где сейчас Шалье? Дома?

— Я ничего не знаю, — Латиса перевела взгляд на хранителей порядка, каменными статуями застывшими позади Аеллы. Осмотрела их экраны, на миг показалось, что в них

мелькнуло что-то угрожающее. Понимая, что этого делать нельзя, резко прищурилась. Аелла молча ее разглядывал и Латиса так же молча и упрямо пережидала его взгляд.

Ничего не скажу, повторила мысленно. Попробуйте-ка заставить... женщину.

— Мне жаль, что мы друг друга не поняли. Но... Вы еще ко мне придете... сами.

Вскоре чужие катера уже беззвучно поднялись и резко ушли к горизонту. Вот это скорость! Если б она знала, где можно... присвоить похожий катер, тут же этим бы делом занялась.

Следя за изящным скольжением легких машин, Латиса переваривала последнее замечание Старшего и только сейчас поняла, что Аеллу следует внести в расчерченный на листах блокнота план, причем в ту часть, которая может оказаться самой полезной.

С первой трудность Шалье столкнулся, как только Гууар приблизился к родному поселению.

Этот момент он запомнил так четко, что мог бы по памяти написать подробную картину, вплоть до оттенка костяных копий, направленных на Гууара и ощерившихся акульими зубами держателей этих самых копий.

Спасла его подопечного только вспышка фантомного пламени, вырвавшаяся из-за плечного ранца.

— Ты умер! — грозно пророкотал вождь.

— Раан дал мне вторую жизнь и пришел вместе со мной, — спокойно ответил Гууар. Шалье мысленно восхитился такой безупречной выдержкой. Еще вопрос, насколько уверенно смог бы он вести себя сам в такой ситуации. Ярицы ошарашено замерли.

— Раан принес вам мир, — невозмутимо добавил Гууар.

И спокойно двинулся дальше, чуть ли не задевая прислоненные к горлу лезвия.

Ярицы никак не могли решить, что же с ним делать. Тогда Гууар потребовал выстроить ему хижину и воодушевленные хоть каким-то выходом соплеменники коллективно принялись за работу. Лини выглянула один раз и скрылась в доме синекожего. Гууар ее не заметил. Вплотную пройдя мимо статуи богини, даже на нее не посмотрел, чем вызвал у остальных почти благоговейный страх.

Три дня самые старые и влиятельные особи племени слушали сказания Гууара и после совещались, пытаясь прийти к какому-то решению. Даже когда наступала ночь, Шалье сторожил спящего Гууара, боясь, что его тихо убьют во сне. Редкие передышки он спал прямо в комнате, в разложенном кресле, чтобы в случае сигнала, подданного Гууаром, успеть что-нибудь предпринять. Среди самодельных амулетов, которыми был увешан его подопечный, имелся один, двукратно сжатый в нужных местах включающий в синей комнате сирену. Хотя Шалье итак не собирался покидать свою нору. Раньше он выходил, чтобы отвлечься и не уплыть в стекляшку окончательно, чтобы вспомнить о своей принадлежности к другому миру, пусть даже причинившему столько боли. Теперь он не выходил, чтобы не узнать, как поступила Латиса. После посещения пещер, в которых она окончательно избавилась от мертвой, больше ничего не мешало ей жить, значит и рядом не удерживало, а такие как Карасан с удовольствием воспользуются моментом и предложат все, чего не мог предложить он сам. Зря, кстати, он Карасана недооценивал, кто ищет — всегда найдет. Вот и у него, наконец, появился шанс ударить очень больно.

От этих мыслей, делавших Шалье тяжело больным, спасало только полное погружение в мир яриц.

Вскоре в поселении стали появляться главари других семейств. Они все так же приходили с подношениями к богине, но живых даров пока не приводили. Самки, исполняющие роль жриц, иногда собирались возле статуи и медитировали, пытаясь испросить у той совета.

Потом Гууару сообщили решение — наступающий через два дня сезон рождения должен пройти как обычно, а после состоится 'оценка сил', как они выразились. Гууар, естественно, не уточнил, что имеется в виду, так как Раан все должен знать сам.

После начала сезона, когда все беременные самки покинули деревню и были отвезены в чашу воды рождения, активировались жрицы. Очень навязчиво ходили вокруг статуи и настойчиво пели вслух, почти ныли какие-то тягучие мелодии без слов.

Вскоре, примерно через неделю, родились детеныши и следующие несколько дней они должны были оставаться с матерями в воде.

Сезон длился около двух недель, рождение шло как обычно, а в деревне было все так же напряженно — главари окрестных поселений все свободное время сидели под хижинкой Гууара и выпытывали о его связи с богом. Пытались узнать, что полезного можно из нее извлечь.

И вот перед ночным туманом, не дожидаясь конца сезона и возвращения женщин с детенышами, к Гууару вдруг заявила целая процессия и заявила, что не верят Гууару и требуют подтверждения его слов. Требуют доказательства всеисилия Раана. И если в ближайшее время такое доказательство предоставлено не будет, Гууара принесут в жертву Кровавой богине.

Тот даже не шелохнулся, выслушал всех и заявил, что ему нужно время сообщить богу решение его народа. Естественно чтобы остаться одному, решение Шалье и сам прекрасно слышал. Тупо смотря в экран, он судорожно придумывал доказательства. Что их убедит? Созданный фантом? На фантомах погорел Ранье, так рисковать нельзя. Гууар ничего посоветовать не смог, да Шалье и не посмел расспрашивать — он все-таки бог. Конечно, повтори он путь Мальтики, это было бы очень убедительным доказательством, но только не с тем полюсом.

Отчаявшись придумать что-то подходящее, Шалье отложил решение вопроса на свежую голову и заснул. А проснувшись, увидел под хижинкой Гууара толпу коленапреклоненных яриц. Они тихонько поскуливали и в первый момент Шалье так испугался неисправимого, что подскочил, будто кресло под ним внезапно раскалилось.

Сказать, что он был удивлен происшедшим — ничего не сказать. Ярицы принижено просили Раана пощадить их детенышей и остановить насланных им пирачников. Некоторые из просящих принесли и сложили под хижинкой самое дорогое — искусно вырезанные костяные фигурки подводных животных, основного источника питания яриц.

Сначала Шалье не понял, в чем дело. Он никого никуда не насылал, пирачники — мелкие неразумные рачки, живущие в воде и управлять ими ему было без надобности.

Он переключил спутник на другое полушарие, где после взрыва была пустынно и даже растительность толком не восстановилась. Единственно, что появилось почти сразу — в озерах и колодцах второго материка расплодились мелкие водоросли, а уж на них выросли колонии пирачника. То, что увидел Шалье, поражало — огромное количество рачков начало миграцию в сторону второго континента. Они проделывали этот путь каждый сезон, но в этот раз их, во-первых, было столько, что ставшая от огромной концентрации рачков вода буквально кипела, как живая. Во-вторых, они отправились в путь раньше времени, видимо

из-за недостатка питания, потому что температура и течения оставались прежними.

Путь миграции рачков лежал мимо второго континента и краем задевал воду рождения. К обычному времени своей миграции пирачник становился вкусным и полезным блюдом для детенышей, но сейчас... Новорожденные еще не умели дышать, а в воде с такой концентрацией рачков они попросту захлебнутся.

Понятно, нужно было что-то предпринимать, причем очень быстро — основная масса пирачника была еще далеко, но первые ее потоки тонкими струйками быстро приближались к чаше рождения.

Потерять все потомство сезона — чем не доказательство всемогущества Раана? Вот только ему нужны были доказательства другого рода, он же собирается нести... мир.

Было жутковато. Пирачник не любит холодной воды, но если ее искусственно охлаждать, и даже попытаться учесть течения, так или иначе холодная вода достигнет вод рождения, а это тоже почти стопроцентная смерть приплода. Да и потом, менять температуру так сильно нельзя, это же нарушение теплового баланса и последствия непредсказуемы. Достаточными знаниями, чтобы проделать подобное, Шалье не обладал и, даже изучив всю доступную информацию, все равно не рискнул бы без опыта влиять на планету в таких масштабах. Для этого требовалась полноценная лаборатория, где под присмотром кучи специалистов проверяют предполагаемый эффект на макете планеты. Естественно, на помощь в подобном деле ему рассчитывать не приходится. Мало того, даже найдя... способы эту помощь получить, а они по большому счету всегда есть, времени-то больше не станет — буквально через сутки будет поздно.

Шалье испугался. За сутки остановить миграцию? Невозможно. Итак, изменение температуры отпадает, изменение пути миграции — нереально. Не вылавливать же их всех мелкой сеткой? Это же какой величины она должна быть? Или, наоборот...

Понадобится катер побольше. Через минуту Шалье уже вылетал из комнаты.

На заспанном лице поставщика не было никаких следов удивления, только безграничная покорность, как у пекущегося о своем чаде папаши.

— Курить вредно, — сообщил тайт без всяких предисловий.

Латиса фыркнула, а потом не сдержалась и захохотала со всей силы, краем сознания понимая, что смех быстро превращается в истерику.

Статли смутился.

— Что за дурная привычка у людей с этим дымовыдыхательством... У нас тут пробовали ради интереса, но не прижилось.

— Плевать, — совсем недипломатично сообщила Латиса.

— Какого тебе? — поставщик, как и все остальные, предпочел попросту не заметить ее грубости.

— Усинского, того, что с ароматом шоколада.

— Сколько?

— А... сколько у тебя еще осталось?

Статли не сплеховал и тут же принял вид насквозь прожженного торговца.

— Пришлю одну коробку.

Латиса раздумывала. Знала бы женская часть экспедиции, как именно тут обращаются с дамами и сколько всего им позволяют, спряталась бы вся поголовно в пещерах и ни за какие коврижки бы их не выманили и не заставили улетать домой.

— Статли... Представь еще разок — одинокая землянка, в чужой, затерянной в безбрежных глубинах космоса системе, — она поощряющее кивнула. — Где совсем не бывает солнца, к которому она так привыкла... Где не дует ветер, принося чарующий дух морского простора... Где только серые скалы и неживые картинки оставленного в прошлом мира. Где...

Лицо поставщика вдруг резко ушло в сторону, откуда доносились многословные приглушенные ругательства. Почти сразу же вынырнуло обратно.

— Две. И больше не проси, — быстро сообщил Статли и тут же отключился, видимо, не доверяя крепости своего решения, а заодно и своей насквозь прожженной торговой натуре.

Ну, две по любому лучше, чем одна. Вот только разговор с поставщиком надолго не отвлек. Латиса вернулась на кухню и уселась за стол, в последнее время ставший чуть ли единственным ее пристанищем в доме. В данный момент он был завален хламом: исчерканные блокноты, смятые листы бумаги, забитая до краев пепельница. Взгляд остановился на невскрытой упаковке курений. Нет, еще не настолько плохо. Но уже близко...

Голова сама собой опустилась на руки. Шалье улетел больше трех суток назад и до сих пор не вернулся. Присвоил какую-то ценную аппаратуру и попал под пристальное внимание хранителей. Это кроме всего того, с чем итак не получается разобраться. Она перезнакомилась с огромным количеством тайтов обоих полов, почти все знали Шалье, но как только речь заходила о прошлом, разговор замирал и прекращался. Даже Карасан... был во всех отношениях вежлив и доброжелателен, но молчал. И она не понимала, почему. Наверняка замешано какое-то правило, но невозможно установить какое, если вообще их не знаешь.

Три дня она не выходила из дома. Страх давно уже превратился в тупое утомление, измотавшее до такой степени, что не хотелось ничего, только чтобы он вернулся.

Она лениво перебралась на диван, автоматически включив экран, чтобы видеть хоть какое-то доказательство течения времени.

'Зачем мне все это надо? — злобно думала Латиса, пиная ногой диванный валик. — Совершенно бесполезная затея, таких нужно лечить принудительно. Скорее я сама свихнусь, чем... Ничего не выйдет, ничего...'

На включенной в режиме демонстрации природы панели заземлился смерч, вытянулся в дугу и темным облаком заплясал над ровным берегом вокруг плоского озера, вода которого вздрагивала, как живое существо.

Мысль о поисках, которые она могла бы устроить, если бы знала как, ускользнула, когда Латиса в очередной раз провалилась в сон.

Пульсирующий писк настойчиво вырывал из забытья. 'Развернутся бы да кинуть в эту чертову панель что-нибудь потяжелее, чтобы не мешала', - думала Латиса, желая писку поскорее заглухнуть.

А через секунду уже неслась за оставленным на столе планшетом. В голове загудело от резкого движения, Латиса сползла на стул и увидела на экране лицо, которое даже не сразу узнала, настолько Шалье изменился.

— Где ты? — закричала Латиса. По крайней мере, думала, что закричала, на самом деле ее голос прозвучал удивительно слабо.

— В столе моей комнаты красная коробка. Координаты катера передаю. Боюсь... автопилот меня доконает, — пусто сказал Шалье и голос гулко отдался в ушах. —

Представляешь... даже не знаю, кому еще звонить.

Найденный в указанных координатах катер был ей незнаком. Гораздо больших размеров, с метками грузового... Он что, и катер тоже присвоил? Но главное как странно, про катер ни слова не было сказано, то есть хранителям было на катер наплевать. И что же там за аппаратура такая?

Латиса затормозила у застывшего катера, горячо благодаря Карасана за данный урок. Подавила злость, Карасана, а не того, кто должен был ей помогать!

Узкий стыковочный тоннель не самое приятное место, Латиса на четвереньках добралась до открытого в ответ на ее позывные перехода и сразу увидела Шалье.

Сначала ей показалось, что он спит. Какая же ты сволочь! — собралась донести до него Латиса, но он не просыпался. Она усердно трясла его за плечи, разозлившись, дернула за нос — бесполезно. И только тогда испугалась.

Шалье дышал, хоть и редко, и сердце билось. Латиса смотрела на прямую линию сомкнутых губ, на тени, расползшиеся гораздо дальше глазниц, на худое лицо, с момента их последней встречи до боли изменившееся.

Про красную коробку она вспомнила случайно. Пришлось лезть обратно в свой катер, надеясь, что содержимое коробки по дороге не растряслось, так как она просто бросила ее куда-то вбок, чтобы не мешалась под руками. Нашла не сразу. Внутри имелись вполне целые ампулы, пестревшие предупреждающими надписями, но на Латису все эти предупреждения не произвели ровно никакого эффекта — схватив первую попавшуюся, она вставила ее в прилегающий минипистолет и сделала Шалье укол, надеясь, что выбрала нужное лекарство. Или стимулятор, кто его знает, что в этой коробке.

Вскоре он открыл глаза. Латиса сидела в соседнем кресле, сжав ладони между коленок и дрожала.

— Я был не в себе, когда полез в обратный переход, — ровно сказал Шалье. — А автопилот рассчитан на пилотирование без живых существ в кабине, я бы просто не пережил. Мой звонок... не отвлек тебя от чего-нибудь важного?

Латисе захотелось его ударить, поэтому она сжала колени еще крепче.

— Где ты был?

Он на секунду задумался и глаза вдруг засверкали тем самым бешеным блеском, которого она уже научилась до жути бояться.

— Я спас множество таких... мелких ящериц. Тебе бы понравилось, — его взгляд расплылся и улыбка поплыла следом, туда, где для нее места нет.

— Шалье, тебя ищут.

— Кто?

— Хранители и Старший Аелла.

Он с трудом сфокусировался на ней, но промолчал.

— Какое оборудование ты... присвоил?

— Комплекс подводного дома. Много приборов, которые размещают по определенному периметру и создают силовую ограду, пустоту, в которой поддерживают оптимальные для жизнедеятельности людей... тайтов условия. Жаль, они на большой глубине не работают.

— Оно дорогое? Редкое?

Шалье тяжело вздохнул, прикрывая глаза.

— Где оно?

— В грузовом отсеке.

— Где можно спрятать твой катер?

— Я выставил конечные координаты, осталось всего лишь включить автопилот.

— Пошли тогда.

Шалье перебрался в ее катер почти без помощи.

Перед тем, как запустить автопилот Латиса запомнила заданные пунктом прибытия координаты.

Дома пришлось вести его в камеру восстановления, Латиса включила общий период в пять часов, подавила желание спать прямо здесь, на полу и отправилась в свою кровать.

'Непонятно, почему он пришел в мою ванную', - думала Латиса сквозь улетающий сон, прослеживая путь Шалье по комнате. Спать уже не хотелось, слишком жаркие всплыли воспоминания.

'За что? Ну за что? — вопрошала Латиса небо, — еще и в моей ванной моется!', - забыв, что это все же его дом, где ее просто приютили.

Когда Шалье вышел и направился напрямик к кровати, Латиса, наконец, открыла глаза и стала подозрительно следить, думая, чего теперь от него ждать. Выбор не особо большой: либо сбежит в свое убежище, либо набросится, как в первый раз. Но ведь это Шалье, он может выдумать что-то третье — отправиться на кухню печь печенье или уйти на рыбалку. Кто его знает...

Он лег рядом и улыбнулся.

— У меня датчик температуры лопнул, боюсь свариться заживо, — сообщил.

Латиса крепче обняла одеяло, словно пытаясь за него удержаться и промолчала.

— Ты... не ушла, — сказал Шалье, и непонятно чего в его голосе было больше: вопроса или удивления. В любом случае, такой тон ей не понравился, а на провокационные вопросы она еще со времен Гатиры не реагировала.

— Слушай. Я тебе вроде как жизнь спасла, верно?

— Верно.

— Хочу кое-что взамен.

— Что? — с готовностью спросил Шалье, чем очень удивил, ей казалось, он опять станет отгораживаться и намекать что его дела — только его.

— Хочу, чтобы ты выходил спать, сюда, ко мне. И на ужин... и на завтрак, когда есть время, ты же когда-то ешь и спишь? Хочу, чтобы ты делал это нормально. И... можешь пользоваться моим душем, так и быть.

Он молчал, но улыбался. Как же похудел, Латиса рассматривала его плечи, ставшие острыми и выпирающие ключицы. Только руки такие же большие, и так же утопает в ладони сразу полголовы.

— Что скажешь?

Он просто придвинулся ближе.

В этот раз нежности было куда больше, чем страсти, она окутывала чем-то настолько невесомым, что становилось очень легко и вскоре ничего страшного вокруг не осталось.

И после выпускать его Латиса не собиралась, так и замерла, обнимая.

— Ты не ушла, — сказал Шалье в конце очень уверенно.

В момент, когда он тихо выскользнул из-под руки и ушел, она тоже не спала. Как ни

странно, Латиса не расплакалась, хотя раньше была уверена, что начнет рыдать. Ничего подобного, она просто привычно скомкала одеяло и неизвестно кому сообщила сонным голосом:

— Как же вы, уважаемые господа тайты, меня достали! И правда жить от вашего общества не захочешь... Ни одного brutального мужика в округе, а уж если попадется, то явно не в своем уме! Все, не могу так больше, перехожу на отбросы общества...

Координаты Изолятора Латиса нашла в справочнике, оставленном Карасаном. Письменность тайтов ей до сих пор никак не давалась, потому пришлось потратить целый вечер, выискивая иероглифы, обозначающие это слово. Даже странно, что ей удалось.

...Скалы она узнала издалека и подлетая, уже вспомнила, где в прошлый раз Шалье оставлял катер.

Снаружи здание Изолятора никем не охранялось. Она беспрепятственно вошла в автоматически отъехавшую дверь, попала в квадратное, залитое ярким светом пустое помещение, где увидела первого на окружающей территории тайта. Он сидел за невидимой стеной, в которую она уперлась и не смогла ни пересечь, ни обойти. Охранник выглядел очень удивленным, а уж когда она потребовала встречи с Ульрихом даже замер на несколько секунд, переваривая услышанное.

Пришлось потратить не менее получаса, убеждая охрану что она не уйдет до тех пор пока не увидится с названным заключенным. В конце концов тайт пожал плечами и отвел ее в пустую комнату с двумя стоящими друг напротив друга креслами и разделяющей их такой же, как при входе, невидимой перегородкой.

Потом она ждала еще почти полчаса, стараясь сидеть спокойно и не дергаться, потому что была уверена, что за ней наблюдают. Не хотелось показывать, как важен для нее этот визит.

Вошедший в противоположную дверь тайт выглядел очень впечатляюще — огромный и злой, как разъяренный бык на полузабытом празднике тореадоров. Еще у двери при виде Латисы на его лице появилась ухмылка, которая в течение всей беседы с него так и не сползла.

— Тихого пути, — не оттягивая, начала Латиса.

— Тихого.

— Меня зовут...

— Латиса, — закончил за нее Ульрих. Оставалось только привычно сдерживать раздражение — даже в тюрьме каждый знает ее имя, просто беспредел какой-то!

— Да, Латиса. Может вы еще и знаете, почему я пришла?

— Нет, — легко ответил странный тайт. Таким тоном, будто ему и не интересно.

— Тогда я скажу. Видите ли, с тех пор как я поселилась на вашей планете у меня появилось огромное количество знакомых. Замечательных знакомых. Они очень вежливы, обходительны, искренне стараются облегчить мое привыкание и делают для меня все возможное... Кроме того единственного, что мне действительно нужно. Они не хотят рассказывать про Шалье.

Ульрих молчал, терпеливо слушая.

Латиса выдохнула.

— Вы в заключении и составить мне приятную компанию никак не сможете. Ни сводить на вечер пения, ни свозить посмотреть достопримечательности. Но... вы можете то единственное, чего не делают они.

Она замолчала, вопросительно смотря в настороженное лицо.

— А вы не так просты, как кажется, — наконец, разлепил губы Ульрих.

— Ничего подобного. Я проста, как пятак. Видите, сию перед вами и прямо говорю,

зачем пришла. Вы — почти последняя моя надежда. Расскажите историю Шалье.

Ульрих с удовольствием откинулся на спинку кресла, перемещая взгляд куда-то поверх ее головы.

— Никто, значит, не рассказывает? Раньше у нас был такой обычай — кто приносит дурные новости, тот перестает быть твоим другом. Видимо ваше... окружение не хочет рисковать вашим знакомством.

Латиса удивилась.

— Надо же... Не думала, что могу кого-то настолько заинтересовать. Причем сразу всех...

— Не скажите... Такая экзотика — землянка, красивая женщина, умная, без внешнего рисунка...

— Без чего?

— Без внешнего энергетического рисунка.

— Огня, который вас окружает?

Он подумал.

— Да. Его узор у каждого уникален... На вас, правда, есть следы Шалье, что экзотичнее вдвойне...

К этому явно стоило прислушаться.

— На мне следы? Как?

— Ну как, как. Видимо, он к вам... прикасался, — криво усмехнулся Ульрих и его глаза бесстыдно поползли вниз по телу. — Да... прикасался — слабо сказано.

Латисе вдруг стало ужасно смешно. Вот чего для счастья и не хватало — теперь все видят, что к ней... прикасались.

— Поставил метку, — очень довольный продолжал Ульрих. — Подобное часто практикуется у животных, они инстинктивно обозначают свою... территорию.

— А если бы он прикоснулся к женщине татов? Был бы след?

— Да. У живущих вместе очень красивые рисунки получаются, жаль, лично вы их не увидите.

Бедолаги... Как же они тут женам изменяют, промелькнула неожиданная мысль.

— Ладно. Все это интересно и познавательно. Но давайте к делу. Сразу говорю — уходить без результата я не собираюсь.

— Хорошо, — сразу же ответил Ульрих. — Расскажу.

— Только, — на секунду она замялась, — хотелось бы слышать... факты...

— А не мою интерпретацию? — усмешка. — Хорошо, я расскажу только факты. Готовы?

— Да, — еле слышно ответила Латиса, вцепившись в обивку кресла.

— Тогда слушайте. У него был брат, Ранье, очень... В общем лучший из всех, кого я знал. С ним никогда не скучали. Однажды они нашли эту планету... Стегляшка, а на ней — разумную жизнь. Почти исчезнувший вид, который не оставил побочных ветвей, это значило, что с его вымиранием разума на планете не останется. Ранье загорелся идеей их сохранить и многие стали ему помогать. В том числе Шалье, хотя Стегляшка его не особо интересовала. Считалось, что он делал это потому, что очень любил брата. И вот...

Глаза Ульриха разгорелись. Латиса ждала, не прерывая паузу, хотя хотелось его встряхнуть, да посильнее и вытрясти, наконец, всю это чересчур засекреченную историю.

— Им удалось сохранить жизнь этих... ящериц, наладить стабильное

воспроизводство... Но потом у тех появился каннибализм, причем стал основным видом добычи пропитания — охота была куда сложнее и проще оказалось перехватить в соседней деревне пару жителей. И еще, у Ранье появилась жена — Мальтика. Шалье... очень ее любил, — Ульрих осклабился, с нескрываемым удовольствием следя за Латисой. И последить было за чем — от подобных слов ей стало весьма неудобно. Но нужно было узнать все.

— Дальнейшее я не очень-то знаю, — быстрее заговорил Ульрих. — Ранье придумал какой-то план по внедрению в среду ящериц божества, запрещающего каннибализм. Они улетели на стекляшку вдвоем. А теперь одни голые факты — Ранье отправился к ящерицам и они... убили его и съели. А Шалье его не спас. Потом на планете раздался взрыв огромной мощности, удивительно как эти ящерицы вообще выжили. Хотя, как знать, что у него был за план...

— И что именно там случилось? — спросила Латиса, стараясь чтобы голос не дрожал.

— Никто не знает, — ухмылка стала шире.

— Ладно... По-вашему, что случилось?

— По моему и по мнению ВСЕХ остальных он просто отправил Ранье на верную гибель, потому что...

Ульрих замолчал, наслаждаясь моментом.

— Любил его жену? — решившись, тихо дополнила Латиса.

— Да. А потом изобразил приступ отчаяния, припадок мести и пытался убить, по большому счету, ничем невиновных ящериц. Только вот все равно не получил, чего добивался, — весело улыбался Ульрих. — В одном просчитался... Мальтика.

— Что?

— Когда она узнала, что ящерицы съели ее мужа, взяла самую большую пушку, которую смогла поднять и улетела на Стегляшку, где уничтожила почти половину оставшихся в живых ящериц. Ее, правда, тоже потом добились и съели, но тут уж никаких сомнений в виновности Шалье, — великодушным тоном закончил тайт.

По Латисе ползали его любопытные глаза, но показывать чудеса выдержки она сейчас не могла. Голова опустилась, пока услышанное переваривалось и усваивалось. Получается, все считают, что Шалье убил собственного брата. Вот как... Пойдите, все?

— Почему тогда Шалье не в изоляторе, как убийца? — быстро спросила Латиса.

Ульрих поморщился.

— Старшие проверяли оставшуюся информацию и пришли к выводу, что он не виновен. Что это просто несчастный случай.

— То есть доказательств вины не было? Просто вы так решили? — надавила Латиса.

— Достаточных доказательств не было, — сухо подтвердил Ульрих. Еще несколько минут они молчали.

— Вы довольны услышанным? — поинтересовался Ульрих.

Тогда Латиса просто встала, намереваясь уйти.

— Куда же вы? Вы же еще не узнали самого главного, — промурлыкал голос за спиной.

Оборачиваться она не стала, но замерла на месте.

— Когда Мальтика перед высадкой на Стегляшку оставила для своей матери прощальное сообщение... В общем, на записи очень хорошо было видно, что на ней очень много следов Шалье. Как... на вас сейчас, — приглушено добавил Ульрих и Латиса, больше не слушая, очень быстро понеслась к выходу.

Фонтанчик в развалинах был полон такой же зеленой водой.

Ну вот, собственно, чего и добивалась... Шалье умудрился собрать в одном лице множество пороков. Братоубийство, воровство, желание жены ближнего своего, а может и не просто... желание. Вранье, конечно, живя так близко к Шалье трудно не заметить, что сейчас он не сознает, в какую западню угодил. В такое состояние не попадет настолько виновный, каким его выставляет Ульрих. В такую яму можно загреметь только пытаясь исправить то, что исправить в принципе невозможно.

Что же делать-то теперь? Очевидно, он засел в своей норе, где медленно отмирает от жизни, тщетно барахтаясь в прошлом. Да и история не слишком ясная, информации маловато. Нужно искать дальше. Где? Латиса задумалась. Низы она посетила, в центре пустота, огороженная нежеланием нести дурные вести, да и вряд ли они скажут что-то новое. Остаются... облаченные властью. Старший... Аелла. Да, Аелла, других старших она не встречала, в местных развлечениях они не участвовали, видимо, переросли возраст, когда интересно тратить свое время на всякую ерунду.

Латиса отправилась в катер, чуть не наступив по дороге в гнездо с мелкими пупырчатыми яйцами.

Внутри включила экран и вызов.

— Тихого пути, Карасан.

Он ее увидел и тут же отвел глаза. Латиса отступила назад, чтобы ему было виднее. Судя по всему, такую реакцию вызвали следы Шалье.

Интересно, почему недолгая жизнь в обществе тайтов начисто отбили у нее всякий стыд и чувство меры?

— Карасан, вам что-то не нравится? — прямо спросила Латиса.

— Не нравится, — все так же отворачиваясь, ответил тот.

— А в чем дело? Вы что, хотели бы видеть на мне... другие следы?

— Вы знаете? — теперь Карасан смотрел прямо и слегка улыбался кислой улыбкой.

— Как видите. Так в чем дело? Давайте сразу и начистоту, потому что я собираюсь всегда быть такой, какой вы видите меня сейчас.

Он раздумывал всего секунду.

— Хорошо, — голос стал глуше и резче. — Правду, так правду. Так вот... Если бы я знал как, я бы вас соблазнил.

Латиса удивилась, причем весьма искренне.

— Зачем? Я совершенно точно знаю, что вы ничего ко мне не испытываете. Так зачем?

— Ну...

— А, все моя пресловутая женская недогадливость! Чтобы досадить Шалье, верно?

Тот молчал, но выражение лица было вполне достаточным ответом.

— А скажите, за что вы так с ним? Лично вам он что сделал?

Карасан отвечал очень охотно и даже, казалось, с немалым удовольствием.

— Не так давно он увел у меня женщину, которую я очень любил.

— Шалье? — Латисе вдруг стало очень... любопытно. — Надо же, да он просто везде успел! Вы... уверены?

— Уверен, — жестко ответил Карасан.

— Надо же... А расскажите подробности, это будет так... познавательно. Шалье, оказывается, может увести женщину, — Латиса странно улыбалась. — И как именно он это

делал? Преследовал? Приглашал прокатиться? Угощал редкими фруктами со дна Тильской расщелины? Может, серенады пел? Или, может, постоит-ка... какая неожиданная мысль! — может он бросил свою синюю комнату?! — ошарашено округлив глаза, совершенно неискренне удивилась Латиса.

Карасан вдруг посмотрел очень внимательно.

— Да-а-а... а вы очень на него похожи. Такая же... самоуверенная, — впервые в голосе тайта Латиса услышала открытое презрение. И оно совершенно не волновало.

— Послушайте, Карасан, я только что была у Ульриха и обо всем узнала. И... раз уж выясняется, что мы больше не друзья, может, сделаете напоследок доброе дело? Ответите на вопрос? Старший Аелла и Шалье как связаны?

Он думал так долго, что Латиса из последних сил удерживала на лице уверенную улыбку. Grimасу вызова, единственное, что могло сейчас заставить его рассказать. И, в конце концов, заставило.

— Так и быть, отвечу. В память нашей... дружбы. Аелла его тогда спас от суда, нашел какое-то единственное нужное доказательство невиновности Шалье. Старших это доказательство убедило, а нас — нет.

— И какое же?

Тут уж Карасан взял себя в руки.

— А это уже другой вопрос. Не звоните мне больше.

На нее внимательно смотрели спокойные, такие знакомые глаза. Первый тайт, которого она увидела и узнала...

— Прощайте, Карасан, — с сожалением, но очень твердо ответила Латиса.

Примерно на полдороге к дому Латиса увидела катера Хранителей. Они летели на приличном расстоянии, но явно следом за ней.

Голова итак раскалывалась, слишком насыщенное выдалось утро, а теперь ко всему прочему у нее на хвосте слезка!

Тогда она остановила катер, зависнув над какими-то остатками полусухого леса и начала думать. Пришлось помучаться — голова соображать совсем не желала, а желала просто лечь на что-нибудь мягкое и отключится.

В конце длительных, бесплодных потуг ответ пришел сам собой, только вот облегчения не принес. Однако это был единственный выход, Латиса достала планшет и стала искать адрес Аеллы.

Ей нужен откуп. И еще доказательство своей доброй воли. Латиса вспомнила координаты грузового катера, украденного Шалье и, сделав на карте отметку, повернула в ту сторону.

Свой катер она отправила к дому Аеллы на автопилоте, а сама вылетела следом на грузовом, искренне надеясь, что Шалье привез аппаратуру неповрежденной и вообще ничего непоправимого с ее помощью не натворил.

Хранители держались на расстоянии, но уже гораздо ближе.

Найдя дом Аеллы, Латиса осторожно опустила катер, надеясь, что не задела соседние, слишком уж неповоротливым оказался грузовой, и быстро выскочила наружу. Хранители оказались быстрее и уже шли в ее сторону. Тщетно делая вид, что их не замечает, Латиса отпустила голову и быстро пошла к дому, такому же странному, как у Шалье, только вокруг виднелось еще несколько подобных.

Хранители перехватили ее на полдороге, молча перегородив проход.

— Мне нужно к Старшему Аелле, — не поднимая головы, прошептала Латиса.

— Вы поедете с нами и поясните некоторые свои действия, — ровно сказал один из них.

— Но мне нужно...

— Если Старший сочтет необходимым, то сам с вами свяжется, — безо всяких эмоций добавил второй.

И тут Латиса испугалась. Не зря говорили, что Хранители на мелочи не размениваются. Сейчас их не остановит даже то, что она женщина.

Она подняла глаза и увидела на их лицах все те же мертвые экраны, в которых отражалась ее уменьшенная, но такая же растерянная копия. И тогда Латиса сделала, должно быть, глупость, но единственное, что пришло в голову — ловко проскользнула мимо них и быстро побежала. Под ногами глухо скрипела каменная крошка.

Ее поймали раньше, чем Латисе удалось нажать звонок вызова у входа в дом Аеллы.

— Не стоит сопротивляться силам порядка, — сухо сообщил один из Хранителей. — Вы можете пострадать. Вам нечего бояться, Шалье скоро будет изолирован.

Она испугано вздохнула. Если... если они так говорят, значит и право на вход в дом Шалье получили, очень четко поняла Латиса. Значит... скоро они его вытащат из синей комнаты, оторвут от души, приклеенной к Стекляшке и навсегда... поломают.

— Нет, — прошептала Латиса. Разорвут его на две части и Большая останется там.

— Нет, — неверяще повторила Латиса. Ее уже осторожно держали за запястья, разворачивая в сторону катеров. К двум безупречным темным хищникам, поджидающим добычу, которой сегодня станет наивная маленькая землянка.

— Нет...

Хранители увидели Аеллу первыми. Дверь в дом бесшумно открылась и тот стоял в глубине, не делая никаких движений. Латиса повернула голову вслед за их взглядами и уперлась в усталое лицо.

— Нам нужно поговорить... Пожалуйста! — мгновенно попросила.

Тот почти сразу согласно кивнул, сначала ей, а после — Хранителям:

— Отпустите.

Горячая чашка приятно согревала руки. В гостиной Аеллы было очень тихо — несколько огромных панелей по стенам, и все выключены. Вместо звукового блока на гладкой подставке — множество грубых каменных и деревянные статуэток, даже странно, зачем ему такая кустарщина.

Хранителей Аелла отправил в катера, а значит собирался вернуть им Латису, когда разговор будет закончен. Она не забывала об этом ни на секунду, цепляясь за чашку, словно та могла чем-то помочь.

— Почему вы так за него держитесь? — задумчиво спросил Старший.

Латиса глубоко вздохнула.

— А вы?

— А я? — задумался Аелла, — я его люблю.

Латиса очень жалко, через силу улыбнулась и промолчала.

— Я решил... Мы вытащим его и отправим на реабилитацию. Он полностью нормален, тесты проводились множество раз и каждый раз неизменно показывали отменное

психическое и физическое здоровье. Но другого выхода я просто не вижу, нужно что-то делать... Не бойтесь, мы его вытащим.

— Нельзя, — тихо сказала Латиса.

— Что? — Аелла удивлено поднял глаза.

— Если вы его... оторвете от его стекляшки, то проще... просто сразу убить, — упрямо сказала Латиса, разглядывая плескающийся в чашке чай. Руки дрожали.

— Может и нет, — вслух раздумывал Аелла.

Она вздохнула.

— Я пришла, чтобы вас попросить.

Просить было нелегко. Но она ведь просила не за себя, а за того, кто просто не может сделать этого самостоятельно.

— Я привезла украденный грузовой катер вместе со всем пропавшим оборудованием. Оно в полном порядке. Оставьте... оставьте Шалье в покое.

Влажные глаза Старшего загадочно блестели.

— Вы сделаете только хуже, — упрямо добавила Латиса. — Пожалуйста. Вы его убьете! Оставьте...

Она готовилась ждать ответа очень долго, но Старший ответил почти сразу.

— Да-а-а, я вас понимаю, — теперь Аелла задумчиво разглядывал свою чашку. — А вы уверены?

— Абсолютно. Если не получится у меня, не получится вообще ни у кого.

— Вы знаете его историю?

Латиса вздохнула с таким облегчением, будто с плеч свалилась не скала, а целая планета.

— Да. Кроме... того доказательства, благодаря которому Шалье оправдали. Какое оно?

— Доказательство, — медленно, словно вспоминая, повторил Аелла, — очень простое. Когда эти их ящерицы... привязали Ранье к столбу и достаточно... медленно убивали, была причина, по которой нельзя приписать к этой истории Шалье.

Латиса дрожала и ждала.

— Ранье... умер, сдерживая огонь, который легко мог бы выжечь половину его убийц. Сдерживая до самой смерти.

На улице уже не было ни грузового катера, ни Хранителей. Только присвоенный Латисой все так же невозмутимо стоял, где и опустился. Аелла вышел ее проводить.

— Я все-таки вас попрошу, — сказал на прощанье Старший. — Несмотря ни на что, никогда не забывайте — Шалье может быть очень опасен. Даже... для вас.

Латиса оглянулась и увидела в его лице настоящую заботу — это было очень неожиданно и чрезвычайно приятно.

— Я запомню.

Возвращаясь в комнату, Шалье рассчитывал, что к этому времени начнут прибывать самки с детенышами, чудесным образом спасенные от гибели. Ему казалось совсем немного осталось, совсем чуть-чуть и он дождет до конца и сделает то, что обещал Ранье перед смертью.

Вызвав на монитор хижину Гууара, Шалье в нерешительности замер — у него внутри была Лини и пришлось очень быстро отключать экран, так как подглядывать было неудобно.

Вот вам и Гууар! Хотя, Шалье же обещал ему взамен помощи вполне определенную плату — Лини, теперь не придерешься, да и от своих слов не отступишься, хотя в происходящем внутри хижины явно кроется что-то нехорошее.

Шалье постарался отвлечься от ощущения надвигающегося несчастья, решив, что это уже похоже на паранойю, ведь все идет замечательно — детеныши спасены, всемогущество Раана подтверждено делом и попробуй его оспорь! Гууара опасаются настолько, что молчат о его связи с Лини... А вот это плохо, Гууар должен воплощать все лучшее и не покушаться на чужих жен, но... он же сам ему обещал!

Ладно, к этому вопросу вернемся чуть позже, решил Шалье и стал переключать изображения в поисках жриц и вождей. Сейчас было важно видеть их реакцию на происшедшие из-за Гууара изменения, так как она показательна и реакция остальных будет такой же.

Жрицы, собравшиеся со всех окрестных поселений, кучковались отдельно, на площадке за статуей богини. Верховодила ими одна — покрытая старческой потрескавшееся чешуей и увешанная таким количеством бус, что они свисали рядами до самих коленей и, судя по склоненной спине жрицы, были очень тяжелы. Жрицы, похоже, обсуждали нечто крайне серьезное, но пока в свои разговоры никого не вмешивали.

Вожди руководили процессом подготовки лодок, а после лично отправились за первой партией самок и детенышей. Родившиеся в самом начале детеныши уже хорошо дышали и висели на шеях матерей, держась за гребни. В течении суток ярицы заберут всех, кто начал дышать самостоятельно, а остальных оставят в воде. Это тоже подношение, но не Богине, а самому окружающему миру и с этими жертвами они с Ранье смирились еще в самом начале.

Так же важно было увидеть реакцию первой группы вернувшихся самок, Шалье терпеливо следил, как лодки, плохо подающиеся управлению, медленно достигают вод рождения и еще медленнее отправляются назад.

Когда самки высадились у берега и направились в родное поселение, Шалье включил экран в хижине и облегченно вздохнул — Лини уже не было.

Прибывшие тут же разбрелись между хижин, хвастаясь перед остававшимися дома своими детенышами. Хижину Гууара они старательно обходили, видимо, вожди запретили к ней приближаться.

Не занятые в перевозке самок ярицы вскоре отправились на ловлю пирачника, остатки которого все еще мигрировали мимо берега. Шалье знал, что нужно пользоваться моментом, пока этот момент не прошел. Что необходимо как можно быстрее закрепить полученный эффект — снести статую Кровавой Богини и перевезти статую Раана, а после сразу огласить новые правила, запрещающие убийство себе подобных.

Знал... Но все-таки дал ярицам сутки, чтобы вернуть всех самок с детенышами и наловить для них питания.

Некоторое время он еще подумывал, не отправить ли вместе со всеми на ловлю Гууара, но решил его не трогать — пусть лучше играет роль жреца, обособленного от остального населения.

И только после всего этого Шалье очень резко вспомнил о катере и ворованном оборудовании. Надо бы вернуть, да так, чтобы не поймали, тогда причина преследования сама собой отпадет, хотя бы временно. Он включил экран связи и прослушал скопившиеся вызовы — раз от раза все более угрожающие. Как бы не пришлось прятаться в подготовленное на пятой планете убежище. И еще... Латиса, стоит ли забирать ее с собой?

Точнее он конечно бы забрал, только полетит ли она?

Последнее сообщение заставило его сильно удивиться — появился Аелла собственной персоной и сообщил, что все обвинения сняты, Хранителям он более неинтересен, так как оборудование возвращено в целостности и сохранности, а остальные вопросы касательно его поведения пока решаются. Скорее всего, его обяжут к нескольким дням общественных работ.

Как-то даже странно, что все так легко решилось. Шалье немного подумал над этим, хмурясь, но у него сейчас было чем заняться и помимо подобных странностей.

Латиса...

Вернувшись домой, она просто прошла в спальню, даже не оглядываясь по сторонам, чтобы проверить, а вдруг Шалье выполз из своей норы? — упала на кровать и даже панель не включила.

Латиса не знала, сколько времени пролежала в тишине и полумраке. Все происшедшее настолько ее вымотало, что ни осталось ни единой эмоции, ни одного чувства — ни страха, ни надежды, ни... любви.

Хотя нет, страх все-таки был. И он совсем не относился к Хранителям, Аелле и тому, что творилось с Шалье. Страшнее всего было то, что она поняла сегодня во время разговора со Старшим. А поняла Латиса, вернее увидела, на что именно готова пойти ради... Шалье.

Всегда казалось, что не может быть ни одной вещи, ради чего действительно стоит пожертвовать своей свободой или жизнью. Конечно, принято считать, что жизнь достойно отдавать за детей, народ или мир во всей вселенной. Принято считать, да и только. И вот...

Гулкий полумрак прекрасно прятал в себе ее растерянность и тоскливый страх. Совсем одна...

Время шло, текло, неизвестно, быстро или медленно. И сколько его, времени, осталось позади?

Он пришел незаметно и, как обычно, лег рядом. Как обычно, провел ладонью по спине.

— Что-то случилось?

— Нет, — пусто ответила Латиса.

Он немного помолчал.

— Я вижу, что-то случилось. Расскажешь? Я же вроде как должен помогать тебе жить.

— Просто полежи рядом, — говорить совершенно не хотелось, да и смысла говорить в данный момент никакого не было. Латиса ощущала его руки и становилось может и не спокойнее, но все-таки проще.

Примерно полчаса они так и лежали, не шевелясь. В окружающей тишине было слышно только дыхание.

— Нет, так не пойдет, — Шалье вдруг быстро поднялся. — Подожди немного, я скоро вернусь.

Латиса осталась одна и не сделала ни одной попытки его остановить.

Время текло, лилось, струилось и она не смогла понять, как быстро он вернулся.

— Пошли со мной, — твердо сказал Шалье.

— Не хочу ничего...

Больше говорить он не стал, просто наклонился и начал заворачивать покрывало вокруг Латисы, а после поднял ее на руки и куда-то понес. Сопrotивляться не было ни сил, ни желания.

...Катер завис над гладкой поверхностью озера, раздался звук открывающегося шлюза, а

после бульканье, словно из грузового отсека что-то высыпалось в воду.

Потом они залетели на самый высоких скальный выступ, нависающий прямо над водой и Шалье вытащил Латису наружу. Так же в покрывале усадил прямо на землю, точнее на камень, потому что мрачное озеро окружали одни только скалы, на которых ничего не росло. Было темно, тихо и прохладно. Вода слегка блестела, но без луны, как на земле, этот блеск выглядел как-то неестественно.

— Этому нас с Ранье отец научил, — сказал Шалье, усаживаясь позади и обнимая за плечи. — Смотри...

Латиса, все такая же опустошенная и равнодушная, безучастно смотрела вперед, на темную тяжелую воду.

Сначала ничего не происходило. А потом... к поверхности воды неспешно потянулись бледные розовые и желтые огни, становясь все четче, все ярче. Раздался треск и огни резко заплясали, превращаясь в молнии, острыми углами расчерчивая темноту и оставляя за собой медленно тающие расплывчатые следы, похожие на те, что оставляют атмосферные планеры.

— Смотри, — мягко говорил Шалье прямо на ухо. — Такое чудо... А ведь это просто рыба. Глубоководная. Я сбросил кормушки и она поднялась на поверхность.

Цветной рисунок менялся ежесекундно, линии и пятна сверкали, сталкивались и медленно гасли, уходя в глубину. Вскоре к ним присоединились более крупные, насыщенного голубого цвета, они оставляли толстые неповоротливые полосы.

— Смотри, — шептал Шалье и Латиса молча смотрела. Говорить она не могла.

До рассеивания тумана еще почти час, Шалье неспешно опустился в кресло, разглядывая спящее поселение. Вокруг центральных камней горами свалены светящиеся губки, еле видимые сквозь мутную вату дымки.

Латиса теперь спала и даже немножко улыбалась во сне. Когда она уже не слышала, он сказал:

— Скоро все закончиться и я отвезу тебя далеко-далеко, где не будет никого, кроме нас, а вокруг только много воды и свежий ветер, которого так тебе не хватает. Там его много, как у тебя дома. Потерпи еще совсем чуть-чуть...

И сам верил, что говорит правду.

Надо бы еще поест, а после проверить, всех ли самок перевезли. И сразу же заняться переброской статуи. Можно и самому перетащить, но лучше будет если ярицы сделают это добровольно, в знак того, что признают новое божество. Вернее, хорошо забытое старое божество, разрушенное обезумевшей Мальтикой. Но в этот раз все должно быть по другому...

Хижина Гууара тоже освещалась губками. Его подопечный лежал свернувшись и... дрожал от жуткого озноба.

Через секунду Шалье чуть ли не нырнул в экран, судорожно настраивая изображение. Его... жрец выглядел настолько больным, что любому понятно — протянет недолго. Как... Что?!

Плохое имеет привычку приходить так неожиданно, что не знаешь, кого в этом обвинить. Впрочем, обвинять было некогда, Шалье судорожно раздумывал, что делать. Гууара нужно лечить, значит, пригонять компактный автомат, но тогда его, скорее всего, увидят. Но если не лечить, Гууар очевидно очень скоро умрет и тогда вся его... все их труды

даром? Впустую?!

Он прикусил губу, чувствуя вкус крови. Долететь до Стекляшки он не успеет, да и как показываться ярицам? Оттащить Гууара в хижину на остров нечем, тем более что такое путешествие тот может и не пережить. Других вариантов попросту нет, разве что просто ждать чуда, вдруг Гууар выздоровеет сам по себе? Нет, таких чудес не бывает и значит... придется рисковать.

Шалье успел пригнать автомат до того времени, как туман разошелся и поселение наполнилось проснувшимися активными жителями. Ему удалось забаррикадировать изнутри хлипкую дверь, создав хоть какую-то, пусть и совсем ненадежную защиту и после он сразу же занялся анализом состояния подопечного.

Когда к хижине слишком близко подобралась какие-то ярицы, просто любопытствующие подростки, Шалье, не думая, выпустил в щели двери фантом зеленого ядовитого облака, тянущего щупальца ко всему, что шевелится. Гости мгновенно испарились и больше Гууара беспокоить никто не решался.

Вскоре были готовы анализы и они показали, что его помощник был... отравлен. Целенаправленно накормлен ядовитыми для яриц червями, живущими глубоко в земле и кто-то потратил немало сил и времени, чтобы их откопать. Этот кто-то хотел убить Гууара и не сомневался в смертельном исходе дела. Собственно думать, кто это был сейчас смысла не имело. Шалье составил план лечения и приклеился к экрану, следя за любыми, даже малейшими изменениями в состоянии Гууара. Если... Гууар все-таки умрет, у Шалье ничего больше не останется... Ни времени, ни сил... Откуда взяться силе, если стекляшка высасывает их куда быстрее, чем они накапливаются?

Все заново... С самого начала... Он не выдержит. Правда, всегда есть последний способ, тот, которым воспользовалась Мальтика. Может, не очень гуманно, зато очень эффективно.

Несколько часов Гууар находился на краю и Шалье был примерно там же. Жрицы активизировались и более уверенно выводили под статуей Богини свои нудные мелодии.

Многие из жителей подходили их слушать, усаживались вокруг и начинали согласно кивать головами, поддерживая каждый звук, издаваемый жрицами в порыве религиозного экстаза.

...Гууар выжил. Дрожь прошла, сменившись редкими слабыми судорогами, температура начала повышаться. Шалье мрачно изучал результаты повторных анализов — теперь в его распоряжении был не молодой здоровый самец, а обычный полутруп. Как много времени понадобится Гууару на восстановление, да и восстановится ли он после такого вообще? Шалье бездумно переводил взгляд с одного экрана, показывающего Гууара на другой, где жрицы все активнее и активнее тянули руки к небу, а от неба — к Богине.

Полутруп не может убедительно изображать посланника Бога.

Гууар — полутруп.

И он — это все, что есть у Шалье...

Когда толпа яриц неожиданно пала ниц и только главная жрица стояла, вереща оглушительно громко, взгляд Шалье оторвался от экрана и задержался на трехмерном манекене в углу комнаты.

Костюм из ярких красных полос ткани, соединенных блестящими кожаными ремешками был придуман еще Ранье. Мужскую модель он надел сам. А эту... сделал в подарок Мальтике. Она, помнится, не оценила.

Жрица верещала, радостно вскрикивая и красные лоскуты вздрагивали и блестили, отсвечиваясь в глазах Шалье.

Целый день Латиса ничего не делала, только ела, смотрела старые любимые фильмы да земные новости читала. Получила длиннущее письмо с извинениями от Филиции. Все что случилось при отлете экспедиции казалось чем-то настолько давним и забытым, что Латиса с трудом обо всем этом вспоминала, а уж от злости и следа не осталось. Поэтому она сразу же ответила, что все в порядке и ей тут совсем неплохо живется, так неплохо, что даже домой неохота. Хотя иногда не хватает океана...

Курить сегодня не хотелось, да и кофе порядком надоело. Латиса пила сок и смотрела комедию, где земные животные, внезапно ставшие разумными, спасали землян от безумных инопланетян и, конечно же, спасли. Белоснежный тигр косился янтарным глазом прямо в камеру и без слов было понятно, что он готов на все ради людей. С чего бы это?

Очень быстро пришел ответ от Филиции — она просила Латису подписать прошение к Советникам, в котором они всем коллективом просили не наказывать Леви. Ни секунды не раздумывая, Латиса подписала и отправила, надеясь, что эта история, наконец, осталась в прошлом и про нее можно будет спокойно забыть.

Хотелось видеть Шалье. К тому же им нужно было серьезно поговорить. Может не сейчас, попозже, но придется. Сейчас Латисе хотелось просто его увидеть и чтобы он посидел рядом и улыбнулся. И чтобы позвал по имени тем голосом, от которого просто дух захватывает. Ни у кого больше так не получается...

На ужин она заказала только овощи, зато самую большую тарелку. Разноцветный салат вперемешку с кусочками местного подобия сыра пах чем-то настолько свежим и выглядел таким красивым, что, несмотря на голод, его было жаль уничтожать.

Услышав звук открывающейся двери, Латиса вскочила и пошла встречать Шалье.

Он стоял прямо у выхода, дверь в синюю комнату за спиной осталась открытой. На застывшем потемневшем лице сумасшедшим блеском жили одни только глаза.

Никогда раньше Латиса не видела, чтобы он оставил дверь открытой. Обычно закрытие замков происходило настолько быстро и автоматически, что занимало всего пару минут.

Однако, дверь была открыта... Можно было разглядеть угол стола, экраны над ним и проекцию какого-то материка, плавно плавающую в воздухе. Вероятно, ей удалось бы разглядеть что-нибудь еще, но увидев лицо Шалье, Латиса уже ничего не замечала.

Он сделал шаг к ней и остановился. Губы разлепились, нехотя пропуская воздух.

— Мне нужно живое воплощение Кровавой Богини, — очень медленно сказал Шалье. — И ты... прекрасно подходишь.

— Кто тебе рассказал?

На всех окружающих мониторах плескался спокойный бесконечный океан, сплошь покрытый мелкими кляксами-островками. Второе кресло Шалье вытащил из угла, сбросив с него на пол целую грудку мусора и теперь Латиса сидела в кресле с ногами, старательно отворачиваясь от горячего вопрошающего взгляда.

— Ульрих. А какая разница?

— Ульрих... Ну, каждый рассказал бы по-разному. Я бы предпочел, чтобы это сделал Аелла.

— Сам бы тогда рассказал, — Латиса пыталась разозлиться, но не получилось. Всякие эмоции пропали и отказывались возвращаться. Думать совершенно не хотелось, полумрак, царивший в синей комнате прекрасно подходил такому же пасмурному настроению.

— Ладно... Могу представить, что он сказал. Давай... поговорим?

— Очень вовремя...

— Ну, не злись... Мог бы — сам рассказал.

Латиса впервые с тех пор как очутилась в комнате, к нему обернулась.

— И что же сейчас изменилось? Я понадобилась тебе в твоих грандиозных далеко идущих планах? Из соседки по дому в один миг превратилась в жизненно необходимую пешку, так?

Шалье молча смотрел на нее и даже не пытался ничего ответить. Что-то темное застыло в его глазах и никак не желало опознаваться. Недолго же отсутствовали эмоции, их подтолкнул всего один невероятно чужой взгляд и в ответ внутри Латисы поднималась, вскипая, волна ярости. При должном стечении обстоятельств подобные волны способны смывать спокойное существование не только отдельно взятой семьи, но и целого клана.

— Злишься, — вдруг как-то колко, что звучало у Шалье очень необычно, потек его голос, — Давай, да-а-а. Давай, покажи мне настоящий праведный гнев. Вы, женщины, отлично это умеете, все, как одна, не правда ли? Давай, докажи в очередной раз свою принадлежность к таким же, как ты, потребительницам. О, внешне вы, конечно, бываете очень разные. И типы у вас разные, но как же вы любите делать из меня... собственность. Вам всегда мало... всего. Одна, вместо того, чтобы сразу остановить, долго выслушивает мои жаркие признания, и, в конце концов, легко заявляет, что вообще-то предпочитает моего брата. Отлично, я молчу и ничем не напоминаю о своей слабости, оберегая их семейное счастье. Но нет... ей мало молчания, она все время провоцирует на постоянные подтверждения, что я все еще целиком и полностью принадлежу именно ей, все еще готов в любой момент бросить к ее ногам свою жизнь и...

Пауза была недолгой, но Латиса поняла, что такого Шалье она не знает, да и лучше бы им не знакомиться. Растущее напряжение в его голосе и разгорающиеся глаза сейчас не имеют никакого отношения к Стекляшке, сейчас это результат каких-то ее действий, которые он воспринял как продолжение чего-то, с чем уже не раз сталкивался.

Шалье говорил, все глуше и презрительней, и Латиса быстро сглатывала, сдерживая дрожавшие губы, безуспешно пытающиеся что-то вставить в этот поток бесконечно злых слов.

— Вторая приходит в мой дом и заявляет, что единственное счастье в ее жизни — быть рядом со мной. Прекрасно, пусть живет, мне не так уж и важно, но вскоре выясняется, что

кроме моего внимания ей нужно еще показывать меня окружающим, как зверушку, опасную и непредсказуемую, но ловко удерживаемую легкими движениями ее руки на поводке.

— З...ачем ты мне это говоришь? — Латиса уткнулась в колени и они расплывались, пропадали, заволакиваемые серым туманом слез.

— Ты — одна из них, — жестко и коротко пояснил Шалье. — Знаешь, сколько их приходило? О, тут у меня перебивала, наверное, половина всех жительниц этой планеты. Убийца брата, хитростью избежавший правосудия — это же так щекочет нервы! На меня спорили, мои повадки обсуждали, как погоду прошедшего сезона... Сначала я не брезговал пользоваться подобным вниманием, почему нет... Да, Латиса, сколько же их было... И вначале я даже действительно пытался сделать кого-то счастливее, дать то, что им нужно. Но им всегда, слышишь, всегда было мало!

— Почему ты так... разговариваешь, — не поднимая головы, пролепетала Латиса.

— Потому что тебе тоже мало, — почти прорычал Шалье. — Но в этот раз это как раз весьма удачно! Это позволит нам легко договориться. Видишь ли, так получилось, что я не люблю обращаться за помощью. Никогда. Ни к кому. Но вот сейчас приходится. А помогать запросто так никто никогда не готов, даже те, в ком ты был полностью уверен. И как же удачно, что тебе что-то от меня нужно! Итак, у меня чудное предложение — ты играешь для меня роль Кровавой Богини. Делаешь то, что я прошу, для тебя это, естественно, просто дурь, но для меня это почти последнее, что еще держит в жизни. Итак... а потом я даю тебе все то, чего ты хочешь от меня получить.

— Ты о чем?

— О себе. Ты же хочешь получить меня полностью и безраздельно в свою власть, так? Ты меня получишь, клянусь. Я буду делать все то, чего еще не делаю. Спать на коврик у кровати, охраняя твой чуткий сон. Стоять под дверью ванной, ожидая, пока ты выйдешь, чтобы сразу замотать в подготовленное полотенце, дабы ты случайно не замерзла. Вставать утром первым и приносить кофе в постель.

На глаза навернулись слезы, крупные, как горошины и сразу же покатались вниз, тяжело хлопаясь об ткань кафита, оставляя на нем темные пятна.

— Кормить твоих рыбок, если ты их заведешь.

Губы пришлось прикусить, потому что они опять начали сильно дрожать.

— Таскаться с тобой в гости, на отдых, в любое место и с улыбкой терпеливо ожидать каждого твоего желания, чтобы мгновенно броситься его исполнять. Ты же этого хочешь, правда?

От услышанного было так больно... Наверное потому, что все сказанное было правдой. Она этого хотела. Всего того, что он перечислил и именно в таком виде, как перечислил. Вот только одно НО — она хотела, чтобы он делал это... не по принуждению, по другой, совсем по другой причине.

— Каждую минуту быть в зоне досягаемости, готовому к твоим новым приказаниям. Ты же этого хочешь, правда? — тише и вкрадчивей заговорил его голос. — Хотела с нашей самой первой встречи... Хотела меня приручить и выдрессировать.

— Нет, — автоматически качнула головой Латиса.

— Хотела, не спорь... С того самого дня, когда посмотрела на мой экран и он тебе не понравился, потому что закрывал от твоей власти. С того самого дня... Именно меня хотела, потому и в пещере больше никого не заметила, — как то устало закончил Шалье. — Любой мог бы освободить тебя от мертвой, всего-то — получить и исполнить инструкции

Воплощенной. Но ты хотела чего-то именно от меня. И я отдавал тебе... все. Но тебе тоже... всегда... мало...

Шалье замолчал и только тогда Латиса быстро обернулась к нему. Он шурился, как-то тяжело, болезненно и рвано дышал, словно воздуха не хватало.

— Зачем же ты тогда... протянул мне руку? — с отчаянным страхом прошептал Латиса, полная тяжести, оставленной его словами, правдой произнесенных им слов. — Зачем? — хотелось кричать и она не стала себя сдерживать.

— ЗАЧЕМ ТЫ ТОГДА ПРОТЯНУЛ МНЕ РУКУ? — заорала Латиса. — Мог бы просто этого не делать! Оставил бы помирать в пещерах и никаких проблем... Так что случилось? Пожалел глупое существо, слабое, как котенок среди тигров? Ты меня настолько... пожалел?!

— Нет, — спокойно сказал Шалье и Латиса сразу замолчала.

— Мне не было тебя жаль, — секунду он помолчал, удивлено смотря в океан на экране, будто увидел в нем что-то неожиданное. — Просто с того самого дня, помнишь, когда ты первый раз заблудилась? Конечно, помнишь. Все дело в том, что с того самого дня мне... тоже что-то от тебя было нужно. Настолько нужно, что я даже толком не сопротивлялся этому весьма ненормальному для меня желанию. Сначала — чтобы ты просто была рядом, это казалось таким... правильным. Я отдавал тебе все, что было и ни разу... не пожалел. Даже не задумался ни разу, просто отдавал и все.

Он не улыбался, вода экрана дрожала, отбрасывая вокруг легкие суетливые тени.

— А теперь мне нужна твоя помощь, — твердо закончил Шалье. — Тебя устраивает предложенная сделка? — добавил, так на нее и не посмотрев.

О, сделка Латису действительно устраивала. Она с болезненным удовольствием медленно прокрутила в голове все, им предложенное — как здорово звучит. Как просто, кажется, все это заполучить...

— Нет... Не нужно никаких сделок. Просто скажи, чем я могу помочь. Только у меня одна просьба, может, — она замялась, — кофе сначала сварим? Голова немного гудит.

Тогда Шалье оторвался от мониторов, оглядываясь, посмотрел очень долгим и ровным взглядом и Латиса рискнула ему слабо улыбнуться. Чего-чего, а покупать его она не станет. Никогда. Лучше уж остаться одной.

Латиса допивала уже третью чашку, а Шалье все так же без умолку, с огромным воодушевлением говорил.

— ...и собирают их каждое утро, примерно три дня после этого губки светятся, а после их растирают с водорослями в пасту и используют, чтобы оборачивать рыбу, перед тем как томить на горячих камнях.

Иногда картинки на экране менялись так быстро, что Латиса не успевала даже толком их рассмотреть

— Вот... Нет, лучше тут. Смотри — так они садятся, когда собираются сидеть долго. Видишь, хвост опирается очень низко? А когда ненадолго — почти стоят, слегка на него облакачиваясь, здорово, да?

На такой горящий восторгом взгляд невозможно ответить отрицательно.

— Да, — твердо соглашалась Латиса.

— Сложнее всего оказалось приучить самцов ухаживать за самками и потомством, — картинка уже поменялась на деревню, где у хижины сидела какая-то женская особь,

поблескивая на солнце оранжевой чешуей и держала в руках круглого вертлявого бутуса.

— Пришлось делать самок более... — почти извиняющийся взгляд искоса, — более... интересными для противоположного пола. Тогда, помнится удалось включить в работу целый отдел по генной инженерии, — сейчас Шалье был очень далеко. И даже не на Стекляшке, нет. Сейчас он был в прошлом, в том самом месте, где все еще чувствовал себя счастливым. Было удивительно больно оттого, что он не ощущает подобного восторга, просто находясь рядом с ней.

— А это водяные кроты, не знаю даже, что они больше — рыба или мясо... Раньше хотел как-то попробовать, но не успел.

Их глаза почти одновременно оторвались от мониторов и встретились.

— Почему ты его не спас? — спросила Латиса, так и не придя к решению, стоит ли вообще задевать эту тему. Просто спросила не думая, и все.

— Так получилось... когда мы прилетели... — Шалье терялся в словах и не мог найти нужные. Потом тяжело и длинно вздохнул.

— В общем, — собравшись, сказал, — у меня был выбор — предотвратить взрыв, который уничтожил бы все население материка или Ранье... забрать. Я даже не думал, хотел забрать брата и улететь, но...

Шалье опять посмотрел куда-то, где не существовало ничего, кроме наполняющих его память неисправимых событий. Латиса терпеливо молчала.

— Но... он попросил меня спасти яриц, — довольно гладко и очень быстро закончил Шалье. — Я спас.

Латиса медленно протянула руку, дотрагиваясь до его плеча. Потом до щеки, и он тут же прижался к ладони, словно прячась за ней от действительности.

— А сейчас что? — задала Латиса странный вопрос.

— Я должен доделать то, что начал брат, иначе его смерть окажется совсем бесполезной.

Примерно так она себе все и представляла. Молча рассматривала экраны — окна в совершенно чужой мир, который так настойчиво пытался изменить мужчина, в одночасье ставший для нее немного более важным, чем собственная жизнь. Потом рассматривала угол, где плавно кружил костюм из ярких длинных полос ткани, соединенных ремешками.

На одном из экранов, транслирующих изображение центра деревни, самка ярица подняла с горячих камней сверток с готовой рыбой. Осторожно очистила спекшуюся корку. А после растянула тонкие губы, обнажая несколько рядов узких и удивительно острых зубов, которыми тут же впиалась во все еще жесткую пищу. Рыба порвалась мгновенно, с резким треском, отозвавшимся где-то глубоко в голове, отдаваясь нервным тиком в мышцах.

— И что именно я должна сделать? — пересохшими губами спросила Латиса о том, что пугало больше всего.

Шалье протянул руку и одним быстрым движением отключил экран с жующей ярицей.

Еще через две чашки кофе его план был расписан по пунктам и больше вопросов не вызывал. Теперь приходилось думать, действительно ли он в своем уме, если собирается пустить ее... туда.

— Не бойся ничего, — где-то на заднем плане терпеливо повторял Шалье, — я не дам им тебе навредить. Но пойми, фантом пускать бесполезно — они понимают, что это просто картинка и не верят. Мы начали именно с фантомов и первый же брошенный в него камень развалил весь наш прекрасно обдуманый план.

Латиса пока ничего не могла сказать, пытается уложить все им сказанное в кучу. Куча получалась безобразно огромной и так и норовила развалиться.

— Ярицы тебя не тронут, нужно только, чтобы мой жрец разыграл спектакль, в котором тебя победил. А когда опуститься туман я сразу же тебя заберу и все...

— Ты так уверен, что они меня не тронут? — напомнить о судьбе двух уже погибших подобным образом тайтов Латиса не решилась.

— Совершенно уверен, — ответил Шалье, но его голос на мгновение неуловимо дрогнул.

— И как он меня победит?

— Да что-нибудь придумаю... Попрыгает кругом, поднимая руки с оглушительными воплями, к примеру, а ты испугаешься его невидимой сокрушительной силы и сдашься на милость победителя. Это вообще не вопрос, даже в голову не бери... Гууар считает меня богом, наплету ему какой-нибудь ерунды, в крайнем случае, напугаю. Он выполнит, не бойся, Гууар ничего больше приказанного не сделает, он полностью под моим контролем. Слышит мои команды прямо в голове и беспрекословно им подчиняется. Да и...

Дальнейшего Латиса не разобрала. В сдавливающих висках рассерженным вихрем гудел, набирая обороты, заунывный вопль, постепенно заглушая все остальное. Когда-то так начинались приступы, в которых ее посещала мертвая.

— Он... что ты с ним делаешь?

— Он полностью под моим контролем, — ничего не замечая, уверенно повторил Шалье. — И сделает только то, что я скажу.

— Ты... насильно залез в его голову и заставляешь исполнять все свои приказания?

Тут Шалье немного напрягся, но Латиса настойчиво смотрела в ожидании ответа.

Тогда он просто кивнул.

— Ты... ты... Это же просто мерзко! — она вдруг вскочила, отталкивая кресло. — Как... Таиси!

— Что? — уставился Шалье непонимающе.

— Таиси тоже лезла в мою голову и пыталась руководить моими действиями. И я помню, КАК это было!

— Не сравнивай, это не одно и то же, — быстро проговорил Шалье. Быстро, но не очень уверенно.

— Это так МЕРЗКО! — закричала Латиса прямо ему в лицо, — как же ты посмел?! И чем же ты в таком случае отличаешься от мертвой?! Чем ты лучше?!

Шалье глубоко и быстро вздохнул, но ничего не ответил. Помрачнел, прилипая к экрану с такой дорогой его сердцу Стекляшкой.

— Это отвратительно, — с омерзением добавила Латиса.

Слегка склонив голову к плечу, Шалье, видимо, успокаивался. Обвел тяжелым взглядом комнату, останавливаясь на каждом предмете. А потом на Латисе.

— Уходи, — глухо сказал.

Она дрогнула.

— Что? — неверяще спросила.

— Уходи... Прямо сейчас, — спокойно повторил Шалье и отвернулся к экрану, как будто был здесь совершенно один. За тем, как неловко она пятилась к двери и уходила, следить не стал.

Стоило войти на кухню, как зажегся яркий слепящий свет. Было очень тихо, Латиса

стояла посреди комнаты, смотря куда-то перед собой и ничего не видела. Сколько она прожила в этом доме? И ведь только вначале чувствовала себя, как в гостинице, где вынужден томится во время командировки — какое-то подобие уюта там, конечно, возможно создать, но ничего похожего на атмосферу домашнего вялотекущего покоя. А потом...

Все равно, это место еще не успело стать ее домом. Латиса с полным равнодушием подумала, что это к лучшему. А по дороге в комнату остановилась только один раз. Слева стоял стол, заваленный ее вещами: исписанными мятыми листами и четкими, расчерченными твердой рукой схемами. На их фоне пепельница, полная смятых окурков, выглядела хоть и весьма к месту, но все равно неопрятно. Почти не глядя, Латиса протянула руку, сунула в завал и сразу же нащупала мягкий пакет. Схватила, потянула, пластиковый угол попытался выскользнуть, но сдавленный пальцами все-таки был бесцеремонно вытащен на белый свет. Сжав кулак, как будто пытаясь что-то придушить, Латиса побрела в комнату, не выпуская из руки главного — пакета шаманских благовоний.

Теперь самое время...

Довольно долго Шалье сидел, ни о чем не думая. Потом включил просмотр истории, записанной камерами и стал так же безучастно смотреть. Никаких событий он не искал и сам бы не смог сказать, зачем он этим занимается.

Нужно было думать, что делать с Гууаром, но именно сейчас, провалив план с участием Латисы, новый выдумывать сил не было.

А ведь нужна была такая малость! Никого после Ранье ни осталось, ни единого соратника, хоть на минуту способного понять его план и сделать элементарное усилие, чтобы помочь. Всего однажды ему действительно понадобилась помощь — и вот тебе, человек, на которого Шалье рассчитывал почти так же уверенно, как на себя самого, перечеркивает все одним резким обвинением и оставляет разбираться с проблемами одного.

Никого вокруг нет и не будет, все, конечно же, придется делать самолично. А чего он, собственно, ждал?

Скорее всего, выход остается один — лететь самому... Даже подстраховать некому, хотя... Лучше изначально надеяться только на себя, потому что в последний момент все равно останешься один на один со всеми возможными опасностями.

Как она вообще могла сравнить? Таиси действовала в своих интересах и единственное, чего хотела — поменяться, отдав за себя Латису. А его цель — сделать мир яриц безопасным для них самих, сделать его милосердным и справедливым, таким, как ему уже давно следует быть. Разве это не та цель, ради которой некоторые методы вполне можно использовать?

Шалье был уверен, что именно та.

Гууар на экране завозился, просыпаясь. По данным компактного автомата, который, уже не скрываясь, стоял прямо в углу, медицинских препаратов хватит от силы на двое суток по времени Стекляшки, по времени тайтов — чуть больше двух.

Как же он от всего этого устал! Но зато почти привык — сколько раз за последнее время все висело на волоске? Все наладится, потому что Шалье готов был жертвовать многим... очень многим, а если сказать точнее — то всем.

Гууар оглядел матовую куполообразную верхушку аппарата и перевел взгляд куда-то под потолок хижины.

А смотрящий за ним тайт вдруг отвернулся, гася жалящую жалость к существу, которое,

скорее всего, никогда уже не будет прежним. Из-за него. И может быть зря.

Все... не могу больше, решил Шалье и поднялся, ища коробку с ампулами. Если бы Аелла знал, какие именно препараты имеются у него в запасе... Хотя, и тогда бы ничего не изменилось.

Несколько часов Шалье просто спал, набираясь сил для последнего дела и вполне вероятно последнего в своей жизни. Но... это вызывало даже какое-то облегчение. Просто вернется туда, откуда они все родом. Главное, чтобы задуманное получилось. Он же обещал...

Нужная кнопка экрана почему-то поддалась далеко не с первого раза. Латиса нажала трижды и стала ждать, упорно смотря на пустую поверхность.

Лицо всплыло мгновенно, щурясь от света и с подозрением разглядывало того, кто посмел разбудить его посреди ночи, словно взвешивая возможную причину — а стоит ли она того?

Потом тайт быстро поднял голову вверх, задирая подбородок.

— Латиса... Что-то случилось?

Хорошо, что улыбаться она уже давно умела чисто автоматически.

Открыв глаза, Шалье равнодушно рассматривал потолок. Время пришло, пожалуй. Пора набросать последний план, а после отправиться на Стегляшку и сделать то, что давно уже пора — уничтожить память о Кровавой богине, превратив ее во что-то давно забытое и несущественное.

Он уселся напротив экрана, увеличивая изображение Гууара, все так же бессильно лежащего на одном и том же месте. Потом изгнал жалость, которой не должно быть. По большому счету, себя-то он не жалеет? А сколько весит жизнь одного, ну... двух существ по сравнению с весом счастья для всех остальных?

Рука уже уверенней прикоснулась к клавиатуре.

Здравствуй, Гууар.

Тело резко дрогнуло.

— Ты здесь... я был уверен, что больше тебя не услышу. Зачем я нужен такой...

Раздумывать над словами подопечного не было смысла, как и уверять, что все планы и соглашения остались прежними, потому что (неужели он сомневался?) бога не остановят какие-то глупые попытки соплеменников помешать.

Скоро вернется Кровавая Богиня и ты ее победишь.

Подопечный некоторое молчал, уставившись в пол, на котором уже проступали пятна вездесущего мха.

— Я умру? — спросил невпопад.

Это имеет значение?

Пальцы Шалье словно сталью налились, но он продолжал печатать.

Тебя отравили и жизнь твоя может оборваться очень скоро. Это имеет значение?

— Нет, — неожиданно ответил Гууар, — не имеет. Я ведь был счастлив.

Шалье удивился, причем так сильно, что даже задал вопрос.

Когда?

— Лини, — не дрогнув, сообщил Гууар. — Кстати, это она меня... кормила.

Тайт молчал, не понимая, что именно его подопечный имеет в виду. О каком счастье

говорит? О счастье быть отравленным самой, которую настолько любил, что даже переступил через страх перед божественным всемогущим существом с неуравновешенным характером?

Но следующее сообщение и подало привело Шалье в шок.

— Несчастный ты, Раан, — мягко сообщил Гууар.

— Что? — вслух спросил Шалье, как будто его и правда могли услышать. Но яриц ответил, словно находился рядом в комнате.

— Ты совсем один... И никогда не любил. Мне тебя жаль.

Подумать только — его жалеет существо, во всех отношениях слаборазвитое, одно из тех, кто живет подобно животному и умрет в раннем возрасте от болезни или нападения хищника. Которое даже не знает, насколько мир больше одной планеты, даже не так — одной деревни с окрестностями, за пределы которого тот никогда бы даже не подумал сунуться, если бы не Раан. Ущербный по всем статьям подопечный, жалкая ящерица, вынужденная жить в грязи... И все равно... жалеет.

Я не один.

Что послужило причиной ответа, Шалье сам не понял. Просто увидел, как на экране расцвела напечатанная им фраза. А после раздались звуки, отдалено похожие на скрежет и они словно скреблись где-то внутри, царапались, раздирая в кровь всю его уверенность в верном и неизменном течении его жизни.

Он... смеется, понял Шалье.

Звуки, впрочем, быстро прекратились и Гууар тяжело задышал. Тут же активировался аппарат, впрыскивая в воздух облегчающую дыхание смесь, а после делая укол снотворного, потому что подопечному снова следовало отдыхать.

— А ведь это самое главное... — упрямо прошептал Гууар, закрывая глаза.

Вот тогда-то все и взорвалось. Как-то мгновенно вспыхнуло, оглушительно разбросав в стороны ошметки всего, чем Шалье так старательно обматывал себя перед погружением в Стекляшку. Как стрелка компаса, попавшего в аномальную зону, развернулось куда-то в сторону, дергаясь и толком ни на что не указывая.

Он пока не соображал, что произошло, просто поднялся и пошел к выходу из комнаты.

А вот когда нигде не нашел Латису, тогда в полной мере ощутил быстро расползающийся настойчивый страх, настолько сильный, что даже остальные проблемы на его фоне померкли и отделились. Выгоняя ее из комнаты, Шалье даже подумать не мог, что она как-то по-другому поймет его слова и совсем уйдет из дома. Но других объяснений ее отсутствию не наблюдалось, она всегда предупреждала, что уезжает и насколько, даже в самом начале, когда он из комнаты носа не казал — все равно оставляла записки. А сейчас ничего не было...

Шалье, конечно же, не забыл о Стекляшке и о том, что время быстро уплывает. Он просто не стал об этом думать, потому что начал прокручивать в голове список тех, к кому могла уйти Латиса и первый же номер этого списка заставил его лицо превратиться с яростную, почти потерявшую всякое сходство с обычным состоянием маску.

Карасан открыл дверь, лишь мельком увидев на экране входной двери Шалье. Если бы он знал, в каком состоянии тот явится, точно бы сто раз подумал, прежде чем открывать.

...Когда Шалье понял, что с крепко сжатым горлом Карасан вряд ли что сможет сказать, слегка ослабил давление.

— Где она? — спросил еще раз, почти нормальным тоном. Если не видеть лица, невозможно догадаться, насколько голос не соответствовал его выражению.

— Отпусти, — прохрипел Карасан и отлетел к дивану. Тут же поднялся, опираясь о спинку.

— Ты с ума сошел... — безо всякого удивления, а даже с какой-то радостью, сообщил. Словно наконец-то получил доказательство всем своим подозрениям.

— Знаешь, Карасан, — все еще спокойно заявил гость. — Я не Ульрих и если уж меня запрут в изоляторе, то за дело. Будет за что, понял?..

Тут уж хозяин дома откровенно напрягся. Разбираться и выяснять насколько слова Шалье правдивы почему-то не хотелось.

— Где она? У тебя? Позови. — Отрывисто, словно приказывая, выдавал Шалье.

— Да успокойся! Ты про Латису? Ее тут нет и не было! С какой стати она вообще должна быть в моем доме?

— Врешь, — Шалье шагнул ближе и Карасан тут же закатил глаза, нетерпеливо вздыхая.

— Мы с ней недавно перестали общаться. Из-за тебя, между прочим... Такой упертой слепой влюбленности в того, кто этого вовсе не заслуживает, в жизни не видел... Со мной поссориться из-за одного дурного слова в твою сторону!

Шалье думал, его челюсть двигалась, словно он примерялся с какой стороны будет удобнее кусать стоящего напротив.

— Не верю, — и понесся по дому. Он зашел в каждое помещение, где заглянул под все столы, кровати и открыл все шкафы и хранилища. Карасан, делая вид воспитателя, на которого свалили необходимость приглядывать за десятью карапузами одновременно, ходил следом.

Ничего не найдя, Шалье вернулся в гостиную.

— Убедился? — терпеливо повторил Карасан. — Что вообще произошло?

Его еще раз старательно оглядели и Шалье тут же направился на выход, сдерживая желание все рассказать, во всем признаться. Даже в том, что не делал.

Карасан после его ухода отправился в ванную, где старательно поворачивая голову перед зеркалом, осмотрел оставленные на шее хваткой Шалье синяки. Вспомнил лицо Латисы, когда она с ним прощалась, жестко, словно хоронила. Вздохнул:

— Только бы они не вздумали размножиться!

Туристический купол прозрачной чашкой отгораживал от шума окружающего мира. Через несколько дней наступал сезон, когда приходит безудержный, наполненный мелкой пылью ветер и все население прячется в дома, под защиту усиленных всеми доступными средствами стен.

А сейчас пока безопасно.

Латиса не стала тратить время, разбирая спальный мешок и остальные вещи, хотя и не спешила. Просто ей сейчас было важно совсем другое. Точнее, важного как такового не осталось, только дела, которые нельзя было не закончить.

Она выложила на земле в центре купола небольшой круг из камешков, высыпала туда прессованное топливо, подожгла.

Потом открыла зубами упаковку с курениями и щедрым жестом сыпанула прямо в огонь. Высыпалась почти треть, многовато для одного, да еще в закрытом пространстве.

Курениями Латиса пользовалась всего раз в жизни, как раз после того, как осталась без работы и сестры. Считалось, что такое сильное психотропное средство полностью освобождает разум и дает ему возможность беспристрастно оценить все происходящее вокруг, а после найти в этом происходящем единственно верный путь. На самом деле в прошлый раз курения ничем не помогли, разве что галлюцинации были слишком яркими и, пожалуй, все, от чего она отказалась, не согласившись на встречу с Коториным, она пережила, вдыхая дым.

Но другого выхода не было.

Сухая, пропитанная полуплегальными препаратами трава быстро трещала, сизый дым валил тонкими тугими змеями-колечками, но ей показалось, что дыму маловато.

Латиса высыпала еще немного, еще... Остановилась, когда в пачке оставалось всего ничего. А и, собственно, что страшного произойдет, даже сведи ее с ума все, что придется увидеть? После уже пережитого... Таиси, пещер всех этих бесконечных, необъяснимого вмешательства Темной богини и его...

Латиса глубоко вздохнула и поудобнее улеглась на землю, стараясь не обращать внимания, как сквозь тонкую ткань кафита в тело вбивалось множество мелких камешков и неровностей поверхности.

Самое время.

Дым стал густым и плотным, заставляя глаза слезиться, а горло першить. Вскоре он затемнил все вокруг и ничего нельзя было рассмотреть. Треск костра стал неестественно громким и ритмичным. Прессованное топливо не могло гореть с такими звуками, но какое это уже имеет значение? Тело расслабилось, почти растеклось по камню и перестало чувствовать твердую поверхность, на которой лежало.

А после перед глазами поплыли лица... окруженные огнем лица тайтов и каждое смотрело на нее пристально и серьезно. Карасан... Аелла... Статли... Потом неожиданно возникло совершенно другое лицо — ярица. Латиса почти без напряжения вспомнила имя — Гууар... и позволила ему проплыть мимо.

Потом проявилось еще одно лицо и даже ставшее легким тело напряглось и противно заныло. Шалье.

— Что-мне-де-лать... — сложился сам собой вопрос.

И туман ярко вспыхнул, ослепляя.

Открывшаяся картина выглядела как съемка камерой, которая дрожит в руках, причем изображение было очень некачественным, полустертым.

Снимающий летел над скалами, такими обычными, что даже глаз ни за что не цеплялся. Надо бы запомнить дорогу, подумала Латиса, но не успела — почти сразу же на горизонте вырисовалась гора с приплюснутой вершиной, скорченная, словно уставшая и склонившаяся от старости и дряхлости.

Картинка двигалась, гора приближалась до тех пор, пока не закрыла все небо. Катер (а съемка, видимо, шла именно с него) опустился на площадку и изображение неспешно повернулось, захватывая темнеющий в боку скалы неровный вход.

Потом вход стал ближе, еще ближе и как-то вдруг превратился в огромную дыру, пугающую, как открытая пасть какого-то древнего окаменевшего чудовища.

Камера не замедлилась, быстро ныряя внутрь. Краем глаза Латиса заметила в небольшой пещере у входа чудесный сад, совершенно дикий и неухоженный, но от этого только более привлекательный. Рассмотреть не получилось, камера быстро уплыла дальше, попадая в другое место.

Теряющиеся в высоте гранитные колонны, темнота, еле освещаемая светом, словно из источника, висящего над камерой, неровный пол, усыпанный каменной крошкой и никаких стен вокруг. Изображение петляло, плыло, ныряло за углы, резко разворачивалось.

А потом уперлось в большую статую тайта: много каменных складок плотного плаща, низко опущенная голова, завешенное капюшоном лицо. В то же мгновение камера почти остановилась, еле видимо к нему приближаясь. На секунду Латисе захотелось отвернуться, но уже не получилось и оставалось только смотреть, словно приклеившись, как замерло изображение, как исчезли малейшие движения и шорохи.

Шло время и больше не было слышно ни звука — ни костра, ни бьющего сердца, ни дыхания.

А потом статуя распахнула глаза.

Больше всего его визиту удивился Аелла. С ним Шалье, естественно, не мог вести себя так, как с Карасаном, потому просто встал на пороге и терпеливо ждал ответа на вопрос. Но получил только ворох изумленных восклицаний, из которых было совершенно ясно, что Старший понятия не имеет ни о том, где Латиса, ни о том, что произошло.

И что, кстати, произошло? Шалье невежливо отмахнулся и сразу же попытался уйти.

— Если ты погубишь эту девочку, — устало сказал Аелла ему вслед. — Я тебя больше не прощу.

Но задерживать не стал.

В катере Шалье вспомнил еще о Статли и позвонил ему, хотя не смог придумать, с чего бы Латисе уезжать к торговцу. Но позвонил, потому что нужно было хоть что-то делать, бездействие его убивало, словно вытравливая все то, что еще оставалось внутри живого.

Узнав, что Латиса забрала туристический комплект на двоих, Шалье серьезно растерялся. Потом разозлился, причем на самого себя — ну что стоило навесить на нее маячков? Ну почему он этого не сделал? Конечно, он совершенно точно знал почему — потому что был слишком сильно занят своей Стекляшкой, потому что больше ничего его не интересовало, несмотря на то, что было подсунуто под самый нос.

Зачем ты ее ищешь? — скептически спросил внутренний голос, — ушла, значит, хотела

уйти.

Но губы упрямо сжимались, а Стали отключился сам, когда ему надоело смотреть на экран с молчавшим Шалье.

Придумывать, как именно искать теперь Латису, не пришлось.

Экран загорелся вновь. И увиденное было словно удар ниже пояса.

Латиса стояла посреди его синей комнаты, на фоне мониторов, транслирующих обычный ход жизни яриц.

На ней было церемониальное одеяние, созданное Ранье. Яркие полосы казались слишком алыми на ее бледной коже и отчего-то смотреть было больно. Латиса не улыбнулась, только облегченно вздохнула и придвинулась к экрану ближе, непроизвольно протянула руку, словно хотела погладить то, что увидела — его. Но тут же опомнилась, отдернув руку, сжимая ее в кулак.

— Я сделаю, что ты от меня хочешь, Шалье, — очень нежно проговорила. — И... будь счастлив.

Ответить он не успел, экран тут же погас, унося с собой самое дорогое, что у него было.

Самое дорогое...

А ведь там уже погибли двое! И, честно говоря, он прекрасно понимал, как весь придуманный им план ненадежен и опасен. Как зависит от одних только случайностей и чем, скорее всего, закончится. И все равно... все равно...

Шалье, судорожно давя на кнопки, посылал вызовы на ее экран, но ответа не было. Полчаса лета до дома Шалье не снимал с кнопки пальца, совершенно безрезультатно.

В доме было пусто, а экран валялся в его открытой комнате. Как ей удалось пробраться внутрь, Шалье думать не стал, но пропавший костюм, открытые на одном из мониторов данные по расположению Стекляшки и заказ на пространственный катер с нуль-переходом, сделанный из дома совершенно неоднозначно показывали, что именно она задумала.

Она собралась сыграть роль богини.

Шалье судорожно подсчитал время — учитывая, сколько понадобится ему, чтобы добраться до Стекляшки, разница в их прилете составляла как минимум час.

За час они ее сожрут...

Он охнул, схватившись на край стола.

Сожрут...

И почему же только сейчас эта мысль так испугала? Ведь совсем недавно он сам отправлял ее на Стекляшку. Или не ее? Не понимал, что на экране отразится не картинка, что это будет живая женщина и не просто какая-то женщина, а его.

Ведь ушедшего не вернешь, в этом он совершенно точно убедился. Но все равно рискнул последним, что осталось. Ведь случись непоправимое и ее... больше не вернешь. Никогда.

Какой же он дурак!

Гууар спал, но доза сильнодействующего стимулятора заставила его быстро прийти в себя.

— Что-то случилось? — спросил у потолка слабым голосом, верно оценив причину своего пробуждения.

К вам идет Кровавая богиня.

Гууар вздрогнул, но сдержал желание в панике вскочить.

И если... если с ней хоть что-то случится, я всех вас уничтожу. Всех убью. Слышишь, Гууар? Передай своим вождям и жрицам!

Тут же Шалье заметил, что кроме написанного еще угрожает вслух совершенно незнакомым, дерганым голосом. Не верилось, что это говорит он сам, тем более ведь все идет по плану... вся эта история... которую давно пора похоронить.

И оставить в прошлом.

Слышишь, Гууар?

Тот молчал. Шалье пришлось вспомнить, что трусостью его подопечный никогда не отличался, чем много раз вызывал у него восхищение. Да и вообще... у этого слабого, больного и дикого существа многому бы следовало поучиться.

Тогда Шалье опустил голову и неуверенно написал еще одну фразу.

Спаси ее. Пожалуйста.

И, оставив задумчивого Гууара, вынесся из комнаты к прибывшему пространственному катеру.

За что можно было влюбиться в Стекляшку Латиса поняла, как только вышла из катера. После нуль-перехода все мышцы походили на студень, поэтому она шла медленно, очень осторожно ступая по заросшей густым мхом земле. Окружающая зелень всевозможных оттенков была сочной и выглядела весьма аппетитной, даже с точки зрения человека. Небо сияло мягким спокойным светом. Деревня, в которую нужно было попасть, находилась прямо за ближайшими зарослями и вскоре Латиса заметила, как оттуда стали выпрыгивать непривычные взгляду ярицы, похожие на персонажей детских мультфильмов.

Они походили на дружелюбных ненастоящих существ, кукол, созданных для игр с детьми. Ростом невелики — гребни самых высоких едва доставали ей до груди и перламутровая чешуя заставила замереть и с восторгом ее разглядывать. В руках многих маленьких существ были такие же маленькие аккуратные копья, словно их сделали на продажу туристам.

Как сильно она ошибалась, Латиса поняла в момент, когда одно из копий кольнула ее в ребра и красная ткань окрасилась другой красной краской.

Она вздрогнула и остановилась, оглядывая ощерившиеся зубами совсем негостеприимные морды и слушая почти лающие грозные голоса окружающих ее яриц.

Потом ко всему этому добавилась температура, слишком высокая для человека, а также слишком малая концентрация кислорода в воздухе. Дышать становилось все тяжелее, а рана, хоть и не была опасной, стала привлекать чрезмерное внимание окружающих насекомых.

Потом что-то толкнуло в спину и тогда Латиса просто упала, отключаясь.

...И очнулась уже у столба, руки были вывернуты и привязаны за спину, а прямо перед ней высилась статуя разъяренной Мальтики, ее Латиса узнала мгновенно.

Такую и правда сложно не любить, подумала.

Было очень трудно дышать. Жара заставила одежду прилипнуть к коже мокрыми шершавыми кусками.

Вспомнился хруст, который она слышала, когда ярица зубами разорвала на куски рыбу.

Впрочем, Латиса догадывалась, чем все должно закончиться. Воплощенный тоже не скрывал подобного исхода. Хотя он вообще эмоций никаких не выразил, просто ответил на вопрос.

— Сделай, как он хочет, — ровно ответила статуя с пылающими алыми глазами и больше ничего не добавила.

Правда, когда Латиса уже приходила в себя, под куполом, среди расходящегося дыма

увидала еще одну картину — дверь комнаты Шалье, датчики подмигнули крошечными огоньками, а после дверь щелкнула и распахнулась. На ней проступила толстая, словно краской нанесенная надпись: 'Спеши'.

Она не стала оттягивать. Попрощаться не смогла. Что бы она сказала? То, что он итак прекрасно знает? Знал с самого начала? Понял раньше, чем она сама? Ведь это же его не остановило, совершенно... Даже ее гибель его не остановит, но другого выхода нет, раз уж и Воплощенный так сказал...

Глаза удалось приоткрыть, хотя сквозь слипшиеся ресницы попал пот и сразу же стало жутко щипать.

Перед ней стояло несколько жриц, пристально, безо всякого опасения рассматривая пойманную добычу. Самцы сидели неподалеку, тесным кружком.

Они решают, что со мной делать, поняла Латиса.

Вдруг еле-еле достающая до пояса самка быстро клацнула зубами и самцы тут же вскочили. Лицо чесалось от пота, медленными каплями стекающего со лба и Латиса подумала, что теперь-то Шалье точно должен быть счастлив.

Остановил приближающихся яриц какой-то один, с трудом вышедший из ближайших зарослей. Он почти приполз к ее ногам, где скрючился, с трудом опираясь на хвост. Судя по позе, сидеть пришедший собирался долго. Грудь защитника тяжело поднималась и было видно, что это существо, кем бы оно ни было, — не жилец.

Меня защищает полумертвый доходяга, неожиданно оживленный голос в голове Латиса был таким невероятным, что просто захотелось расхохотаться. Защищает полутруп, вместо того, кто...

Но уже приближались воины, предупреждающе ощерив зубы и Латиса с облегчением провалилась в забытие, надеясь больше из него не возвращаться.

Гууар не успел рассмотреть богиню, хорошо хоть услышал, когда ее привезли и смог открыть запертую и заваленную странным блестящим камнем дверь. Потратил немало времени, оценивая обстановку, точнее оценить-то ее можно было с первого взгляда — богиню собирались съесть, чтобы, вкусив божественной плоти, самим стать сильнее. Доказательство того, что подобное срабатывает, было налицо — в прошлый раз богиня была куда сильнее и многих убила. В этот раз она пришла более слабой. Значит, еще немного и вся ее сила перейдет ярицам, так что богиню можно будет не опасаться.

Все это в который раз весело кричала одна из жриц, неторопливо прохаживаясь между ожидающими начала праздника жителями поселения. Воины, стоявшие немного в стороне, между соплеменниками и богиней, быстро переговаривались и, все как один, приходили к следующему решению — нужно поспешить, потому что иначе о явлении богини узнают жители соседних деревень, быстро явятся и тогда придется делиться с ними божественной плотью.

Неизвестно, почему Гууар все-таки решил вмешаться. Точнее, попробовать вмешаться. Он пробрался под самый бок повисшей на веревках... не знал, как назвать, Богиню она напоминала меньше всего, скорее, просто самка, мельком осмотрел ее и только тогда обернулся к настороженным его появлением жрицам.

— Ее нельзя трогать, — как можно строже рявкнул Гууар.

На него смотрели достаточно красноречиво — может, когда-то он и был представителем бога, но теперь являлся обычным инвалидом, которые долго в обществе

яриц не выживали. Вожди даже не посчитали нужным ответить, просто отвернулись и продолжили беседовать.

Почему нельзя трогать богиню, Гууар объяснить не мог. Боялся ли, что Раан сдержит слово и уничтожит его деревню? Нет, хотя знал, что, скорее всего так и будет. Но не это его толкало, когда он собрался с силами и снова заговорил.

— Ее нельзя убивать... сейчас, — крикнул как мог громко. — Слушайте меня!

Его все-таки слушали, хотя и неохотно.

— За ней придет... Раан. Он уже близко.

— Пусть... они сами разбираются, — с трудом добавил Гууар и стал глубоко дышать.

Молчали жрицы. Молчали воины. Гууар вдруг слабо показал зубы.

— Кто к ней приблизится, будет иметь дело со мной. У меня есть подарок, оставленный Рааном, нескольких убить смогу. Кто хочет проверить?

Неизвестно, поверили ли ему остальные, но, по крайней мере, на шаг отступили от богини, переговариваясь уже тише и серьезнее.

Потом солнце сморило Гууара и он не смог удерживать свое сознание достаточно ясным.

Гууар не знал, было ли увиденное сном или явью. Просто в очередной раз попытавшись приоткрыть глаза, заметил огромную чужую фигуру, напоминающую статую, стоящую на острове, где он встретился с богом.

Раан медленно шел, поднимаясь к площадке от центра деревни, держа в руке странной формы палку. Гууар знал, что это оружие, похожее на то, каким пользовалась в прошлое появление Кровавая Богиня. Раан раньше объяснял ему, как оружие применять, как держать и на что нажимать. Сейчас он сам крепко сжимал рукоятку, хотя и не направлял на яриц.

Увидев Богиню, на секунду замер, а после пошел быстрее. Гууар радовался, что никто из его соплеменников не стал нападать, видимо, хватило ума понять, что эта добыча им не по зубам — вокруг бога сияло небесное пламя, которое обжигает до смерти.

Осторожно отвязав богиню от столба и крепко прижимая к себе, Раан стал осматриваться. Ярицы предусмотрительно отступили дальше, отчего Гууар искренне восхитился их догадливостью.

Потом тяжелый взгляд прищельца замер на статуе Богини, а после он резко поднял свою палку и статуя взорвалась, осыпая мелкими кусками притаившихся довольно далеко жителей. Многие из них тут же вскочили и унеслись прятаться за хижину и только воинам хватило выдержки остаться на месте. А вождь даже смог угрожающе поднять копье.

Никакого внимания на копье Раан не обратил. Он медленно повернулся к почти лежащему неподалеку Гууару. Окружающее его пламя неожиданно стало стихать и почти сразу полностью исчезло.

Раан забросил оружие за спину, сделал один шаг и наклонился над подопечным, протянул руку, дотрагиваясь до его головы, погладил, стараясь не смять гребень. Потом резко достал из-за пояса еще одну палку — оружие поменьше и протянул рукояткой вперед.

И сказал что-то странным и чужим голосом, больше похожим на кашель. Среди глухих звуков Гууар разобрал только свое имя и понял, что с ним прощаются.

Через секунду Раан уже уходил, унося свою богиню, а Гууар крепко сжимал странное оружие, неожиданно придавшее ему сил. Губы сами собой растянулись в довольном оскале.

Он жив. Да и вообще сегодня — не такой уж и плохой день.

История умалчивает, что произошло с Гууаром.

Через несколько лет совет тайтов по наблюдению за малоразвитыми разумными расами добрался до давно заброшенной Стекляшки, которая когда-то была центром многих громких скандалов и всегда связывалась с именем Шалье, давно уже вместе с женой улетевшего в составе посольства к людям.

Никаких чужеродных вмешательств, кроме одного, в быте яриц комиссия не обнаружила.

А насчет этого одного, вот оно — прямо посреди самого крупного поселения, на площадке, выложенной неровными камнями, возвышалась статуя тайта с длиной ионной пушкой в руке. Взгляд его был не менее красноречив, чем схваченное в камне угрожающее движение руки, поднимающей оружие.

На постаменте статуи была выбита надпись.

'Тот, кто не вмешивается'.

Больше книг на сайте - Knigolub.net